

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

3 (34)

журнал выходит четыре раза в год

**ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Издается с 1968 г.
ISSN 2306-5826

Выпуск 3 (34), 2017
Выходит 4 раза в год

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционный совет

*Акад. РАН В.И. Тишков (председатель);
член-корр. РАН Х.И. Амирханов; акад. РАН Н.Н. Казанский;
акад. РАН А.Б. Куделин; член-корр. РАН В.В. Наумкин;
д.и.н. Ю.А. Петров; д.и.н. В.В. Трепавлов*

Редакционная коллегия

*д.и.н. Б.Х. Бгажноков, д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Ж.М. Гузеев,
д.ф.н. А.М. Готов, к.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Х.Х. Малкондуев,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Р.Г. Оширов, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Х.Т. Тимижев, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

3 (34)
the journal comes out four times a year

**BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH**

Published since 1968
ISSN 2306-5826

Issue 3 (34), 2017
Published 4 times a year

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l c o u n c i l

V.I. Tishkov (chairman), Member of the Russian Academy of Sciences;
H.I. Amirkhanov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
N.N. Kazansky, Member of the Russian Academy of Sciences;
A.B. Kudelin, Member of the Russian Academy of Sciences;
V.V. Naumkin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
U.A. Petrov, Doctor of History; *V.V. Trepavlov*, Doctor of History

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of History *B.H. Bgazhnokov*; Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*;
Doctor of Philology *Zh.M. Guzeev*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kumykova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *H.H. Malkonduev*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *R.G. Oshroev*; Candidate of History *D.N. Prasolov*;
Doctor of Philology *H.T. Timizhev*; Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Муратова Е.Г.</i> От сближения к интеграции: Балкария и Российское государство в XVII–XIX вв.	7
<i>Озова Ф.А.</i> Принципы функционирования института аманатства в кабардино-русских отношениях в 30-е гг. XVIII в.	12
<i>Кармов А.Х.</i> Пореволюционная эмигрантская публицистика П.Т. Коцева ...	19
<i>Жанситов О.А.</i> Формирование кабардинских конных полков и их участие в белом движении	33
<i>Тхамокова И.Х.</i> Новые материалы о генерал-майоре Эльмурзе Черкасском (Бековиче)	41
<i>Кожев З.А.</i> Союзнические отношения как фактор внешней политики и средство поддержания иерархических связей (на примере сюжетов из истории Кабарды XVIII в.)	47

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

<i>Тетуев А.И.</i> Социально-экономические факторы обеспечения стабильности в Кабардино-Балкарии (1990-е – начало XXI в.)	55
<i>Оширов Р.Г.</i> Факторы и условия, влияющие на проявление экстремизма в молодежной среде Кабардино-Балкарии.....	64
<i>Такова А.Н.</i> Мусульманское духовенство постсоветской Кабардино-Балкарии: становление, особенности развития, современное состояние социальной группы	73

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Аппоев А.К.</i> Пословицы и поговорки как источник изучения культурно-языкового сознания	84
<i>Кучмезова Л.Б.</i> Некоторые фонетические особенности диалектов карачаево-балкарского языка и их влияние на литературную норму	88
<i>Тымыжь Хь.Т.</i> Лъэпкъ литературэм и уэрэд дахэ	92
<i>Керимова Р.А.</i> Литературный процесс и специфика нового поэтического течения карачаево-балкарских авторов	98
<i>Хавжокова Л.Б.</i> Ретроспективные рефлексии в романе-поэме «Царская любовь» («Гуащэн») Л. Балаговой	101
<i>Берберов Б.А.</i> Нравственный кодекс спецпереселенца (на материале карачаево-балкарской поэзии выселения)	108
<i>Бухуров М.Ф.</i> Русско-адыгские параллели в фольклорных формулах женской красоты	115
<i>Гутова Л.А.</i> Фольклор в контексте игры	123
<i>Хагожеева Л.С.</i> Характеристика героя через описание воинского снаряжения (на материале адыгских историко-героических песен)	131

МАТЕРИАЛЫ. СООБЩЕНИЯ. РЕЦЕНЗИИ

<i>Мамиева И.В.</i> Драма как художественное отражение национальной истории	136
Сведения об авторах	139

CONTENT

HISTORICAL SCIENCE

<i>Muratova E.G.</i> From political rapprochement to interaction: Balkaria and Russian state in the XVII–XIX centuries	7
<i>Ozova F.A.</i> Principles of the functioning of the institution of amanatism in the kabardino-russian relations in the 30 ^s of the 18 th	12
<i>Karmov A.H.</i> Post-revolutionary emigre journalism by P.T. Kotsev	19
<i>Zhansitov O.A.</i> Organization of the kabardian cavalry regiments and their participation in the white movement	33
<i>Tkhamokova I.H.</i> New materials about life of the major general Elmurza Cherkassky (Bekovich)	41
<i>Kozhev Z.A.</i> Allied relations as a factor of foreign policy and a means of maintaining hierarchical relations (on the example of stories from the history of Kabarda in the 18 th century)	47

PROBLEMS OF MODERN SOCIETY DEVELOPMENT

<i>Tetuev A.I.</i> Socio-economic factors ensuring stability in Kabardino-Balkaria (1990 ^{-ies} the beginning of the 21 st century)	55
<i>Oshroev R.G.</i> Factors and conditions for involving young people in modern Kabardino-Balkaria to extremism	64
<i>Takova A.N.</i> The muslim clergy of the post-soviet Kabardino-Balkar republic: formation, characteristics of the development, current status of the social group	73

LINGUISTICS. LITERARY CRITICISM

<i>Appoev A.K.</i> Embodiments and talks as a source of studying cultural-language consciousness	84
<i>Kuchmezova L.B.</i> Some phonetic features of dialects of karachai-balkar language and their influence on the literary norm	88
<i>Timizhev Kh.T.</i> New motives in kabardian prose	92
<i>Kerimova R.A.</i> Literature process and the specificity of the new poetic currents in karachay-balkar authors	98
<i>Havzhokova L.B.</i> Retrospective reflections in the roman-poem «Tsar's love» («Guyaschene») of L. Balagova	101
<i>Berberov B.A.</i> Moral code of special settler (on the basis of Karachay-Balkar poetry of eviction)	108
<i>Bukhurov M.F.</i> Russian-adighe parallels in the folklore formulas of female beauty	115
<i>Gutova L.A.</i> Folklore in the context of game	123
<i>Hagozheeva L.S.</i> Characteristics of the hero through a description of military equipment (on the material Adyghe historical and heroic songs)	131

MATERIALS. MESSAGES. REVIEWS

<i>Mamieva I.V.</i> Drama as an artistic reflection national history	136
The authors of this issue	142

УДК 93 (470.6)

Е.Г. Муратова

ОТ СБЛИЖЕНИЯ К ИНТЕГРАЦИИ: БАЛКАРИЯ И РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО В XVII–XIX ВВ.

Статья приурочена к 460-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. Работа посвящена исследованию Балкарии в региональном и общероссийском историческом контексте с середины XVII до начала XX в. Раскрывается поступательный процесс политического сближения, исторического взаимодействия и единения балкарского народа с Россией. Показано, что века совместной истории отмечены важными вехами.

Ключевые слова: Россия, Кабардино-Балкария, 460-летие союза и единения, Балкария, балкарцы, политическое сближение, интеграция, социокультурное взаимодействие.

Знаменательная дата – 460-летие союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией – вновь заставляет обратиться к событиям и актам, знаменовавшим вхождение Кабарды и Балкарии в состав Российского государства. Эти события лишний раз свидетельствуют, что кабардинский и балкарский народы двигались одним историческим путем. Взаимоотношения балкарских обществ с Российским государством также имеют многовековую историю. На этом длительном пути можно выделить несколько знаменательных вех.

Первый этап XVII–XVIII вв. – эпоха эпизодических политических и экономических контактов балкарцев с Российским государством. В это время Россия постепенно укрепляла свое влияние в Кавказском регионе с помощью военно-союзнических отношений в первую очередь с адыгской знатью. Балкарские общества, располагавшиеся за Кабардой, в глубоких ущельях Центрального Кавказа, на перевальных путях, ведущих в Грузию, постепенно попадали в поле зрения Российского государства. Самые ранние сведения русских источников о Балкарии и балкарцах содержатся в документах Посольского приказа, относящихся к концу 20-х годов XVII в. Еще в первой половине XIX в. часть документов этого учреждения, касающаяся разведки месторождений серебра на Центральном Кавказе, была отослана из Москвы в Петербург академику Гамелю и осталась в его собрании, хранящемся в настоящее время в Санкт-Петербургском отделении Института истории РАН. На основе этих материалов была выполнена работа «Описание путешествия на Кавказ, предпринятого в 1628 г. по приказанию царя Михаила Федоровича для отыскания серебряной руды». Несколько документов из собрания Гамеля вошло в I том капитального археографического издания 1957 г. «Кабардино-русские отношения». В этих источниках, описывающих район разведки рудных богатств Центрального Кавказа, прямо указывается, что «тем же местом Балкары владеют».

В середине XVII столетия балкарцы попадают в поле зрения российских дипломатических миссий, направлявшихся в Грузию. В так называемых статейных списках, обширных письменных отчетах, послы подробно день за днем записывали свой путь и делали отметки о выполнении данных им поручений. Весьма

поэтично звучит фрагмент из статейного списка посольства Ф. Елчина и П. Захарьева 1639–1640 гг. в Дадианскую землю, где в мельчайших подробностях описан путь послов из Кабарды в Грузию через территорию балкарских обществ. Природные условия горного края произвели неизгладимое впечатление на путешественников: «А в Дидьянскую землю из Олегукиной Кабарды путь тесен, горы непроходимые, а конной дороги отнюд нет, а пешия ходят з горям. А промеж гребней лежит снег от зачатья свету; каторой год снег идет, и тот себе слоєм обледенев и лежит, а которые снеги старые от прежних лет, и те лежат позеленев, аки турской купороской»¹.

С точки зрения истории Балкарии несколько более информативно выглядят статейные списки посольства А.И. Иевлева и Н.М. Толочанова, посетивших Имеретию в 1650–1652 гг. Так, например, они сообщают, что в Балкарском обществе русских и имеретинских послов балкарские мурзы приняли с честью, разместили по своим домам и проводили послов и государеву казну до Грузии. В отчете о денежных расходах посольства сообщается, что трем балкарским мурзам за оказанные услуги было выдано по три аршина красного сукна, дорогой шелковой ткани и по соболу на 10 рублей. 1 июня посольство двинулось через снежные перевалы, и до тех мест их вновь провожали балкарские владельцы «Алибек да Чеполов с братьями и с детьми; и из под-гор воротились к себе в Болхары»².

Выполнив дипломатическую миссию в Грузии, в октябре посольство Иевлева и Толочанова возвращалось домой той же дорогой. При этом следует отметить, что Балкария была тем пограничьем, где осуществлялась передача послов что называется «с рук на руки». И там же в Балкарии, русские послы намеревались встретить и проводить до Москвы внука Теймураза, которого тот обещал отправить ко двору московского царя. Дорога через Главный Кавказский хребет тогда представляла значительные трудности для посольств и неизбежно приводила их в тесное соприкосновение с окрестным горским населением. Самым надежным средством обеспечения безопасного проезда в зоне Большого Кавказа был наем проводников. Главной обязанностью проводников, помимо хорошего знания местности, являлось обеспечение неприкосновенности провожаемого лица или посольства, охрана находившихся при путниках материальных ценностей и подыскание ночлега. Институт «проводничества», воспринимавшийся как услуга, компенсируемая жалованием или подарками, играл важную роль в развитии политических контактов.

В марте 1658 г. впервые в истории балкаро-российских отношений один из горских владельцев – Артутай Айдаболов, сопровождая кахетинского царя Теймураза, посетил Москву и в составе грузинского посольства был представлен ко двору царя Алексея Михайловича³. Это одно из самых ранних свидетельств письменных памятников о прямом политическом контакте представителя балкарской знати с русским правительством. Пребывание Артутая в Москве очень скупо отражено в русских источниках, известно лишь, что на отпуске грузинского царя Теймураза он наряду с другими посланцами Кавказа был богато одарен.

В документе, в частности, говорится: «Царев крестник, и крайчей князь Сачина Сулханов и Болхарский владелец Артут, и чиновные люди царское величество жалует Вас своим государским жалованием по сороку соболей. А дворяном царя Теймураза Давидовича жалует царское величество своим государским жалованием от казны. А после того думной дьяк к великому государю молвил. Великий государь на вашем государское (...) жалование митрополит и архимарит и игумены и старец и бояре и чиновные люди вам великому государю челом ударили. И великий государь велит думному дьяку сказати царское свое государево жалование от своего царского стола яству и питье и отпустил великий государь царя и чиновных ево людей на подворье»⁴. Документ позволяет говорить о достаточно высоком политическом статусе балкарского владельца Артутая, который был одарен наряду с кахетинским царем (еще в 1639 году присягнувшим на подданство русскому царю) и представителями тушин и шибутян, просивших о принятии

жителей Тушинской земли и Шибутского джамаата в русское подданство. С этого времени можно говорить о длительном, не всегда поступательном процессе политического взаимодействия и сближения балкарских обществ с Россией.

Источники XVIII в. также иногда упоминают балкарцев в связи с дальнейшими действиями России на Северном Кавказе: разведкой рудных богатств и развитием экономических контактов через опорные пункты на Кавказской линии⁵. Во многом благодаря донесениям военных чинов и трудам академических ученых, совершивших в последней трети XVIII века экспедиции на Кавказ, балкарцы стали известны западноевропейской и российской науке⁶.

В целом же, контакты балкарцев с Российским государством в XVII–XVIII вв. оставались эпизодическими, имели ознакомительную направленность и носили дружественный характер. Балкарские общества в определенной степени способствовали выполнению задач восточной политики России и установлению тесных связей с Грузией.

Вторая важная веха приходится на последнюю четверть XVIII – 20-е гг. XIX века. В это время сложились политические предпосылки для тесного взаимодействия балкарских элит с российской администрацией на Кавказе. Еще в конце XVIII в. балкарские владельцы несколько раз проявляли инициативу и обращались к российскому военному командованию на Линии с просьбой о защите и покровительстве⁷. Этот процесс был опосредован Кавказской войной и растянулся на десятилетия. Политически важным является акт присяги 11 января 1827 года, принятой главами владельческих фамилий всех балкарских обществ⁸. В ответе Командующего на Кавказской линии генерал-лейтенант Эммануэля в частности говорилось: «...сим ответственю зная благое желание всероссийского великого государя императора Николая Павловича с коим его величество дарует мир и благоденствие всем покоряющимся его высокой державе я принимаю от вас верноподданническую присягу всероссийскому великому государю императору Николаю Павловичу и наследнику его государю великому князю Александру Николаевичу, изъявляя сим Дигорскому, Чегемскому, Болкарскому, Хуламскому, Бизингинскому и Урусбиевскому народам покровительство, всякую справедливую защиту»⁹. Затем балкарские владельцы выразили готовность поступить на российскую военную службу и ходатайствовали о сохранении своих древних прав, обычаев и о свободном исповедании ислама¹⁰.

Процесс вхождения Балкарии в состав России может быть в целом типологизирован как лояльный вариант социополитической адаптации этнического сообщества к государственно-административным реалиям империи. Это было обусловлено далеко зашедшей социальной стратификацией, устойчивым статусом этнической элиты и наличием достаточно зрелых форм политической самоорганизации общественных единиц. Не следует преуменьшать и значение акта верноподданнической присяги, принесенной представителями всех балкарских обществ ген. Эммануэлю в 1827 году. С точки зрения царской военной администрации это могло рассматриваться как простая формальность, но для балкарской феодальной элиты и всей массы населения балкарских обществ это было формой внутреннего признания новой политической реальности и необходимым условием легитимации Российской государственной власти в общественном сознании.

Еще одна важная веха на пути развития взаимоотношений Балкарии с Россией – отправление в Санкт-Петербург депутации. В декабре 1852 – январе 1853 гг. представители владельцев пяти балкарских обществ посетили столицу Российской империи. Как сказано в одном из документов: «Государь Император удостоил благосклонным приемом прибывшую ныне в Санкт-Петербург депутацию от горских племен, сопредельных Большой Кабарде. Высочайше повелеть соизволил: Согласно ходатайству Генерала от Кавалерии Завадского, старшин племен Чегемского: Махака Малкарова и Джулай Келеметова; Балкарского: Кучук Мисакова, Кайт Мирзу

Айдебулова, Хамзу Шаханова, Бек-бий Абаева и Чепало Амерханова; Урусбиевского: Исмаила Урусбиева; Хуламского: Умара Шакманова и Безингиевского: Чекана Суншева – произвести в прапорщики с назначением всем сим лицам жалования по 75 рублей в год, и Чегемского племени прапощика Кучук Баймурзова произвести в подпоручики, с назначением ему жалования до 90 рублей серебром в год»¹¹.

В ходе этого визита депутаты изложили две просьбы. Во-первых, именовать высшее сословие балкарского народа прежним именем «таубий» (горский князь), понятным для подвластного им народа. Во-вторых, в связи с недостатком земли просили отдать в их пользование участки, находящиеся около гор и отделяющие их от владений кабардинцев. Если первая просьба была удовлетворена, и представители высшего сословия с этого времени официально стали именоваться «таубиями», то основная просьба о прибавлении балкарцам земли пока оставлена была без разрешения¹².

Все сословные и земельные преобразования, осуществленные в горских обществах российской администрацией, приходится на 1860-е – начало XX в. В этот период существенно изменилось соотношение внутренних и внешних факторов собственного цивилизационного развития северокавказских народов, резко нарастало и становилось доминирующим влияние внешних модернизационных процессов, связанных с либерализацией политической, общественной и экономической жизни России. Реформы осуществлялись на Северном Кавказе после завершения Кавказской войны и были связаны с одновременными поисками механизмов устойчивой интеграции местных этносоциальных общностей в социально-политическую систему империи и форм их дозированной модернизации, совместимой с социокультурными традициями народов региона.

С 60-х гг. XIX в. в состав Кабардинского округа наряду с Большой и Малой Кабардой также вошло «приставство урусбиевского, балкарского, чегемского и хуламского народов», созданное еще в 1846 г. и в административном отношении объединявшее все балкарские общества. А в Окружном народном суде за депутатами от Балкарии было зарезервировано два места. С 1866 по 1870 г. балкарские общества были объединены в Горском участке Кабардинского округа, тогда контуры границ участков приблизились к очертаниям границ этнических. В период с 1870 и вплоть до 1918 г. балкарские общества находились в составе различных участков последовательно Георгиевского, Пятигорского и Нальчикского округа Терской области. В конце 80-х годов XIX века практически все балкарские населенные места были собраны в границах второго участка Нальчикского округа Терской области. Административное оформление территории этнически идентичных, но «отдельных» балкарских обществ, безусловно, способствовало их консолидации.

В 1866 г. российские власти инициировали освобождение зависимых сословий. Результаты же земельных преобразований в Балкарии свелись к описанию различных форм землевладения и землепользования; к законодательному определению порядка пользования пастбищными землями, находившимися в совместном владении Кабарды и пяти балкарских обществ; а также к выделению участков для решения земельного вопроса. Начиная с 70-х гг. XIX века в предгорных районах для безземельных горцев стали создаваться новые селения: Гунделен, Кашхатау, Хасаут, Хабаз и Чижок-Кабак. Переселение части балкарцев из ущелий в предгорья, изменение границ расселения этноса благотворно сказалось не только на экономических условиях жизни балкарцев, но и на росте их народонаселения, на активизации консолидационных процессов. В новых поселках в начале XX в. проживала уже четвертая часть балкарского населения. Таким образом, важно подчеркнуть, что жизнедеятельность и социокультурное воспроизводство балкарского общества осуществлялось к концу XIX – началу XX века в административном, правовом и общесоциальном контексте модернизирующегося российского общества. В составе России Балкария приходит к современному периоду своей истории. Начинается такой короткий XX век.

Итак, политика Российского государства на Кавказе и его воздействие на внутреннюю жизнь местных обществ выступили источником исторической динамики, тех трансформаций, которые балкарское общество претерпело на протяжении XVII–XIX вв. Фактор российской политики не оставался неизменным. При всех поворотах в этой сфере можно говорить о постепенном нарастании активности, масштабов и глубины воздействия Российского государства на социально-исторические процессы в балкарском обществе.

В целом, исторический процесс вхождения народов Кабардино-Балкарии в состав России, начатый в середине XVI в., завершился в первой трети XIX в., а к началу XX в. были достигнуты определенные результаты в деле их социально-культурной интеграции в развивающееся российское общество и государство. Балкария и балкарцы на этом историческом отрезке прошли свой путь от сближения к интеграции с Россией, отмеченный важными вехами и историческими актами. При этом нельзя забывать об общности исторических судеб всех народов Кабардино-Балкарии в контексте их отношений с Россией и почти двухвековом процессе совместного социального и культурного развития, постепенной и поэтапной интеграции в единое гражданское сообщество современного Российского государства.

Примечания

1. Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.–Л., 1954. С. 225.
2. Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.). Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. С. 462–479.
3. Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. М., 1997. С. 194.
4. Российский государственный архив древних актов. Ф. 110. Сношение России с Грузией. Оп. 1. 1658. Д. 5(1). Л. 64 об.
5. Русско-осетинские отношения в XVIII в. Орджоникидзе, 1976. Т. 1. С. 36–39.
6. Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 206–208, 212–213, 244–257.
7. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 482. Д. 192. Л. 140–141.
8. Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX вв. М., 1998. С. 452.
9. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6200. Л. 18–19.
10. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 281. Л. 13–13 об.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1268. Оп. 6. Д. 223. Л. 1–7.
12. Документы по истории Балкарии. 40–90-е гг. XIX в. Нальчик, 1959. С. 40–52.

E.G. Muratova

FROM POLITICAL RAPPROCHEMENT TO INTERACTION: BALKARIA AND RUSSIAN STATE IN THE XVII–XIX CENTURIES

The article is devoted to the 460th anniversary of the alliance and unification of the nations of Kabardino-Balkaria with Russia. It deals with the development of Balkaria in a regional and all-Russian historical context from the middle of XVIIth century to the beginning of the XXth. Forward process of political rapprochement, historical interaction and unification of Balkar people with Russia is revealed. Shown, that the centuries of joint history are noted by important milestones.

Keywords: Russia, Kabardino-Balkaria, 460th anniversary of the alliance and unity, Balkaria, Balkars, political convergence, integration, socio-cultural cooperation.

Ф.А. Озова

ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА АМАНАТСТВА В КАБАРДИНО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 30-Е ГГ. XVIII В.

Институт аманатства в кабардино-русских отношениях существовал дискретно. Если в XVII веке он строился преимущественно на основе посольского обычая, то с 1722 года, когда он был возобновлен, принципы его функционирования значительно изменились. Прежде всего, увеличилось число аманатов, расширился их сословный состав, увеличились сроки пребывания в аманатах.

Ключевые слова: Институт аманатства, кабардино-русские отношения, пщы, тлекотлеш.

С 1730-х гг. начался новый этап противостояния султана и российского императора за включение кабардинских князей в сферу своего политического влияния. Несмотря на то, что Петр I отказался в своей грамоте к султану Ахмеду III (20.03.1720) от своих притязаний на Кабарду¹, российское правительство выработало тайную стратегию по установлению здесь своего политического влияния. Ее осуществление началось с 1715 г., но наиболее решительные шаги были предприняты в 1721–1722 гг. в рамках Персидского похода Петра I.

Частью этой политики можно назвать и восстановление в кабардино-русских отношениях после 25 летнего перерыва института аманатства, являвшегося на тот момент единственным механизмом влияния российского правительства на кабардинских князей. Требование к кабардинским князьям в выдаче аманатов обособывалось «обычаем». Однако это было не в полной мере восстановление, так как были изменены многие принципы посольского обычая, на основе которого он функционировал. Прежде всего, значительно было увеличено количество аманатов, расширен их сословный круг, когда помимо *пщы* аманатами становились представители *тлекотлешей* (первостепенных дворян), также значительно увеличился срок их пребывания в аманатах. Если, к примеру, в XVII в. в аманаты брался лишь один представитель правящего сословия Кабарды, а именно сын *пщышхуэ*, то с петровских времен, помимо княжеского сына, в аманаты стали братья и сыновья его наиболее сильных вассалов из сословия *тлекотлеш* (*ллакьуэлэи*). Это было связано с тем, что в силу полицентрического политического устройства Кабарды, это сословие играло заметную роль в политической жизни страны. Если в XVI–XVII вв. *тлекотлеш* только сопровождали принцев, как и их «дядьки» и «мамки», то проживавшие в Терской крепости с августа 1722 г. *тлекотлеш* уже имели статус аманатов.

Функционирование института аманатства российской стороной было также увязано с «просьбами» кабардинских князей о примирении двух оформившихся среди них враждебных партий: «Одна из них называлась *Кашкатавская*. По имени горы Кашкатау, близ р. Черека. Она открыто объявила себя враждебной России и предалась на сторону крымского хана. К этой партии принадлежали сторонники князя Рослан-бека Кайтукина из рода Жанбулатова. Другая партия называлась *Баксанской* (по имени р. Баксана). Она состояла из родов Атажукина и Мисостова. Во главе ее стоял Бамаг, или Магомет Кургокин. Партия эта всегда оставалась верною русскому государству»² (курсив наш. – О.Ф.). Это разделение стало

поводом, чтобы российское правительство стало требовать от кабардинцев выдачи аманатов от обеих княжеских коалиций, что привело к постоянному увеличению числа аманатов.

Р.З. Фидарова, подготовившая обстоятельное исследование по истории междоусобных столкновений в Кабарде в 1720–1774 гг., отмечает, что одна из закономерностей российской политики относительно Кабарды состояла в обеспечении заметных преимуществ одной из княжеских коалиций, к примеру, «баксанцев». Но при этом не допускалась их окончательная победа над «кашкатауцами» «с тем, чтобы обе группировки постоянно нуждались в российской поддержке и непрерывно находились под ее влиянием. По сути дела, Петербург исподволь пытался внедрить политическую систему, которая периодически “давала сбои” и только при помощи России заново оживала и функционировала. Тем самым предполагалось обеспечить постоянную возможность манипулирования незаметно навязанной схемой взаимодействия между феодальными группировками страны»³.

Иналидами Кабарды постоянно поднимался вопрос о необходимости восстановления принципов функционирования института аманатства в рамках посольского обычая. Так кабардинский посол к императорскому двору в 1732 г. князь Мухамед Хатокшоко (Магомед Атажукин) отмечал: «А прежде сего наших аманатов было давано по человеку одному, которые повсягдно переменались, а ныне аманаты наши умножились и живут беспеременно, о которых в. и. в. покорно просим пожаловать, дать указ, чтоб по-прежнему переменять»⁴.

Эти нормы, о которых здесь шла речь, а именно ежегодная смена аманатов и пребывание в аманатах одного представителя от *тцышхуэ* Кабарды, в кабардино-русских отношениях нарушались очень часто и в предыдущий период, что поддерживало на протяжении всего XVII в. постоянный дипломатический дискурс об аманатах. Возобновление после 25-летнего перерыва «обычая» аманатства в кабардино-русских отношениях не могло не восприниматься достаточно болезненно кабардинским истеблишментом, тем более что, пообещав ограничиться в качестве аманата одним сыном *тцышхуэ*, астраханский губернатор Вольнский, нарушив свое слово, оставил в Терках помимо него еще восемь человек – одного князя и 7 *тлекотлешей*.

Зачастую документы об аманатах, относящиеся к этому времени, создают впечатление, что в Петербурге вообще забыли, что в креп. Святого Креста в то время находились аманаты от кабардинских князей. Материалы Коллегии иностранных дел свидетельствуют, что вопрос об аманатах стал обстоятельно изучаться в период правления в России новой императрицы Анны Иоанновны (1730–1740). В канцелярию Астраханской губернии по указу императрицы был направлен запрос о месте института аманатства в истории кабардино-русских связей. Запрос требовал уточнить количество кабардинских аманатов, пребывавших ранее в Астрахани и на Тереке, а также, «как оные содержаны были и какого случая оные владельцы аманатов в российскую сторону давать перестали»⁵.

Ответ содержал справку, что до 1719 г. Астраханская губерния входила в Казанскую губернию и, соответственно, рекомендовано было справиться по нему в канцелярии казанского губернатора⁶. Также отмечалось, что с 1724 г. в соответствии с именным указом Петра I все жители Терской крепости «и вышеозначенные аманатчики в крепость Святого Креста переведены и содержатся под ведением тамошнего командира, а кроме того, в Астраханской губернской канцелярии о кабардинских владельцах известия не имеется»⁷. Так же сообщалось, что «те владельцы в верности давали Манаты (так в документе. – О.Ф.), но как они содержались, и «из какого случая оные владельцы аманатов в российскую сторону давать перестали и от е.и.в. уклонились такова известия в губернской канцелярии не имеется»⁸.

О недостаточной осведомленности правительства Анны Иоанновны в вопросе об аманатах говорит и то, что ему было уделено особое внимание во время

аудиенции князя Мухамеда Хатокшоко (Магомета Атажукина) у вице-канцлера А.И. Остермана. Последний расспрашивал кабардинского князя о наличии кабардинских аманатов в креп. Св. Креста, на что посол отвечал, что «ныне от них в Сулаке 2 аманата и при них 7 узденей, а исстари бывало от них по 1 аманату. <...> И господин вице-канцлер спросил, что сколь давно те аманаты их в Сулаке. И владелец сказал, что тем аманатам будет лет с 7⁹, как в Сулаке...»¹⁰. В «Протоколе расспроса кабардинского посла Магомета Атажукина в Коллегии иностранных дел о Большой и Малой Кабарде» (7.03.1732) отмечалось, что под «Листом ...» к императрице подписались 8 князей, в том числе и сам посол Магомет Атажукин (МахOMET-бек), «еще имеетца их же братьев главных владельцев же 11 человек...»¹¹, из которых двое находились в аманатах в Сулаке (креп. Св. Креста): «один – Ислям-беков сын Навруз-бек – 15 лет, 2-й – Бахтыгирей-бек – 30 лет, ему МахOMET-беку, прибывшему сюда брат родной; да при тех же двух беках в аманатах 7 узденей»¹². Здесь же было выяснено, что от Малой Кабарды в креп. Св. Креста или в Астрахани аманатов не находилось. Таким образом, документы посольства Магомета Атажукина свидетельствуют о том, что на 1732 г. уже в течение почти 10 лет без перемены в аманатах в кр. Терки, а затем в кр. Святого Креста находилось девять кабардинских аманатов. Они же остались в креп. Св. Креста и после принятия кабардинскими князьями «присяги» в июне 1730 г. по случаю восшествия на престол императрицы Анны Иоанновны. Вместе с князьями Большой Кабарды присягу дали и князья Малой Кабарды (Талоустановы и Джиляхстановы), но аманаты от них не были взяты¹³. На этот вопрос было обращено внимание комендантом кр. Святого Креста; 26 апреля 1732 г. он отвечал в Коллегию иностранных дел, что взял с князей слово о присылке аманатов, сообщая при этом о своем намерении отправить к ним людей «для взятия оных нарочно»¹⁴.

Несмотря на уход Асланбека Кайтуко со своими подданными за Кубань, его присяга императрице Анне Иоанновне подразумевала выдачу аманата. Очевидно, что российская сторона требовала определенного аманата – любимого и, что немаловажно, более взрослого сына князя Асланбека – Аслануко. Лишь этим можно объяснить постоянное упоминание в документах того периода требования о выдаче аманата, несмотря на то, что в то время в креп. Св. Креста находился третий, пятилетний сын Асланбека Кайтуко Долетуко (*Давлетькьуз*)¹⁵. Очевидно, что через несколько месяцев, в сентябре–октябре 1732 г., он был заменен на своего старшего брата Аслануко¹⁶, воспитывавшегося до 1731 г. у своего аталыка (*быфадэ*) в Дигории¹⁷.

После повторного избрания в сентябре 1732 г. в достоинство *пцышхуз* Татархана Бекмурзина в Кабарду прибыл генерал-лейтенант Еропкин. Его миссия заключалась в том, чтобы принять шерть нового *пцышхуз*. (Возможно, именно тогда были выплачены кабардинцам «6000 рублей», назначенные им российским правительством за службу в 1732 г. из «персидских доходов из крепости Святого Креста»)¹⁸. В контексте смены *пцышхуз* был поднят вопрос о смене давно находившихся в заложниках представителей «баксанской» и «кашкатауской» партий. Находившиеся с августа 1722 г. в аманатах представители князей Мисостовых и Хатокшоко (Атажукиных) и их вассалы были сменены. Сына умершего в начале 1732 г. *пцышхуз* Ислама Мисостова Науруза заменил сын нового *пцышхуз* Татархана Бекмурзина (апрель–май 1732; сентябрь 1732–1736) 10 летний Мисост¹⁹. Вместо сына князя Хатокшоко Мисостова Бахтыгирея аманатом в креп. Св. Креста уехал пятилетний сын *пцышхуз* удела Хатокшоко и главы «баксанской» партии Мухамеда (Бамата, Бамета) Кургоко (Кургокин) Дударуко²⁰. От Бекмурзиных был также взят второй аманат – сын родного брата *пцышхуз* Кабарды Татархана Бекмурзина Кайсина Бекмурзина (в док.: Черкесского) Шолох (Шелох) 6 лет²¹.

Вместо находившихся в аманатах семерых *тлекотлешей* были выбраны – шесть. В обоих случаях речь шла практически об одних и тех же фамилиях.

Если в 1722 г. в аманаты были взяты Дивей Бараков, Батый Тасыков, Джантемир Шейдяков, Аленгуко Маенчуков, Майма Алиев, Алоюк Дивеев, Али Сафанказыев²², то в 1732 г. их заменили Мурзакай Шейдяков, Тлепш Алиев, Карамурза Дивеев (Диваев), Урак Сафанказыев, Палатука (*Болатукъуэ*) Савазгиреев, Ислам Келеметев.

В том же 1732 г. было возобновлено взятие аманатов после 71-летнего перерыва (1661–1732) от Джиляхстановых²³. В отличие от аманатов Большой Кабарды, состоявших как из князей, так и из *тлекотлешей*, аманаты Малой Кабарды брались только от наиболее сильных *тлекотлеишских* фамилий, вассалов Джиляхстановых²⁴.

О влиянии на князей Кабарды фактора нахождения в аманатах их сыновей, к примеру, в 1733 г., свидетельствуют некоторые разведанные. Тогда калга Мустафа-ага, демонстративно форсировав Кубань, двинулся к Тереку и в местечке Татартуп принял «присягу» у придерживавшихся крымской ориентации кабардинских князей²⁵. Однако как русская, так и крымская стороны понимали относительность этой присяги, так как сыновья этих князей находились в аманатах: «не разорить ли оный Калга салтан Кабардинских князей Батуку и Ресланбека, кои Крымцам объявляются ныне желательны к подданству за то, яко нынешнее Крымское замешание с Российскими войсками и что прежде-жь какое замешание было, все строится чрез оных князей, а аманаты у оных князей Батуки и Расланбека всегда имеются в крепости Святого Креста и затем оных князей тот Калга салтан мало причитает к себе верными»²⁶.

В апреле 1734 г. произошла смена аманата *пцышхуэ* Кабарды Татархана Бекмурзина, находившегося в креп. Св. Креста: Мисост был заменен на четвертого сына Кургоко. По родословной росписи генерала Еропкина последнему в 1732 г. было пять лет, соответственно, в 1734 г. – семь. Однако по автобиографическим данным самого Кургоко ему в тот период уже исполнилось 12 лет. Он вспоминал о том, каким образом был отправлен в дипломатические заложники, отмечая, что происходило это событие в апреле 1734 г.: «от показанного отца своего Татар хана Черкасского отдан я во аманат в бывшую крепость Святого Креста а в то время был я в возрасте 12 лет»²⁷.

В том же 1734 г., по данным генерала Еропкина, в креп. Св. Креста находились три аманата от Асланбека Кайтуко. Первым был его сын Аслануко, а вторым – Шолох – сын князя Кайсина Бекмурзина, третьим – младенец Шегбазгирей, сын крупного вассала князя Асланбека Кайтуко *тлекотлеиша* Батырши Куденетова. Младенец Шегбазгирей поступил по одним данным в Астрахань, по другим, в креп. Св. Креста²⁸. (Очевидно, только тогда власти креп. Св. Креста смогли воплотить в жизнь рекомендацию князя Мухамеда Кургоко генералу Дугласу (июль 1732) взять аманатов от вассалов князей Кайтуко, принадлежащих к *тлекотлеишским* фамилиям: если «аманатов не дадут от узденей своих, то де им весьма верить невозможно»²⁹).

В 1735 г. в русских крепостях (креп. Св. Креста была оставлена, аманаты были помещены в Астрахани, Кизляре и в бывшей Терской крепости, ставшей к тому времени Терским редутом) содержалось рекордное число аманатов от Кабарды. Всего в аманатах находилось 16 человек, 12 – от Большой Кабарды, 4 – от Малой³⁰.

*Большой Кабарды
От «Каишкатауской» партии:*

Пцы:

- 1) Кургоко (Коргаха) – сын *пцышхуэ* Кабарды Татархана Бекмурзина, 12 лет.
- 2) Аслануко – сын Асланбека Кайтуко, 12 лет.
- 3) Шолох (Шелох) – сын Кайсина Бекмурзина (в документах: Черкеского), 13 лет³¹.

Тлекотлеши:

- 4) Шегбазгирей – сын вассала Асланбека Кайтуко Батырши Куденетова, ≈ 1 год.

От «Баксанской» партии:

Пицы:

- 5) Дударуко – сын *пицышхуэ* удела Бамата Кургоко, 12 лет.

Тлекотлеши:

- 6) Урак Сафанказыев.
7) Мурзакай Шейдяков.
8) Карамурза Диваев (Дивеев) [Тамбиев – ?].
9) Болатоко (Палатука) Савазгиреев.
10) Ислам Келеметев.
11) Тлепш Алиев.

Малой Кабарды

От Адильгирея Джиляхстанова

Тлекотлеши:

- 12) Камбулат (Кайбулат) – сын *быфадэ* удельного князя Адильгирея Джиляхстанова – Атала [...].
13) Мухамед (Маметъ) – сын Алия (Алея) Анзорова.

От Канишоко Джиляхстанова

Тлекотлеши:

- 14) Болатоко (Палатук) – сын Кегасы [...].
15) Тешаук (Тешаул) – сын Мухамеда (Маметя) Ханбекова.

После ликвидации креп. Св. Креста на р. Сулак (25 сентября 1735 г. генерал Левашов уничтожил крепость, где «все строения огнем выжег»³², гарнизон и «работные люди» на судах были отправлены в Астрахань. Сотни пушек, 30 тыс. гранат, 200 бочек пороха, свинец, ядра, картечь были оставлены в казачьих городках. Сам Левашов не ушел в прежние Терки, а основал в 50 км от Каспийского моря на р. Терек полевой лагерь, где впоследствии была построена Кизлярская крепость. Здесь им был оставлен Тенгинский полк и 200 драгунов. Сам Левашов с войсками вышел 19 октября из лагеря и 28 октября прибыл в Астрахань³³) аманаты от «баксанской» партии находились преимущественно, за исключением, пребывавших изначально в креп. Кизляр Ислама Келеметева и Тлепша Алиева, в Терском редуте. Один аманат от Кашкатауской партии – Шолох (сын Кайсина Бекмурзина) – в Кизлярской крепости, остальные: Кургоко, сын Татархана Бекмурзина, и Аслануко, сын князя Асланбека Кайтуко, и Шегбазгирей, сын Батырши Куденетова, – сначала в креп. Св. Креста, потом – из-за «измены» родственников отосланы в Астрахань³⁴.

Согласно приводимым П. Г. Бутковым документам той эпохи коменданту Кизляра давались такие инструкции по обхождению с «горскими народами», «от которых в Кизляре имеются аманаты»: «содержать коменданту в своем ведомстве; обходиться с ними осмотрительно. Осторожно, справедливо, приветливо, с умеренною ласкою, но не раболепно, дабы легким и уступным обхождением не попустить их к наглости, поелику они чрезмерно льстивы, обманчивы, коварны, ко всякому злу склонны по своему магометанскому закону суть нам тайные и явные неприятели; при том, они чрезмерно величавы, горды, честолюбивы»³⁵.

Из кизлярских и терских доходов аманатам выплачивалось ежемесячное «жалованье». Юношам-*пицы* старше 15 лет – 12 руб. в месяц и 2 руб. 40 коп. на вино, с 12 лет – 8 руб. и 1 руб. 20 коп. на вино. Содержание *тлекотлеших* детей

составляло, соответственно в зависимости от возраста, 4 рубля и 3 рубля и 60 коп. на вино; младенцу Шегбазгирею Куденетову выделялось 96 коп. в месяц³⁶. «По тем временам это были внушительные суммы, – отмечал Б.Э. Нольде, – что свидетельствовало – заложники в Кизляре отнюдь не бедствовали»³⁷.

Таким образом, в 1722–1735 г. окончательно оформились новые правила функционирования института аманатства в кабардино-русских отношениях. От *пцыхшхуэ* Кабарды в аманатах находился не только его сын, как это было прежде, но и сын его наиболее сильного вассала из сословия *тлекотлеи*. Помимо этого аманаты стали требоваться от старших князей уделов (их сыновья и сыновья их наиболее сильных вассалов из *тлекотлеи* фамилий). Аманаты стали еще подразделяться по «партиям»: от «баксанской» и «кашкатауской». В 1735 г. были установлены нормы финансирования аманатов, просуществовавшие вплоть до ликвидации этого института в кабардино-русских отношениях в 1792 г.

Примечания

1. Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII в. Исследования и материалы / под ред. Б.Х. Бгажнокова. Нальчик, 2008. С. 364, 365.
2. *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. К 300-летию дома Романовых. Репринтное воспроизведение издания 1913. Нальчик, 1990. С. 48.
3. *Фидарова Р.З.* Противоборство княжеских коалиций в Кабарде в 1720–1774 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2008. С. 101.
4. *Фидарова Р.З.* Указ. соч. С. 101.
5. Архив внешней политики Российской империи Историко-дипломатического управления МИД Российской Федерации (далее – АВПРИ). Ф. 115. Кабардинские дела. Оп. 1. 1732. Д. 1. Л. 9.
6. Там же. Л. 9.
7. Там же. Л. 9 об., 10.
8. Там же. Л. 10.
9. На самом деле уже порядка 10 лет: 1722–1732 гг.
10. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2 т. (далее – КРО). М., 1957. Т. II. С. 55. В апреле 1729 г. всем аманатам содержавшимся в креп. Св. Креста было выплачено 186 руб. 48 коп из бакинских доходов. «Содержание было различным в зависимости от статуса невольного «гостя»», – пишет И.В. Курукин (*Курукин И.В.* Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2010. С. 261).
11. КРО. Т. II. С. 57, 58.
12. Там же. С. 58.
13. Там же. С. 62.
14. Там же. 65.
15. КРО. Т. II. С. 84; Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 482. Оп. 1. Д. 183. Л. 110; Научный архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (далее – Научный архив КБИГИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 14 а. Л. 20. У Аслануко Кайтуко было 4 сына: «Хамурза (1702 г.р.), Арсланука (1721 г.р.), Долетука (1727 г.р.), Дохшука (1730 г.р.)» (*Сокуров В.Н.* Об изменении династической идеологии адыгских князей и возведении рода к Ною) // Архивы и общество. 2007. № 1. С. 66).
16. Управление Центрального государственного архива архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (далее – УЦГА АС КБР). Ф.Р-1209. Оп. 8 доп. Д. 12. Л. Л. 6.
17. *Налоева Е.Дж.* Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / сост. А.С. Мирзоев. Нальчик, 2015. С. 281.
18. Научный архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 132.
19. УЦГА АС КБР. Ф.Р-1209. Оп. 8 доп. Д. 12. Л. Л. 6.
20. РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 183. Л. 69; В.Н. Сокуров, ссылаясь на опубликованный им источник «Сказание о князьях черкесских», называет другой возраст князя Дударуко на 1732 г. – 8 лет (*Сокуров В.Н.* Указ. соч. С. 65).

21. РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 183. Л. 26, 27.
22. Канжальская битва и политическая история Кабарды... С. 272, 369, 370.
23. КРО. Т. II. С. 65.
24. На начало 1740-х гг. Джиляхстановы имели от 3000 до 4000 войска. (КРО. Т. II. С. 107).
25. *Сотавов Н. А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991. С. 87.
26. Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области, собранных Е.Д. Фелицыным. Екатеринодар, 1904. Т. I. С. 74.
27. РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 183. Л. 66.
28. Там же. Л. 11, 58.
29. АВПРИ. Ф. 115. Кабардинские дела. Оп. 1, 1731. Д. 1. Л. 17 об.
30. РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 183. Л. 26, 27; *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год: в 3 ч. СПб., 1869. Ч. I. С. 158, 159.
31. По данным П.Г. Буткова ему было 6 лет. Однако по вышеприведенным сведениям самого Шолоха ему было в 1734 г. 12 лет.
32. *Курукин И.В.* Указ. соч. С. 351.
33. *Курукин И.В.* Указ. соч. С. 352.
34. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. I. С. 158, 159.
35. Там же. С. 162.
36. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. I. С. 157; РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 183. Л. 26, 27.
37. *Нольде Б.Э.* История формирования Российской империи / пер. с франц. Л.Ф. Сабигареевой; отв. ред. В.А. Тишков. СПб., 2013. С. 731.

F.A. Ozova

PRINCIPLES OF THE FUNCTIONING OF THE INSTITUTION OF 'AMANATISM' IN THE KABARDINO-RUSSIAN RELATIONS IN THE 30^S OF THE 18TH

The institution of amanatism in Kabardino-Russian relations existed discretely. If in the 17th it was built primarily on the basis of the ambassadorial custom, then from 1722, when it was renewed, the principles of its functioning have changed significantly. First of all, the number of amanates increased, their class composition increased, and the length of stay in the Amanats increased.

Keywords: Institution of 'amanatism'; Kabardino-Russian relations; pshchy; tlekotlesh.

А.Х. Кармов

ПОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ЭМИГРАНТСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА П.Т. КОЦЕВА

В статье анализируются эмигрантские публицистические статьи П. Коцева, опубликованные в различных зарубежных изданиях, в которых отражены малоизвестные сегменты общественно-политической жизни горцев Кавказа в период революции и гражданской войны. Особый интерес представляет деятельность кавказских политэмигрантов за рубежом, их взаимоотношение и взаимодействия в решении общекавказских проблем.

Ключевые слова: Горская (Северокавказская) республика, политическая эмиграция, кавказская конная дивизия, газ. «Брдзолис Хма», революция и советизация, публицистика.

Победа большевиков в октябре 1917 г. и кровопролитная Гражданская война вынудили государственных и общественно-политических деятелей Северного Кавказа, ратовавших за строительство Российской демократической федеративной республики, составляя неотъемлемую часть российской политической эмиграции, уходить с последнего клочка земли потерянной родины. В их числе был один из видных государственных и общественно-политических деятелей Северного Кавказа П.Т. Коцев.

С первых дней февральской революции в 1917 г. и вплоть до эмиграции в Турцию, П. Коцев принимал самое активное участие в сложнейших политических процессах, протекавших на Северном Кавказе.

Публичной политикой он начал заниматься с марта 1917 г., когда был избран членом Кубанского областного гражданского исполнительного комитета. Вскоре он так же стал членом Нальчикского окружного гражданского исполнительного комитета. Но, несмотря на занятость в Нальчикском окружном комитете, П. Коцев не переставал активно сотрудничать с Кубанским исполнительным комитетом до образования Кубанской Рады в апреле 1917 г., с которым он также поддерживал тесную связь¹. Эти исторические события зафиксированы в документах того периода, поэтому нет основания утверждать, как это делает М. Дугричилов, что «<...>первый политический документ, где упоминается П. Коцева, датирован 6 ноября 1917 года»², который был посвящен разделению местной политической власти между Союзом объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана и Войсковым правительством Войска Терского³.

П. Коцев был одним из организаторов Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. Он также стоял у истока создания Горской (Северокавказской) республики 11 мая 1918 г.

Как состоявшийся и авторитетный политик, 20 мая 1917 г. П. Коцев был избран председателем Терского Областного Гражданского Исполнительного Комитета – высшего органа власти Временного правительства на Тереке.

В июле 1917 П. Коцев был командирован ЦК Союза объединенных горцев в Петербург для решения вопроса о возвращении Кавказской Конной дивизии на Северный Кавказ, с которым он успешно справился.

Будучи убежденным антикоммунистом, П. Коцев принимал активное участие в создании Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов

стей. 20 октября 1917 г. во Владикавказе от имени Союза объединенных горцев союзный договор подписали П. Коцев, И.В. Баев, В.-Г. Джабагиев, Б.К. Долгат. Было сформировано правительство Юго-Восточного союза. Его председателем стал В.А. Харламов, товарищем председателя правительства – П. Коцев.

В контексте изучения эмигрантской публицистики П. Коцева важно понять его политическое кредо, в какой-то мере воплощенное в конкретных делах, реализованных правительством Горской (Северокавказской) республики во главе которого он стал после ухода турецкой армии с территории Кавказа и занятия последней английскими войсками в конце ноября 1917 г.

П. Коцев дважды возглавлял коалиционное правительство Горской республики. Последний раз он 12 мая 1919 г. вместе с членами правительства подал в отставку. На предложение Парламента республики сформировать новое, третье правительство, П. Коцев категорически отказался⁴.

Вполне естественно, что в памяти человека, отдавшего так много моральных и физических сил делу демократического переустройства народов Северного Кавказа вместе с единомышленниками из либерально-демократической интеллигенции в годы революции и Гражданской войны, закрепились наиболее яркие и значительные события ушедшей кровавой эпохи и нашли отражение в эмигрантской публицистике П. Коцева. Исследование последней является весьма актуальным, поскольку в этих произведениях содержатся неизвестные сегменты общественно-политической жизни народов Северного Кавказа в революционный период и в годы гражданского противостояния. Мы также узнаем деятельность кавказских политэмигрантов за рубежом, их взаимоотношение и взаимодействие в решении общекавказских проблем. Эти сведения в значительной степени расширяют и углубляют наши знания о положении народов Северного Кавказа в период революционной анархии.

Находясь за рубежом, северокавказские политэмигранты искали ответы на многие вопросы, связанные с гибелью Горской (Северокавказской) республики, вносили посильный вклад в реконструкции правдивой истории первого национально-государственного образования на Северном Кавказе. В то же время некоторые эмигранты прилагали большие усилия по дискредитации бывших руководителей Северокавказской республики. Так, в одном из номеров газеты «Брдзолис Хма» (Голос борьбы) – орган грузинских меньшевиков, издававшейся в Париже, появилась статья неизвестного анонима, в которой бывшие руководители Горской республики обвинялись в измене. Автор анонима пишет, что «<...> пала республика Северного Кавказа под предводительством Коцева и Боммата, особым постановлением передавшего всю власть денкинской армии. Грузинские войска, посланные на помощь им, и уже вступившие в пределы Дагестана, должны были вернуться назад. На этом основании премьер-министр Коцев, прибывший в Тифлис, был немедленно арестован как изменник своей страны»⁵.

П. Коцев счел необходимым ответить газете «Брдзолис Хма» на грубый выпад печатного органа грузинских меньшевиков на Горскую республику и ее бывших лидеров.

В статье П. Коцева, «Ложь не во спасение», опубликованной в журнале «Кавказ», издававшегося в Париже Г. Бамматовым, объяснялось появление подобной статьи на страницах газеты «<...> утратой здравого смысла» грузинскими меньшевиками. Политические промахи грузинских лидеров – пишет автор: «<...> бедствие для меньшевистской партии и для всей Грузии. Чтобы затушевать, чтобы на время хоть самим забыть об этих бедствиях, с точки зрения «Брдзолис Хма», оказывается, можно пренебречь исторической правдой и преподнести читателям небылицы, изливая при этом желчь и клевету по адресу инакомыслящих кавказских деятелей»⁶.

П. Коцев хорошо знал программные установки грузинских меньшевиков, захвативших бразды правления в Грузии и методы их реализации в контексте

общекавказских проблем. Глубокое знание специфики Кавказа в условиях национального самоопределения его народов позволило автору утверждать, что «Ни в один исторический момент своей деятельности партия грузинских меньшевиков национальную идею суверенитета не имела своей целью⁷».

Вопреки историческим фактам аноним из «Брдзолис Хма» писал о разносторонней помощи Грузии Горской республике, в том числе и военными силами. В связи с этим утверждением, бывший премьер-министр Горской республики в своей статье особо подчеркивал, что когда республика изнемогала под натиском превосходящих сил, правительство обращалось всюду за помощью. Оно многократно обращалось и к грузинскому правительству с просьбой о помощи. Однако никогда за все время существования республики не только грузинские войска были посланы на помощь, как пишет «Брдзолис Хма», но ни одна нога грузинского войска не вступала в пределы Горской республики. Более того, не было оказано помощи даже военным снаряжением, в котором мы так остро нуждались, и коего у грузинского правительства было достаточно, поскольку огромные военные имущества, предназначенные для нужд Кавказского фронта, остались в Тифлисе и достались грузинскому правительству⁸.

Об этом свидетельствуют и материалы Кавказской конференции, проходившей в Тифлисе с 27 апреля по 10 июня 1919 г., в которой принимала участие делегация Горской республики. Ее руководитель А. Кантемиров, выступая после самоликвидации Горской республики 23 мая 1919 г. на одном из заседаний конференции, заявил: «В свое время мы обращались за помощью, и вы не помогли нам... Нас побили без вас. Но я не хочу, чтобы и вас били порознь...»⁹.

Следует подчеркнуть, что до окончания работы Кавказской конференции Горская республика пала под ударами Добровольческой армии ген. Деникина.

Как было отмечено выше, 12 мая 1919 г. кабинет П. Коцева солидарно подал в отставку. Новый кабинет возглавил проденикинский генерал М. Халилов. В то время, когда он был занят организацией своего правительства, Добровольческие части ген. Деникина 22 мая заняли Петровск и Дербент¹⁰. Воспользовавшись этим обстоятельством, монархически настроенные военные и гражданские лица из Дагестана потребовали от Парламента прервать работу на неопределенное время. Парламент ответил отказом на этот ультиматум, вследствие чего дагестанские делегаты покинули зал заседания. Парламент и правительство, возглавляемое М. Халиловым, не нашли ничего лучшего, кроме как самораспуститься¹¹.

В тот же день генерал Халилов объявил приказом отставку правительства и Парламента и прекращение их функций с 23 мая 1919 г. Именно генерала М. Халилова имел в виду П. Коцев в статье «Ложь не во спасение», когда он писал: «Этот печальный акт был совершен тем генералом, который в известных органах печати того же течения, что и «Брдзолис Хма», выступает под титулом – «последний председатель правительства Республики Северного Кавказа», благоразумно умалчивая о том, что он же был первым и последним деникинским правителем Дагестана. Это его меньшевистское правительство арестовало «немедленно» по прибытии его в Грузию «за измену своей страны»¹².

П. Коцев не скрывал, что он был арестован в Грузии, но не сразу и по другим мотивам. Из его воспоминаний видно, что 14 марта 1920 г. прибыл (из Новороссийска – А.К.) в Сухуми, где ему было оказано много внимания и радушного гостеприимства со стороны «<...>высшего представителя Грузинского правительства милейшего Эмухвари»*.

В конце мая он переехал в Тифлис, где мирно и свободно прожил до 13 октября, т.е. до его ареста. На вопрос П. Коцева: «В чем моя вина перед гостеприимной Грузией, что ее правительство в отношении меня нарушает право политического

* Арзакан (Дмитрий) Эмухвари (1880–1939). Первый премьер-министр правительства Абхазии и член Учредительного собрания Грузии. Лидер абхазского правительства в изгнании. С 1923 по 1939 г. жил в Праге.

убежище?», он получил такой ответ: «Извините, наше правительство, к сожалению, вынуждено так поступить с вами ввиду настойчивых представлений дипломатических представителей соседней республики. Нетрудно догадаться, что речь шла о Советской республике.

Вспоминая этот неприятный эпизод из своей жизни, П. Коцев писал: «Несколько лет тому назад, когда и «изменники», и «честные» защитники своих стран оказались в эмиграции, Н.В. Рамиашвили счел нужным дважды выразить свое сожаление по поводу этого печального случая: первый раз в Париже в присутствии Ибр. Ибрагимбекова <...>, второй раз <...>, еще несколько лет спустя, в присутствии С. Мдивани»¹³.

П. Коцев был уверен, что бывший министр внутренних дел Грузии, непосредственно делавший распоряжение о его аресте, испытывал искреннее сожаление по поводу этого печального случая. По этой причине он писал: «Когда газета «Брдзолис Хма» через 15 лет находит уместным воскресить этот случай в искаженном и клеветническом виде, приходится ей сказать – да будет вам стыдно перед памятью одного из мужественнейших людей Грузии за вашу ложь»¹⁴. Но, видимо, перед редакцией газеты «Брдзолис Хма» стояла другая задача – во чтобы ни стало, дискредитировать уже несуществующую Горскую республику и бывшего ее председателя П. Коцева. Поэтому им было не до стыда. И на страницах той же газеты появилась новая статья на старую тему.

Очередная пасквиль анонима из «Брдзолис Хма» привела П. Коцева в недоумении. Ему было непонятно упорство газеты в поисках причин крушения Горской республики. Он с сарказмом писал, что «<...> прекрасная Грузия, под мудрым правлением монолитной партии меньшевиков, выдержала всей шквалы политических и военных бурь. Она сохранила свою независимость. Газета «Брдзолис Хма» издается в благоденствующем Тифлисе, а ее анонимный историк, за полным отсутствием какой либо работы по истории падения Грузии, как добрый сосед, занялся историей падения республики Северного Кавказа. На основании нескольких «исторических документов» он точно определил первопричину падения нашей республики»¹⁵. Однако все это – «всего лишь сон», отмечал П. Коцев. Грузия, как и все республики Кавказа, пала, а газета «Брдзолис Хма» издается в Париже, и кавказские эмигранты рассеяны по всему миру. Между тем, неизвестный историк-аноним установил «истинную причину» падения республики Северного Кавказа – предательство.

Для нас важно не только интерпретация исторических фактов времен революции и Гражданской войны на Северном Кавказе, но и метод их исследования. В этой связи следует обратить внимание на диаметрально противоположенные взгляды «историка» из газеты «Брдзолис Хма» и П. Коцева. По утверждению последнего методологической базой исследования оппонента явилась реконструкция исторических процессов рассматриваемого периода, отраженных в хронике без привлечения каких либо документальных материалов и других исторических источников. «Они (П. Коцев и его единомышленники – А.К.) еще не поняли простой вещи, что история пишется, когда она делается, что происшедшие события сейчас же находят отражение в хронике народов. На этих данных и нужно строить последующие суждения относительно прошедших этапов». Это выдержка из статьи анонимщика из Брдзолис Хма», процитированной К. Коцевым в статье «Как не пишется история». По его словам в качестве «исторического источника» неизвестный «историк» приводит тенденциозная газетная заметка о неблагонадежности «большинства» парламента и правительства по части симпатий их к добрармии, опубликованная в газете «Азербайджан» и перепечатанная газетой «Грузия», № 118, 1919 г.

Другой документ, на который автор анонимки ссылается – Последнее заседание Союзного Совета (Парламента) Республики Горцев Северного Кавказа, который состоялся, как было отмечено выше, 23 мая 1923 г. С точки зрения П. Коцева,

это – вольный пересказ официального протокола, не вполне совпадающий с подлинным протоколом. В этой связи следует подчеркнуть, что в тексте упомянутого протокола от 23 мая 1923 г. фамилия П. Коцева вообще не упоминается, поскольку главным действующим лицом в этом процессе выступал новый председатель Совета Министров Горской республики ген-майор М. Халилов. Его роль в этом спектакле была определена командованием Добровольческой армией ген. А. Деникина. Она была сыграна блестяще с помощью дагестанских промонархически настроенных офицеров, сумевших нейтрализовать самую многочисленную дагестанскую фракцию Парламента, покинувшую зал заседания и сделавшую дальнейшую работу Парламента бессмысленной.

Понимая важность этого документа, как памятник предательства по отношению к Горской республике, автор-анонимщик не мог обойти его и интерпретировал в соответствии с политическим заказом «видных деятелей» Северного Кавказа, которые хотели возложить на П. Коцева всю полноту ответственности за гибель Горской республики.

Базовым «историческим документом», изобличившим с точки зрения неизвестного корреспондента П. Коцева как предателя, явилась тенденциозная статья Абубекира Плиева – члена Союзного Совета (Парламента) Горской республики от ингушского народа, опубликованная в главном печатном органе социал-демократической республиканской партии Грузии «Эртоба» (Единство) вскоре после ликвидации Горской республики. В ней он создал воображаемую идиллическую картину торжественного шествия П. Коцева в сопровождении оркестра добровольцев в Краснодар. «Это тот самый Коцев, которому горцы трижды выражали свое доверие – писал А. Плиев»¹⁶. Однако, как нам известно, от третьего выражения доверия он категорический отказался сформировать правительство, что с большим удовольствием сделал ген. М. Халилов.

По поводу этой статьи П. Коцев писал: «Кажется, никто и никогда так не сожалел потом о написанном, как сам автор этих слов – искренний патриот и горячая голова, спровоцированный более искушенными «видными деятелями»¹⁷.

Следует обратить внимание как П. Коцев «шеествовал» в сопровождении остатков «офицерского батальона», разгромленного силами Горской республики 16–17 марта 1919 г. под Алхан-Юртом, в сторону пятигорской тюрьмы, в которой он был заключен 13 июня 1919 г.

Пшемахо Тамашевич ничего не пишет о своем освобождении, однако некоторые его современники освобождение П. Коцева из пятигорской тюрьмы связывают с кабардинцами.

Для П. Коцева не приемлема фабрикация исторических фактов на основе отражения исторических событий в «хронике народов». Он подвергает острой критике такой «метод» исследования и противопоставляет ему свое видение решения этой проблемы относительно не только Горской республики, но и всех республик Кавказа. В связи с этим П. Коцев писал: «<...> «исторические рассказы, основанные на однобоко и предвзято подобранных газетных легендах, не будет историей, и что в будущем нелицеприятный историк, путем объективного, спокойного исследования, в свете событий тех времен, всех исторических фактов и документальных данных изучит всю ту сложную, многогранную историческую обстановку, которая привела к падению не одну Республику Северного Кавказа, а – к сожалению – все Кавказские Республики и Грузия в том числе, и даст действительную (а не газетную) историю жизни и борьбы народов Кавказа»¹⁸.

Лейтмотивом публицистических эмигрантских произведений П. Коцева явилась тема борьбы за свободу и независимость народов Северного Кавказа. В этом ключе написана и статья, опубликованная в 1953 г., посвященная 35-летию образования Горской (Северокавказской) республики «Свобода не дается без жертв (из истории Горской республики)». Эта работа представляет собой ретроспективный

взгляд на колониальную политику царизма и борьбу горских народов против нее с петровских времен до революций 1917 г.

П. Коцев более подробно рассматривал послереволюционный период развития общественно-политической ситуации на Северном Кавказе. Он подчеркивал особую роль первого съезда горских народов Северного Кавказа и Дагестана в консолидации северокавказского социума, создании условий всеобщей эйфорией участников съезда «в эти незабываемые дни» – как писал автор. Последний с большим сожалением отмечает, что события, последовавшие вскоре за первым съездом, опрокинули эти надежды, а его участников поставили по разные стороны баррикады.

П. Коцев отмечал, что обострение политической ситуации на Северном Кавказе началось с весны 1918 г., когда «<...> соратник Ленина Джелал Коркмасов, строя дьявольские планы, хотел напоить свою родину ядом коммунизма и подготовить братоубийственную войну, с другой – реакционные белые генералы пытались прибрать кавказские земли и нефтяные месторождения в Адыгеи и Карачае»¹⁹.

По мнению П.Т. Коцева идея коммунизма посеяла раздор в среде религиозных деятелей. «Пришли в движение народные массы, выступавшие с зеленым знаменем в руках. В Дагестане их возглавил Али Хаджи*, в Кабарде – Назир Эффенди**»²⁰. Он упрекнул их в том, что не распознали истинного лица большевизма, а их деятельность охарактеризовал как деструктивный.

Коцев подчеркивал, что признанные всеми религиозные деятели как Арслан Шерипов, Аббас Эффендиев и др. стали орудием в руках большевиков.

Автор рисует картину системного хаоса, охватившего весь Северный Кавказ и Дагестан. Чтобы выйти из тяжелого социально-экономического и политического положения, необходима была помощь. В связи с этим ЦК Союза объединенных горцев направил делегацию в Трабзон в составе А.-М. Чермоева, М.-К. Дебировва и Гайдара Баммата. По Свидетельству П. Коцева в Трабзоне были делегаты всех закавказских республик. После непродолжительных переговоров с турецкой стороной 11 мая 1918 г. все четыре кавказские республики заявили о своей независимости.

В начале июня 1918 г. был заключен договор между Турцией и Горской республикой. В соответствии с ним Турция приступила к отправке войск на Кавказ. Всеми турецкими военными силами, действовавшими на Кавказе, командовал Юсуф Иззет Паша. Они сыграли решающую роль в освобождении Петровска от бечераховцев.

Как отмечал П. Коцев, в планах турецкого командования входило строительство вооруженных сил Северокавказской республики. Однако, оккупация Стамбула вооруженными силами Антанты в ноябре 1918 г и Мудросское перемирие, заключенное в это же время, внесли свои коррективы в этот план. Новые военно-политические реалии заставили турецких войск покинуть Кавказ. Их место заняли англичане. По прибытии в Баку, глава британской военной миссии ген. У. Томсон сообщил, что решение об объявлении независимости будет окончательно утверждено на Парижской конференции. Поэтому возникла острая необходимость присутствия делегации Горской республики на Парижской мирной конференции. Она была сформирована в составе Абдул-Межида Чермоева, Ибрагима Гайдара, док-

* Али – Хаджи Акушинский (1947 – 8.04.1930). Мусульманский богослов, общественно-политический деятель и духовный лидер Дагестана. В январе 1918 г. на 3 Вседагестанском съезде был избран шейх – уль – исламом Дагестана. А.-Х. Акушинский не признавал идеологию большевизма. Однако он вел миролюбивую политику по отношению Советской власти.

** Катханов Назир Адильгиреевич (сентябрь 1891 – август 1928). Один из организаторов и руководителей борьбы за советскую власть на Северном Кавказе. Беспартийный, общественно-политический и государственный деятель, активный участник социалистического строительства в Кабардино-Балкарии.

тора Хасана (Хасан Хадзарагов – А.Х.). Находившийся в то время в Европе министр иностранных дел Гайдар Бамматов присоединился к делегатам в Париже.

Из статьи П. Коцева видно, что в этот период на Северном Кавказе шел процесс концентрации больших сил: с севера – красные, с северо-запада – белые, а внутри – движение «пятая колонна». Под последним автор понимал деятельность большевистских организаций на Кавказе по дискретизации идеи строительства независимых государств на основе либерально-демократических ценностей.

Начало 1919 г. характеризовалось резким ухудшением и без того сложного положения на Северном Кавказе, вызванного наступлением армии ген. Деникина на Горскую республику. По мере ее продвижения вглубь, усиливалось влияние монархических сил среди офицерства и части политической и духовной элиты особенно в Дагестане.

Активизировались также и большевики, которые широко развернули борьбу против Горской республики. Перспектива гибели Горской республики для П. Коцева стала очевидной, когда в апреле 1919 г. ген. Деникин перебросил из Воронежа на Кавказ два наиболее подготовленных корпуса. В результате Горская республика оказалась объектом агрессии, как со стороны красных, так и со стороны белых. В этих условиях, по признанию самого П. Коцева, он «не мог нести ответственность за безопасность своего правительства и подал в отставку»²¹. Вскоре после этого на Кавказ вернулся внук имама Шамиля – Сайд, который возглавил антибольшевистскую борьбу, длившуюся более девяти месяцев и потерпевшую поражение.

После разгрома антибольшевистских сил на Кавказе советская власть была провозглашена в Азербайджане, Грузии и Армении.

В контексте описываемых исторических событий автор заострял внимание читателей на преступления царизма, заставившего тысячи людей покинуть свою родину и переехать в Турцию и диктатуры красных, учиненных через 80 лет после изгнания черкесов с исторической родины, бросивших в тюрьмы и суровые климатические условия Сибири миллионы детей, женщин и стариков среди которых были народы Чечено-Ингушетии, Карачая и Балкарии.

В заключении П. Коцев писал: «Уважаемые читатели, свободу всегда сопровождают огромные жертвы. Нет сомнения, что наши народы испытали их на себе» и выразил глубокую веру в том, что «<...> наступит день, когда откроются двери тюрем. И наши несчастные народы будут на равных правах с другими освободившимися народами, им будет оказана особая честь»²².

В 1955 г. в Мюнхене последовательно в двух номерах журнала «Кавказский ревью» была опубликована статья П. Коцева «Революция и советизация на Северном Кавказе».

Во вступительной части статьи автор определил целевую установку – «<...> дать краткую историю революции, охватившую влияние на Северный Кавказ, и насильственное внедрение здесь чуждой советской системы и коммунистических принципов»²³.

Решение поставленной цели он начал с определения особенностей русской революции.

С точки зрения П. Коцева в России с ее многонациональностью, также как и с многообразием административных районов и областей и, самое важное, наличие множества разных языков и различных исторических корней и культур, революция принимала различные формы в зависимости от части страны, куда она проникла. Одна особенность была общей для всех регионов – все желали извлечь пользу из революции как верное средство от множества болезней старого режима. Он отмечал, что многие народы действительно прилагали усилия, чтобы достичь единства на этнической, языковой или религиозной почве для достижения своих политических целей.

П. Коцев подчеркивал важность еще одной особенности в российской политической жизни того периода – появление двух непримиримых идеологий: «война до победного конца», проповедуемой «прогрессивным блоком» в Государственной Думе и правыми элементами российского общества и ленинский лозунг «Долой империалистическую войну».

Он также дал характеристику Приказу № 1 объединенного Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов от 2 (15) марта 1917 г., который, по утверждению П. Коцева, привел к развалу русской армии. Он пагубно отразился на положение дел как на всем Кавказе в целом, так и на Северном Кавказе, в частности.

В статье подчеркивалась мысль о том, что со времени утверждения русского владычества на Кавказе, здесь существовали два источника напряженности и волнений среди народов региона, первый – деятельность военной администрации, а второй – земля.

Согласно законам военного управления в Дагестане власть находилась в руках военного губернатора, а в Кубанской и Терской областях, куда входили горские народы Северного Кавказа – назначаемых для казаков атаманов.

Автор указывает на дискриминационный характер судебной практики, существовавший на Северном Кавказе до революции 1917 г. По этому поводу он писал: «Люди, совершившие, по сути, криминальные преступления, если они русские или казаки, то их дела передавались гражданским судам. За подобные же преступления северокавказцев, перешедших теперь под единственную юрисдикцию военных властей, судили военные областные суды. Дела, связанные с местным населением и прошедшие через эти суды, завершались довольно часто, смертным приговором»²⁴.

Другая, не менее важная проблема, с которой столкнулась революция – это земельный вопрос. Земельная проблема являлась источником кровопролитных стычек и частных споров между горским населением и казаками. Причину взаимной отчужденности и агрессии русско-казацкого и местного населения П. Коцев видел в колониальной политике царизма, проводившейся вплоть до революции 1917 г. Стержневым элементом этой политики явилось отчуждение наиболее плодородной части горских земель и заселение ее казаками. В результате произошло разрушение экономической основы горцев и обнищание горских народов. Поэтому П. Коцев подчеркивал, что народы Северного Кавказа и Центральный национальный комитет, созданный в начале мая 1917 г., прилагали максимум усилий «<...> для возвращения недавно потерянных земель и свободы»²⁵.

Сложная общественно-политическая обстановка на постреволюционном пространстве Северного Кавказа усугублялось еще и тем, что после оглашения Приказа № 1, упомянутого выше нами, начался развал русской армии, а Кавказский фронт начал распадаться раньше всех.

Автор подробно анализирует деструктивную роль дезертиров Кавказского фронта в организации социальной жизни на территории горских народов региона.

Во время работы первого съезда горских народов Кавказа в начале мая 1917 г. казаки атаковали чеченцев, проживавших в г. Грозном. Было много убитых, в том числе стариков, женщин и детей. Весть о случившейся трагедии распространилась по всей Чечне, и почти все местное население двинулось к г. Грозному, чтобы отомстить за убийство чеченцев русскому населению города. Взволнованный этими событиями, съезд послал делегацию в Грозный в составе А.-М. Чермоева и П. Коцева в сопровождении председателя областного совета рабочих и солдатских депутатов С.М. Кирова. Таким образом, повторение трагедии было предотвращено.

Спустя месяц похожее событие имело место в г. Хасавюрт с более тяжелыми последствиями. Нечто подобное случилось с кабардинцами в г. Георгиевске. Неспokoйно было и в других городах Северного Кавказа.

В статье автор указывал, что в начале июня 1917 г. во Владикавказ прибыла пехотная дивизия под командованием генерала, объявившего себя «старым

революционером», а в действительности оказалось, что она дезертировала с фронта.

В это же время в Моздоке находилось крупное соединение под командованием некоего «товарища Никитина», прозванного «соловей-разбойник». Несмотря на то, что все эти бандитские группы навели анархию в регионе, они объявляли себя «защитниками революции».

До появления дезертиров и других бандитских групп два эскадрона осетинского полка и плохо вооруженная и малочисленная национальная милиция хватало для наведения порядка, хотя их очень перегружали и бросали по всему региону.

П. Коцев подчеркивал особое отношение ЦК Союза объединенных горцев к Кавказской Кавалерийской дивизии. По его данным два офицера, занимавшие высокие должности в дивизии, являлись членами Центрального комитета.

В то время, когда русская армия под воздействием большевистской агитации развалилась, Кавказская кавалерийская дивизия, в числе немногих, оставалась образцовым дисциплинированным подразделением. Однако, по мнению П. Коцева, дивизию перебрасывали с одного места на другое для восстановления порядка, т.е. для несения полицейской службы, а не для защиты страны от внешних врагов. Такое положение раздражало солдат и офицеров подразделения. Эти и другие негативные факторы были учтены при решении вопроса об отзыве Кавказской Кавалерийской дивизии с фронта.

30 мая 1917 г. ЦК Союза объединенных горцев единогласно принял декрет, в котором он настоятельно потребовал у военного министра и высшего командования возвращения на родину Кавказской Кавалерийской дивизии.

На этом заседании также был решен вопрос о командировании товарища председателя ЦК Союза объединенных горцев П. Коцева в Петербург для вручения декрета заинтересованным лицам и решения этого вопроса.

19 июля 1917 г. П. Коцев прибыл в Петербург, а утром следующего дня он был принят военным министром А.Ф. Керенским. Последний объяснил П. Коцеву ситуацию вокруг дивизии и поручил своему секретарю князю Эристову отвести его к товарищу военного министра Б.В. Савинкову.

В тот же день А.Ф. Керенский сменил Г.Е. Львова на посту председателя правительства, сохранив за собой пост военного и морского министра.

Следует отметить, что вначале Б.В. Савинков считал невозможным возвращение дивизии на Кавказ, так как ей отводилась значительную роль в войне до победного конца. Несмотря на это П. Коцеву удалось убедить его в необходимости возвращения дивизии на родину в силу сложившихся критических обстоятельств. Однако не было определено время отправки дивизии на родину.

К решению этого чрезвычайно важного вопроса для горских народов Кавказа подключился Всероссийский Мусульманский Союз, возглавляемый Ахмедом Цаликовым. В итоге совместные усилия Союза объединенных горцев Кавказа и Всероссийского Мусульманского Союза увенчались успехом.

После реформирования Кавказской кавалерийской дивизии в корпус под командованием ген. П.А. Половцова в конце октября 1917 г. он вернулся на родину²⁶.

К этому времени, как отмечал Коцев, силы Временного правительства иссякли, центробежные тенденции явно проявились во всех уголках российской империи, в том числе и на Северном Кавказе. С точки зрения автора ее проявлением явилось создание на учредительном съезде горцев Кавказа в начале мая 1917 г. Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. На этом съезде было принято решение о созыве второго съезда горских народов Кавказа в высокогорном селении Анди.

П. Коцев уделял значительное внимание этому съезду, показывал активную деятельность членов ЦК в субъектах Союза объединенных горцев по его подготовке и проведению. Однако его интерпретация хода и результатов андийского съезда от видения других участников этого же форума существенно отличается за

исключением признания того, что организаторы этого мероприятия планировали провести внушительный съезд горских народов, который продемонстрировал бы единство и силу объединенных горцев Кавказа.

Как писал один из видных общественно-политических и религиозных деятелей Дагестана, делегат съезда Магомед-Кади Дибиров, «В день съезда 20 августа (3 сентября) туда приехал Узун-Хаджи, сопровождаемый множеством народа. В это время туда прибыла большая часть делегатов. Узун-Хаджи со своими сторонниками, невзирая на не собравшийся съезд, тот час взял Нажмудина Гоцинского и выехал с ним на Андийскую гору, провел там обряд избрания его имамом мусульман Дагестана и Северного Кавказа»²⁷.

Некоторые делегаты, в том числе и члены горского ЦК, не доехавшие до Анди, узнав в пути об избрании Н. Гоцинского имамом, остановились в Ведено.

В новом качестве Н. Гоцинский нуждался в сильной поддержке, особенно со стороны духовенства. Для ее обеспечения Узун-Хаджи и Н. Гоцинский собрали совет духовенства во главе с признанными лидерами. На совете такие духовные авторитеты как Али-Хаджи Акушинский, Дени Арсанов, Сугаип Гайсумов и др. выступили против избрания Н. Гоцинского имамом²⁸. Совещание закончилась безрезультатно.

Весть об «избрании» Н. Гоцинского имамом Северного Кавказа и Дагестана распространилась быстро. Она вызвала недоумение, изумление и испуг.

Расквартированные в Дагестане русские войска взволновались в связи с этим решением.

На следующий день после совета 21 августа (3 сентября) члены горского ЦК во главе с Т. Чермоевым прибыли в Анди. Они остановились в доме старого майора Гирея – заслуженного офицера русской армии, участника Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг.²⁹

Утром следующего дня к ним явилась группа из 7–8 лиц представителей почти всех племен. Присутствовали духовные лица из дагестанцев, чеченцев, ингушей, осетин и кабардинцев. Подъехал Нух-Бек Тарковский с группой в 6–7 всадников.

Около 3 часов дня появился Н. Гоцинский.

Здесь состоялось совещание собравшихся членов ЦК Союза объединенных горцев, авторитетных духовных лидеров и других заинтересованных лиц, о которых писал в своих воспоминаниях Б.М. Кузнецов. По его словам он опирался на материалы из готовящегося к печати труда Пшемахо Коцева – бывшего председателя правительства Горской республики. К сожалению, мы не знаем, опубликован ли этот труд или нет. Во всяком случае таких подробностей об Андийском съезде в статье «Революция и советизация на Северном Кавказе» нет.

Из неопубликованной работы П. Коцева мы узнаем, что на этом совещании между Н. Гоцинским и членами ЦК Союза объединенных горцев

было достигнуто полное соглашение. Совещание приняло постановление о провозглашении Республики народов Северного Кавказа³⁰.

Было найдено компромиссное решение относительно религиозного статуса Н. Гоцинского. Он был объявлен «Муфтием» Северного Кавказа и Дагестана.

Вместе с тем как в статье, так в цитируемой М.Б. Кузнецовым неопубликованной работе, допущены отдельные неточности. В частности, в статье утверждается мысль о том, что «<...> к делегатам в Анди собрались 20 тыс. человек. Эти люди собрались под влиянием пропаганды мусульманского духовенства, в частности Нажмудина Гоцинского и Узун Хаджи, с намерением требования провозглашения независимости Северного Кавказа»³¹. В действительности, как показано выше, целью исламистских кругов Дагестана и привлеченных многотысячных людей без делегатских мандатов явилось провозглашение Н. Гоцинского имамом Дагестана и Северного Кавказа.

Принятое постановление о провозглашении Республики народов Северного Кавказа на совещание в Анди было ничем иным, как рекомендательный документ,

поскольку данное совещание не могло заменить легитимный съезд горских народов, который был сорван сторонниками Н. Гоцинского.

Следует также обратить внимания, что временная Конституция Союза горцев была принята не на провальном Андийском съезде, как это пишет автор, а на первом съезде Союза горцев в мае 1917 г.

К числу погрешностей, допущенных П. Коцевым, следует отнести и датировка Андийского съезда. По его мнению он работал 18–20 сентября, а между тем на основе архивных материалов и периодической печати того периода установлено, что он состоялся 20 августа (3 сентября) 1917 г.

Очевидно, здесь произошла путаница, связанная со вторым съездом горских народов, который собрался во Владикавказе 20 сентября (по старому стилю – А.К.) под председательством Т. Чермоева. Товарищем председателя был избран П. Коцев.

Владикавказский съезд рассмотрел все вопросы, которые были поставлены на повестку дня Андийского съезда.

Второй съезд принял новую Конституцию Союза объединенных горцев³².

При анализе работ П. Коцева следует иметь в виду, что в отдельных случаях, когда у него нет архивных и иных источников, он вынужден реконструировать картину мира применительно к событиям отдаленной давности по памяти. Это приводит, как правило, к вероятному смещению исторических событий во времени и пространстве.

В статье «Революция и советизация на Северном Кавказе» автор проанализировал причины создания Юго-Восточного Союза и Терско – Дагестанского правительства в условиях нарастания гражданской войны. Он показал расстановку политических сил на Северном Кавказе после подавления Корниловского мятежа и начало Гражданской войны в регионе. П. Коцев охарактеризовал последствия Брест-Литовского мирного договора между советским правительством и странами Четверного Союза* для Закавказских республик. В связи с этим он затрагивает переговоры между Турцией и представителями Закавказья в Трапезунде (Трабзон – А.К.) в марте 1918 г. с участием Северокавказской делегации. Переговоры были прерваны по инициативе Закавказской делегации, которая отказалась признать присоединение части территории Закавказья к Турции по условиям Брест-Литовского мирного договора. На этом неблагоприятном фоне вопрос о международном признании Северокавказской республики не поднимался в Трапезунде, хотя автор утверждает, что Северокавказское правительство объявило независимость Северного Кавказа. При этом он указывает точную дату объявления независимости Северного Кавказа – 11 мая 1918 г.

В этот же день возобновилась работа конференции в том же формате, что и в Трапезунде, но теперь уже в Батуми, где состоялся акт объявления независимости Северного Кавказа.

Вскоре был заключен договор о дружбе между Турцией и Северокавказской республикой.

Одной из главных проблем, с которой столкнулось руководство Горской (Северокавказской) республики была нехватка боеприпасов и военного снаряжения. С целью их доставки П. Коцев был командирован на Кубань.

Однако боеприпасы не нашлись ни на Кубани, ни на Дону. За то ему удалось встретиться с представителями белой армии в Новочеркасске и обсудить вопрос о совместной борьбе против большевизма. Было достигнуто соглашение, в соответствии с которым «военные части, принадлежащие одной стороне, могут пересекать территорию другой стороны только с согласия последней». Оно было оформлено протоколно. Но, как жизнь показала, с момента вступления белой армии на территорию Горской республики ее командование забыло о существовании данного соглашения.

* Германия, Австро-Венгрия, Турция, Болгария.

По свидетельству самого автора в поисках вооружений и боеприпасов из Новочеркасска он направился в Киев, где встретился с главнокомандующим восточными оккупационными силами центральных государств генерал-фельдмаршалом Эйхгорном*, от которого он получил партию боеприпасов из старых русских запасов. С помощью группы солдат и офицеров «дикой дивизии», отставших от своих подразделений по причине болезни, партия вооружений была доставлена в Поти, а оттуда в Дагестан.

В статье подробно анализируется помощь Турции в формировании и обучении воинских подразделений Горской республики, которые были необходимы для борьбы, как против большевиков, так и против деникинцев.

Однако в соответствии с Мудросским перемирием 30 октября 1918 г. турецкие войска ушли с территории Кавказа. 17 ноября в Баку вошли английские войска. Для установления контакта с генералом Томсоном в Баку отправилась делегация Северокавказского правительства. Генерал проинформировал делегацию о том, что «вопрос независимости может быть разрешен на мирной конференции. До тех пор Северокавказская республика может управлять собою на основе тех же принципов, которые уже действуют в Азербайджане».

По требованию англичан было сформировано коалиционное правительство Горской республики во главе с П. Коцевым.

Вскоре после этого в Темир-Хан-Шуру прибыл дипломатический представитель британского правительства полковник Ролинсон (Роуландсон – А.К.)

Между тем в конце января 1919 г была отправлена делегация Северокавказской республики на Парижскую мирную конференцию. В ее состав входили А. Чермоева, Г. Баммат, И. Гайдар и доктор Х. Хадзараг. Однако, как отмечал П. Коцев, Северному Кавказу не суждено было вести мирное существование. Белая армия, нарушив Новочеркасское соглашение, перенесла военные действия на территорию Северного Кавказа.

Переговоры Горского правительства с Деникиным не принесли никакой пользы.

9 февраля 1919 г. президент Северокавказской республики П. Коцев лично встречался с ген. Томсоном в Баку и просил вмешаться и остановить армию Деникина, но из этого ничего не вышло. В течение трех месяцев один батальон и два полка, которыми располагало правительство Горской республики вместе с населением, вели ожесточенную борьбу с белогвардейцами. В этой неравной борьбе Горская республика потерпела поражение.

Завершая статью «Революция и Советизация на Северном Кавказе», П. Коцев писал: «Едва закончилась война с Деникиным, когда на место белых

появились красные, которые также отказались от своего обещания признать независимость Северного Кавказа. Началась советская оккупация³³.

В заключение следует отметить, что лейтмотивом всех публицистических статей П. Коцева, проанализированных нами в данной публикации, является неизлечимая боль и тоска по потерянной родине и не иссекаемая вера в освобождении народов Кавказа от коммунистической тирании.

Примечания

1. Государственный архив Краснодарского Края. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 17. Л. 107; Центр управления документацией новейшей истории АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 46. Л.л. 54–58.

2. Интернет-ресурс. П. Коцев – первый президент Северокавказской республики. <http://murtazali.livejournal.com/159290.html>.

3. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская республика (1918–1920 гг.) Документы и материалы. Издание второе, исправленное и дополненное. Махачкала, 2013. С. 52.

* Герман фон Эйхгорн – германский государственный и военный деятель, прусский генерал-фельдмаршал, с 1 марта 1918 г. – главнокомандующий группы армии «Киев». 30 июля 1918 г. был убит в Киеве эсером Б.М. Донским.

4. Кармов А.Х., Соблиров М.З. Жизнь и общественно-политическая деятельность П. Коцева // Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. 2. С. 392.
5. Коцев П.Т. Ложь не во спасение // «Кавказ» – орган независимой национальной мысли № 12/24. Париж, 1935.
6. Коцев П.Т. Ложь не во спасение // «Кавказ» – орган независимой национальной мысли № 12/24. Париж, 1935.
7. Коцев П.Т. Ложь не во спасение // «Кавказ» – орган независимой национальной мысли № 12/24. Париж, 1935.
8. Коцев П.Т. Ложь не во спасение // «Кавказ» – орган независимой национальной мысли № 12/24. Париж, 1935.
9. Кармов А.Х. Дипломатия «независимой» Горской республики в период денкинской оккупации Северного Кавказа // Вестник Дагестанского научного центра № 20. Махачкала, 2005. С. 91.
10. Дибиров М.-К. История Дагестана в годы революции и Гражданской войны. Махачкала, 1997. С. 19.
11. ЦГА РД. Ф. 621. Оп. 1. Д. 24. Л.л. 55–59. Последнее заседание Союзного Совета (Парламента) Республики Горцев Северного Кавказа 23 мая 1919 г.
12. Коцев П.Т. Ложь не во спасение // «Кавказ» – орган независимой национальной мысли № 12/24. Париж, 1935.
13. Коцев П.Т. Ложь не во спасение // «Кавказ» – орган независимой национальной мысли № 12/24. Париж, 1935.
14. Коцев П.Т. Ложь не во спасение // «Кавказ» – орган независимой национальной мысли № 12/24. Париж, 1935.
15. Коцев П.Т. Как не пишется история // «Кавказ» – орган независимой национальной мысли № 3/27. Париж, 1936.
16. Коцев П.Т. Как не пишется история // «Кавказ» – орган независимой национальной мысли № 3/27. Париж, 1936.
17. Коцев П.Т. Как не пишется история // «Кавказ» – орган независимой национальной мысли № 3/27. Париж, 1936.
18. Коце П.Т. Как не пишется история // «Кавказ» – орган независимой национальной мысли № 3/27. Париж, 1936.
19. Коцев П.Т. Свобода не дается без жертв // «Мой Дагестан» № 172–173. Махачкала, 1994.
20. Коцев П.Т. Свобода не дается без жертв // «Мой Дагестан» № 172–173. Махачкала, 1994.
21. Коцев П.Т. Свобода не дается без жертв // «Мой Дагестан» № 172–173. Махачкала, 1994.
22. Коцев П.Т. Свобода не дается без жертв // «Мой Дагестан» № 172–173. Махачкала, 1994.
23. Революция и советизация на Северном Кавказе // «Кавказский ревю» № 1. Мюнхен, 1955.
24. Революция и советизация на Северном Кавказе // «Кавказский ревю» № 1. Мюнхен, 1955.
25. Революция и советизация на Северном Кавказе // «Кавказский ревю» № 1. Мюнхен, 1955.
26. Революция и советизация на Северном Кавказе // «Кавказский ревю» № 1. Мюнхен, 1955.
27. Дибиров М.-К. История Дагестана в годы революции и гражданской войны. Махачкала, 1997. С. 30; Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927. С. 24–25.
28. Музаев Т. Союз горцев Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 года. Нальчик, 2012. С. 181.
29. Музаев Т. Там же.
30. Интернет-ресурс. Кузнецов Б.М. «1918 год в Дагестане» <http://xxl3.ru/belie/dagestan.html>.
31. Революция и советизация на Северном Кавказе // «Кавказский ревю» № 2. Мюнхен, 1955.
32. Материалы съездов горских народов Северного Кавказа и Дагестана 1917 г. Нальчик, 2014. С. 142–145.

33. Революция и советизация на Северном Кавказе // «Кавказский ревью» № 2. Мюнхен, 1955.

A.H. Karmov

POST-REVOLUTIONARY EMIGRE JOURNALISM BY P.T. KOTSEV

The article analyzes the emigre publicist articles of P. Kotsev, published in various international journals, which reflect little-known segments of the socio-political life of the mountaineers of the Caucasus during the revolution and Civil war. Of particular interest is the activity of the Caucasian political emigrants abroad, their relationship and cooperation in solving common Caucasian issues.

Keywords: Highland (North Caucasian) republic, political emigration, Caucasian Cavalry Division, gas. «BrdzolisHma» Revolution and Sovietization, journalism.

О.А. Жанситов

ФОРМИРОВАНИЕ КАБАРДИНСКИХ КОННЫХ ПОЛКОВ И ИХ УЧАСТИЕ В БЕЛОМ ДВИЖЕНИИ

Статья посвящена истории участия кабардинских конных полков в белом движении на Юге России. Рассматриваются проблемы мобилизации в действующую армию, раскрываются мотивы участия кабардинцев в антибольшевистской борьбе. Показана роль администрации Правителя Кабарды Бековича-Черкасского в борьбе с дезертирством.

Ключевые слова: белое движение, Кабарда, большевики, Добровольческая армия, дезертирство, мобилизация, Терская область, Кабардинская конная дивизия.

В рядах Белой армии на юге России сражались многочисленные представители Кабарды и Балкарии. Конечно же, среди них были те, кто делал это вынужденно, не разделяя идеи «белой» борьбы, и при первой возможности дезертируя с фронта. Но были и те, кто пошел до конца в своем стремлении искоренить большевизм, желая лучшей участи для своей Родины.

Несомненно, национальные конные полки деникинской армии внесли определенный вклад в ее борьбу, принимая активное участие в боевых действиях на фронтах гражданской войны. Кроме того, их наличие обеспечивало белым опору в округах Терско-Дагестанского края, которые они стремился сделать своим тылом и сохранить в составе России. Следует не согласиться с А. Деникиным, который говорил, что мобилизация горского населения в действующую армию диктовалась «мотивами не военными, а исключительно политическими: не было иных средств, чтобы выкачать из аулов массу накопленного там оружия и беспокойные элементы и тем самым хоть до некоторой степени обеспечить общий внутренний мир в крае. Численность всех горских контингентов в рядах Армии до конца мая (1919 г.) не превышала 3–4 тысяч»¹.

Возможно командование Добровольческой армии, достигшей к началу 1919 г. больших успехов в борьбе с красными, не испытывало острой необходимости в пополнении своих рядов горскими частями, а также считала, что мобилизуя местное население, лишает революционные партизанские отряды Терка возможности пополнять свои силы. В этом случае, мобилизация диктовалась скорее «политическими мотивами». Однако, в дальнейшем, борьба на фронтах с большевиками пошла не так успешно, и белые, неся большие потери, испытывали нехватку в живой силе. В этой ситуации, исход любого сражения зависел от пополнений, в том числе из горского населения, мобилизацию которого А. Деникин поручил руководству национальных округов. После занятия Деникиным Терской области, пишет Авторханов А.Г., правителям округов было предложено усилить формирование воинских частей и увеличить их численность². «С февраля месяца, – говорится в обращении Бековича-Черкасского к старшинам селений (сентябрь 1919 г.), – Кабарда выставила пять действующих полков и шестой запасной и не дала ни одного всадника на пополнение. Теперь от Кабарды требуется в спешном порядке 1500 всадников». В этом случае мобилизация диктовалась, конечно же «военными мотивами». Что же касается указанной А. Деникиным численности горских частей, не превышавшей к концу мая 1919 г. 3–4 тысяч, то следует

отметить, что только из населения Нальчикского округа 20 января (3 февраля 1919 г.) в Добровольческую армию было мобилизовано 4203 человека³.

Национальные части соседних округов Терека также пополнили ряды белых войск. «Во Владикавказе, – писал В. Цветков, – стояли и пополнялись полки Осетинской конной дивизии. Чеченская конная дивизия, сформированная из добровольцев и мобилизованных из аулов плоскостной Чечни, была направлена в Новороссию и принимала участие в борьбе против Махно. Примечательно, что в этих «инородческих частях командные должности занимали как русские, так и горцы – бывшие офицеры Российской императорской армии. В борьбе с повстанцами командование войск Северного Кавказа поддерживал так называемый «Чеченский Национальный Комитет» (ЧНК), под председательством И. Чуликова. ЧНК призывал всех «кому дороги мир, порядок и покой в Чечне», оказывать поддержку белым. По инициативе Чуликова в сентябре 1919 г. было сформировано «ополчение плоскостной Чечни», численностью около двух тысяч человек...»⁴.

Костяк, воевавших под белыми знаменами национальных частей составили бывшие служащие «Дикой дивизии», прославившей себя на фронтах I-й Мировой войны. Мужество, героизм, высокие боевые качества, проявленные в то время, были их отличительной чертой и в годы гражданской войны. Они в своей массе добровольно присоединились к А. Деникину. Потери в личном составе частей Добровольческой армии, отмечал В. Матасов, пополнялись притоком добровольцев из Кубанской, а затем и Терской областей⁵. Не самую значительную, но боееспособную их часть составили национальные полки. «Все народы Кавказа, – писал В. Дрейер, – прислали своих конников – кубанцы, терцы, кабардинцы, черкесы, карачаевцы, осетины, калмыки»⁶.

Участие в белом движении антибольшевистских сил Кабарды началось еще до ее занятия частями Добровольческой армии 25 января 1919 г. отступившие в ноябре из Нальчикского округа отряды З. Даутокова-Серебрякова, присоединились к А. Деникину и продолжили борьбу под его руководством в составе Добровольческой армии, действуя на Воровсколесском и Суворовском направлениях, отличившись при этом при взятии ст. Бакешевской и Курсавки⁷.

Те, кто вместе с Даутоковым-Серебряковым присоединились к А. Деникину, а также те, кто вступил в его армию позднее, остались до конца верными выбранному пути. Они понимали, что исход гражданской войны в Кабарде и Балкарии зависит от того, кто одержит победу в России в целом: красные или белые. Поэтому добровольцы Кабардинских полков беспрекословно выполняли приказы начальства, участвуя в боевых действиях против большевиков.

Однако это участие мотивировалось не только приверженностью идеям белого движения, но и верностью своей полковой семье. Как известно, к моменту провозглашения советской власти в Нальчикском округе в марте 1918 г. Кабардинский конный полк фактически распался. А когда он стал возрождаться сначала в ходе формирования отрядов З. Даутокова-Серебрякова, и затем уже в составе Добровольческой армии, бывшие его служащие считали своим долгом вновь встать в ряды родного полка и поддержать товарищей.

В начале февраля было мобилизовано около 4 тысяч жителей Нальчикского округа. Каждый воин помимо лошади должен был иметь плеть, башлык, ноговицы, шубу, бешмет, бурку, шапку, кинжал, винтовку и черкеску.

В сентябре 1919 г. командование Белой армии, как уже было сказано выше, потребовало от Кабарды «в спешном порядке» еще 1500 всадников.

С 15 (28) марта 1919 г. на основании приказа Главнокомандующего ВСЮР в Нальчикском округе началась мобилизация иногороднего населения⁸. В виду потребности Добровольческой армии в технических силах «все нижеперечисленные лица, не стоящие на военной службе, на группах Кавминвод, в Георгиевске,

Нальчике, Моздоке и их окрестностях должны были зарегистрироваться у Пятигорского Уездного Военного начальника, а именно: инженеры, лица со специальным высшим и законченным средним и низшим техническим образованием, прочие специалисты по технике всех видов»⁹.

В марте 1919 г. среди жителей селений Нальчикского округа проводился набор добровольцев в «Летучий отряд особого назначения» под командой штабс-ротмистра А.Н. Баранова. Из желающих было отобрано 50 человек на следующих условиях: своя лошадь, снаряжение, оружие, знание русского языка, фуражное, провиантное довольствие от казны, оклад 60 рублей¹⁰.

Руководством, формированием, пополнением и направлением Кабардинских полков на фронты и на борьбу с местными партизанскими отрядами занималось созданное при правителе Кабарды Военное Управление, которое возглавил полковник Б. Стельмашенко.

Подробные сведения о кабардинских частях в составе белой армии привел В. Волков в «...Энциклопедии Гражданской войны»¹¹.

«Кабардинская конная дивизия (ККД) сформирована в Добровольческой армии 15 декабря 1918 г. как отдельная Кабардинская конная бригада в составе 1-го и 2-го Кабардинских конных полков, изъятых из 1-й Туземной горской дивизии. Переформирована в дивизию 3 сентября 1919 г. и включила 1-й, 2-й, 3-й и 4-й Кабардинские конные полки. Дивизия входила в состав Войск Северного Кавказа, с 27 сентября 1919 г. – в 4-й конный корпус.

На 1 июля 1919 г дивизия насчитывала 3043 человек при 2640 лошадях, в том числе штаб дивизии и управление интенданта – 290 человек при 99 лошадях.

Дивизия включала также 2-ой конноартиллерийский дивизион под командованием генерал-майора А.В. Фока.

Кабардинские полки, неся большие потери, с доблестью сражались с красными частями на Царицынском фронте. Их действия не раз удостоивались высоких оценок командования белой армии. Начальник Сводно-Горской дивизии полковник Гревс отмечал: «После славных непрерывных атак в продолжение более полутора месяцев, имея за это время всего одну дневку, захватив трофеи, орудие, пулеметы, пленных и обозы, слава Кабардинцев прогремела на всю армию возрождающейся России. Прошу при этом уведомить представителей народа, к несчастью, ряды 2-го Кабардинского конного полка сильно поределели...»¹².

Остался доволен работой Кабардинских конных полков и генерал П. Врангель, сказав, что «кабардинцы выделяются из всех коренных народов своей храбростью и доблестной службой на фронте».

В телеграмме временно командующего 2-м Кабардинским полком К. Хан-Эриванского Правителю Кабарды от 14.08.19 г. говорится: «Прошу объявить старикам кабардинцам, что 19 числа полк в лихой атаке взял два пулемета, много оружия и патронов, изрубив часть красного третьего полка, остальных рассеяв по лесам»¹³.

Потери Кабардинских конных полков на полях сражений пополнялись путем мобилизации среди местного населения. Этим вопросом занималась мобилизационная комиссия Отдельного Кабардинского округа под председательством Чежокова и членов – корнета князя Наурузова, подпоручика Запорожца и члена Управы Тхашгоева. Комплектование национальных полков проходило с большими затруднениями. Добровольцев, вступавших в полки, было недостаточно для их заполнения, поэтому приходилось порой силой мобилизовывать население. Местные жители были заняты приведением в порядок своего хозяйства, выплатой налогов, введенных денкинской администрацией, и снаряжение всадников в этих условиях представлялось большой трудностью. К тому же многие, хотя и были противниками большевиков, в то же время не разделяли идей Добровольческой

армии. Большевики были изгнаны из Нальчикского округа, и воевать с ними вдалеке от родных очагов не было желания.

Такие настроения господствовали не только среди крестьянского населения Кабарды и Балкарии, но были характерны и для местного дворянства. В приказе правителя Кабарды Бековича-Черкасского своему помощнику по военной части Даутокову-Серебрякову от 9 (22) марта 1919 г. говорится: «Рассматривая составы всадников по частям, я обратил внимание на слишком малое количество в рядах полков князей и дворян, на которых лежит долг служить в рядах родной дивизии». Правитель приказал от всех князей и дворян снарядить в дивизию по одному всаднику от 5 дворов, и старшинам составить списки подлежащих призыву¹⁴.

Согласно Распоряжения Штаба Добровольческой армии от 15 (28) декабря 1918 г. «о призыве и мобилизации офицеров» обязательный срок службы добровольцев составлял 4 месяца и не распространялся на мобилизованных.

От службы в армии освобождались учащиеся для продолжения образования, лица старше 40 лет, непригодные к строевой службе и по семейному положению: единственный кормилец семьи и т.д.»¹⁵.

Возможностью законным способом избежать мобилизации воспользовались многие жители Кабарды и Балкарии. Местная Мобилизационная комиссия была завалена десятками заявлений об освобождении от службы. Некоторые были не готовы к ней по состоянию здоровья и должны были проходить переосвидетельствование. Но большая часть не могла служить по семейным обстоятельствам – как единственные кормильцы семьи. Действительно, многие семьи Кабарды и Балкарии, чьи сыновья были мобилизованы в красную, а затем в белую армии, или ушли в партизаны, остались без крепких рук, способных вести хозяйство. Поэтому каждая новая мобилизация ложилась тяжелым бременем на их плечи. «В период I Мировой и Гражданской войны, – писал К. Чхеидзе, – произошло общее обескровливание Кабарды и Балкарии. 200-тысячное население держало в течение всей войны на фронте целый полк. А в Добровольческой армии – шесть полков! (500 сабель на полк), а также пулеметную команду, обоз и т.д.»¹⁶.

Мобилизационная Комиссия Отдельного Кабардинского округа, вероятно, учитывала это обстоятельство и старалась, по возможности, освобождать от призыва.

Только в декабре 1919 – январе 1920 прошло семь заседаний Комиссии, в результате которых по семейному положению было освобождено от мобилизации 463 жителя Кабарды и Балкарии¹⁷.

Такое большое число освобождаемых, в условиях постоянной нужды Белой армии в пополнениях, вызывало подозрение вышестоящего начальства. Еще в июне 1919 г. Пятигорский Уездный Военный начальник объявил, что «все лица, явившиеся по призыву в марте, апреле, мае 1919 г. в Нальчикскую мобилизационную комиссию и признанные негодными, или освобожденными от службы, обязаны явиться на переосвидетельствование в Пятигорское окружное по воинской повинности присутствие. Выданное начальником мобилизационной комиссии свидетельство об освобождении и увольнении в отпуск или на поправку считается недействительным»¹⁸.

Трудности мобилизации негативно сказывались на боеспособности Кабардинских конных полков, испытывавших после тяжелых боев на Царицынском фронте, нужду в пополнениях. Но еще большей проблемой являлось дезертирство, которое было характерным явлением в годы гражданской войны, как для Белой, так и для Красной армии.

Командир 1-го Кабардинского полка полковник Ануфриев сообщал начальству, «что за последнее время участились самовольные отлучки всадников из полка и в силу этого ослаб численный состав.» Он просил «спешного распоряжения о принятии мер по сбору самовольно отлучившихся и привлечении сельских

старшин к строгой ответственности за попустительство, а может, и укрывательство дезертиров...»¹⁹.

Правитель Кабарды Бекович-Черкасский в приказе от 16 декабря 1919 г. отмечал, что «на фронте, в полках наших жалкие остатки храбрецов, им становится все тяжелее, т.е. ряды полков с каждым днем все ослабевают. Дезертируют с фронта под видом болезни, отпуска и самовольно, дезертируют из 6-го запасного полка в огромной массе, даже дошло до того, что дезертируют из эшелонов по пути следования на фронт»²⁰.

В обращении к народу Бекович-Черкасский указывал причину создавшегося положения: «С горечью в душе я должен сказать вам, кабардинцы, что вы родители и родственники дезертиров, являетесь виновными в ослаблении наших полков. Вы, кабардинцы, укрывающие дезертиров, совершаете вместе с тем преступление перед всем кабардинским народом, допуская уживаться трусости с храбростью и преступности с честностью...»²¹.

Правитель Кабарды отмечал, что «участились подачи прошений от всадников-дезертиров и их родственников об освобождении от службы. Ни одно прошение не подается по команде, старшины аулов скрывают дезертиров и снабжают их всякого рода удостоверениями...»²².

Дезертировали с фронта или старались уклониться от службы, не только рядовые всадники, но и часть офицерства Кабардинских конных полков, которое являлось их основой, и считались наиболее лояльным «белой» власти. Начальник штаба Кабардинской конной дивизии полковник Беликов доносил по этому поводу Правителю Кабарды Бековичу-Черкасскому: «Кабардинские воины поражают всех своей доблестью и самоотверженностью, но офицеры кабардинцы и русские Кабардинской дивизии блистают своим отсутствием на фронте, вызывая общее негодование и позорят имя дивизии... На фронт доходят слухи, что кабардинские офицеры устраиваются в Государственную стражу, ловчатся задержаться через дивизионный лазарет, скрываются в аулах. Оставшиеся на фронтах офицеры спрашивают: «неужели у кабардинских офицеров нет той доблести, присущей простым кабардинским всадникам»²³.

Дезертировали не только с фронта. Командирам полков, находящихся в Кабарде и Балкарии на отдыхе или на пополнении приходилось силой удерживать некоторых служащих в распоряжении частей. Бекович-Черкасский не раз давал распоряжения старшинам селений препровождать в полк находящихся в отпуске, или самовольно отлучившихся всадников.

Причиной дезертирства в тылу, помимо прочего, была большевистская пропаганда. «Для подтачивания сил белогвардейцев, – отмечал У. Улигов, – большевики использовали и такую форму борьбы, как дезертирство кабардинцев и балкарцев из рядов белой армии, куда они были мобилизованы насильно»²⁴.

В феврале 1919 г. при политотделе Каспийско-Кавказского фронта было создано Кавказское отделение из работников-коммунистов, проживающих в Астрахани. Непосредственно на Северный Кавказ было послано 50 агитаторов и инструкторов, задачей которых было издание газет, листовок на всех языках и распространение их в тылу неприятеля, подготовка и отправка в тыл агитаторов, инструкторов и связистов²⁵.

Эти мероприятия давали результаты. В донесении отдела разведки штаба Кабардинской конной дивизии Бековичу-Черкасскому отмечалось, что «большевизм стал заметно появляться в Малой Кабарде, особенно в селениях Ахлово и Исламово», а также ... проник и в 4-й Кабардинский полк, стоящий в сел. Муртазово для укомплектования». В начале марта 1919 г. 4-я сотня этого полка под командой А. Дзамихова покинула расположение части и перешла на сторону советской власти²⁶.

Участившиеся случаи дезертирства из частей белой армии поставили руководство перед необходимостью выработать меры по борьбе с ним. В июне 1919 г.

Управление Внутренних дел при Главнокомандующем ВСЮР потребовало от Бековича-Черкасского проведения «сообразно местным условиям ... следующих мероприятий»: «...издание обязательных постановлений о регистрации населения путем записи в деловых книгах; установление соглашения с подлежащими воинскими начальниками относительно определения военно-обязанных; периодические внезапные проверки домовых и личных документов; широкая огласка результатов борьбы с дезертирством в печати и листовках; оповещение населения о том, кто подлежит призыву и о наказаниях за уклонение; обращение к населению с призывом прийти на помощь в борьбе с дезертирством²⁷.

Бекович-Черкасский предполагал повысить эффективность борьбы с дезертирством путем активного привлечения к ней сельских властей. В предписании старшинам селений от 14 (27) июля 1919 г., он отмечал: «Деникин приказал принять меры к поимке дезертиров, уклонистов. В слободе Нальчик, аулах и селах действительно проживают дезертиры всадники и солдаты, самовольно отлучившиеся из полков и продлившие срок отпуска. Многие имеют оружие и патроны... Все это указывает на послабление власти слободской и сельской и на бездействие участковой стражи». Далее Правитель приказал: «дезертиров и уклонистов доставлять к коменданту слободы Нальчик; провести регистрацию осетинского населения призывного возраста, уклоняющегося от мобилизации в Осетии и скрывающегося в Кабарде»²⁸.

Однако принимаемые меры по борьбе с дезертирством не давали желаемых результатов. Помимо острой нужды в пополнениях живой силой Кабардинские конные полки испытывали нехватку лошадей, поставка которых лежала на плечах населения. Это обстоятельство явилось одной из причин расформирования Кабардинских частей. Начальник штаба Кабардинской конной дивизии полковник Беликов в письме помощнику Правителя по гражданской части Х. Чежокову отмечал: «Причины расформирования Вам известны – слова, обещания, опять слова, но не единого коня на пополнение, несмотря на то, что мне удалось достать 6700 тыс. руб. на покупку коней. Срок для покупки их был преступно упущен... Так работало Нальчикское Военное отделение. Так сознательно хоронило Кабардинскую дивизию, которая, в конце концов дошла до 17 шашек.

А дивизия между тем славно дралась до последнего издыхания и еще 29.XII смела сплошь коммунистический 178-й советский полк 20-й «железной дивизии»» Чтобы исправить ситуацию Беликов предложил Чежокову объявить в Кабарде платную мобилизацию лошадей, «как это делается на Кубани и на Дону... и созвать для проведения мобилизации собрание или съезд»²⁹.

Местное Военное Управление не могло изменить создавшееся положение. Нальчикская ремонтная комиссия, обслуживавшая Кабардинскую дивизию, и производившая платный прием лошадей у населения, не поставляла их требуемое количество.

Причиной тому было то, что жители часто поставляли Комиссии краденных лошадей³⁰. К тому же плата за них была низкой. Проблемы с поставкой лошадей были вызваны также тем, что во время пребывания у власти в Кабарде и Балкарии большевиков в 1918 г. была разграблена Терская Государственная Заводская Конюшня.

Таким образом, трудности мобилизации, дезертирство, проблемы с поставками лошадей, а также неудачи Белой армии на фронтах в конце 1919 г., предопределили распад Кабардинской конной дивизии. После поражения белых под Царицыным, остатки дивизии под командованием полковника Беликова прибыли в Нальчик. Часть вернувшихся сотен была отправлена на отдых, часть послана на борьбу с усилившимся в Кабарде и Балкарии партизанским движением³¹.

Костяк Кабардинских конных полков в составе Добровольческой армии составили прежде всего участники антибольшевистского движения под руководством

3. Даутокова-Серебрякова, большая часть которых воевала в рядах «Дикой дивизии». Позднее в Белую армию вступили и другие ее бывшие служащие из Кабарды и Балкарии. Однако добровольцы составляли меньшинство в Кабардинской дивизии. Большая ее часть была сформирована путем мобилизации местного населения, далекого от идей белого движения. Тем не менее, и добровольцы и мобилизованные достойно проявили себя на полях сражений.

Участие населения горских округов Северного Кавказа в белом движении, впрочем, как и вовлеченность в борьбу за советскую власть не перебрело массовый характер, но тем не менее отражало интересы определенных слоев социума, прежде всего высших сословий, подвергшихся дискриминации при большевистском режиме.

Примечания

1. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 4, 5. Вооруженные силы юга России. Берлин, 1925. С. 115.
2. Авторханов А.Г. Революция и контрреволюция в Чечне. Из истории гражданской войны в Терской области. Грозный, 1933. С. 72.
3. Центральный Государственный Архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР). Ф. 197. Оп. 1. Д. 40. Л. 5–23.
4. Цветков В. Вторая кавказская война // Родина 1992. № 2. С. 26.
5. Матасов В. Белое движение на Юге России. 1917–1920. Montreal. Canada, 1990. С. 93.
6. Дрейер В. Крестный путь во имя Родины. Двухлетняя война Красного севера с Белым югом. Берлин, 1921. С. 15.
7. Чхеидзе К.А. Страна Прометея. Нальчик, 2004. С. 253.
8. ЦГА КБР. Ф. 101. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.
9. Там же. Л. 57.
10. ЦГА КБР. Ф. 197. Оп. 1. Д. 22. Л. 16.
11. Волков В. Энциклопедия гражданской войны. Белое дело. М., 2002. С. 230.
12. Опръшко О. Бывают странные сближения. Нальчик, 1993. С. 177.
13. ЦГА КБР. Ф. 95. Оп. 1. Д. 11. Л. 139.
14. Там же. Л. 55.
15. ЦГА КБР. Ф. 197. Оп. 1. Д. 19. Л. 3.
16. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5911. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 9.
17. ЦГА КБР. Ф. 197. Оп. 1. Д. 30. Т. 1. Л. 1. Д. 8. Л. 206. Д. 47. Т. 2. Л. 218, 245, 257.
18. ЦГА КБР. Ф. 101. Оп. 1. Д. 8. Л. 57.
19. Улигов У.А. Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937 гг.). Нальчик, 1979. С. 249.
20. ЦГА КБР. Ф. 101. Оп. 1. Д. 8. Л. 60.
21. Улигов У.А. Указ. соч. С. 249.
22. Российский Государственный Военный Архив (РГВА). Ф. 38803. Оп. 1. Д. 22. Л. 28.
23. Там же. Д. 14. Л. 28, 29.
24. Улигов У.А. Указ. соч. С. 248.
25. Там же. С. 239.
26. Там же. С. 232.
27. ЦГА КБР. Ф. 101. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.
28. ЦГА КБР. Ф. 95. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.
29. Опръшко О. На изломе времени. Нальчик, 1996. С. 221.
30. ЦГА КБР. Ф. 197. Оп. 1. Д. 4. Л. 89.
31. ГАРФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 7.

O.A. Zhansitov

**ORGANIZATION OF THE KABARDIAN CAVALRY REGIMENTS
AND THEIR PARTICIPATION IN THE WHITE MOVEMENT**

The article is devoted to the history of participation of kabardian cavalry regiments in the white movement on South Russia. Problems of mobilization are considered, motives of participation of kabardians in anti-Bolshevik struggle are uncovered. The role of the administration of the ruler of Kabarda Bekovich Cherkasky in the struggle with the desertion is shown.

Keywords: white movement, Kabarda, Bolsheviks, Volunteer army, desertion, mobilization, Terek region, Kabardian equestrian division.

И.Х. Тхамокова

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ГЕНЕРАЛ-МАЙОРЕ ЭЛЬМУРЗЕ ЧЕРКАССКОМ (БЕКОВИЧЕ)

В статье рассматриваются недавно обнаруженные документы о жизни генерал-майора князя Эльмурзы Черкасского: письма, материалы Верховного тайного совета и Военной коллегии. Приведенные источники характеризуют как личностные качества князя, позволившие ему сделать блестящую карьеру, так и особенности социальных, национальных и конфессиональных отношений в России XVIII в.

Ключевые слова: Эльмурза Черкасский, казаки, кабардинцы, Петр I, Кизляр, Северный Кавказ, XVIII в.

Эльмурза Черкасский (или Бекович, или Бекович-Черкасский) – очень известная в истории Северного Кавказа фигура, брат Александра Бековича, погибшего в Хиве. Эльмурза – кабардинский князь, мусульманин, долгое время командовал терскими (терско-кизлярскими) казаками, большую часть которых составляли христиане. Об Эльмурзе Черкасском историки писали неоднократно, однако многие факты его биографии остаются неизвестными, и многие материалы о его жизни еще не выявлены и не исследованы.

Статья впервые вводит в научный оборот несколько новых документов – это прежде всего, письма Эльмурзы, адресованные приближенным Петра I и хранящиеся в РГАДА, в фонде 9 («Кабинет Петра I»), один ответ на его письмо, а также материалы Верховного тайного совета, касающиеся князя, и документы о его службе и его смерти, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве, в фонде 13 («Казачья экспедиция военной коллегии»).

Четыре письма Эльмурзы датированы 1719 г., т.е. тем самым годом, когда он выехал из Кабарды в Москву (о чем уже писали историки)¹. Точная дата – 17 июля – стоит только на одном из писем. Они так же близки по содержанию, как четыре варианта одного и того же письма. Все они обращены к «Алексею Васильевичу», т.е., видимо, к кабинет-секретарю Петра I Алексею Васильевичу Макарову. Подпись сделана рукой писаря: «Эль Мурза Черкаской» или «Эл Мурза Бег Черкаской» или «Ил Мурза Бег Черкаской». Под двумя письмами стоят также оттиски печати.

В этих письмах Эльмурза напоминает Макарову о том, что тот помогал его брату, оказывал ему протекцию и «всякое благодеяние» и просит о таком же отношении к себе, а также выражает готовность служить царю².

Письма, вероятно, оказали свое влияние. В следующем, 1720 г., Эльмурза в Петербурге принес присягу на верность царю, стал получать царское жалованье. Но эти события также достаточно известны и неоднократно описаны³.

Следующее письмо А.В. Макарову Эльмурза написал 4 марта 1721 г. из Астрахани. В этом письме он сообщает о положении дел в Кабарде: «Кабардинские князья, которые были прелести ради под протекциею Крымского хана, ныне сообщились попржнему к братьем нашим, под державу царского величества и крымское войско, которое в тех краях стояло, при ханском сыне розбили. И крымцов многих побили, в полон взято 50 человек знатных мурз, а ханской сын ушел с малыми людьми»⁴. Далее он сообщал о нападениях на Терки кумык, которые

«многих черкес и окочан и татар побили и скот отогнали», и жаловался, что без царского разрешения он не может начать военные действия против них⁵, а также напоминал о своем желании получить царскую службу. Содержание этого письма очень близко к сообщению терского коменданта Заезерского – он писал то же самое и о победе кабардинских князей над крымским войском, и о нападениях на Терки⁶.

Под этим письмом Эльмурзы Черкасского стоит его подпись (очевидно, собственноручная), выполненная в арабской графике. Все свои последующие письма и другие документы он до конца жизни будет подписывать так же. Князь, видимо, получил какое-то образование.

В 1722 г. Эльмурза принимал участие в Персидском походе Петра I, но и об этом писали многие авторы⁷.

13 января 1724 г. Эльмурза отправил еще два письма: одно – тому же А.В. Макарову, другое – царице. Под каждым из них стоит подпись князя (в арабской графике) и оттиск печати, но уже не той, что была под первыми его письмами, а другой. Письма почти одинаковы по содержанию. В обоих Эльмурза сообщает о том, что живет в Астрахани, получает царское жалование, вполне доволен им и благодарен за него царю. Но, пользуясь жалованием, он не несет никакой службы. Как сказано в письме царице, именно ради этой службы он, «оставя свою страну и отечество», стал подданным Петра I, клялся на Коране в верности царю и собственноручно подписал текст присяги⁸.

Эльмурза также написал и о том, какую именно службу он хотел бы получить. Он вспомнил о Каспулате Муцаловиче Черкасском и других кабардинских князьях, которые жили в городе Терки и «у которых в команде имелись пребывающие тамо черкесы и татары». Эльмурза напоминал о своем родстве с этими князьями и о том, что их место в тот момент пустовало: «а ныне в Терках оной нашей фамилии никого не обретается». Князь просил как Макарова, так и царицу походить за него перед императором, чтобы он «награжден был службою на место оного князя Каспулата Мусалова»⁹.

Еще за год до Эльмурзы кабардинский князь Арсланбек Кайтукин, тоже просил Петра I, чтобы «по прежнему наследству быть из наших родственников на Терке»¹⁰, а кумыкских владельцев просил не допускать в город. Когда Арсланбек писал о своих родственниках, он, возможно, имел в виду именно Эльмурзу.

Но не только кабардинские князья хотели властвовать в Терках. О той же должности просил тарковский шамхал Адиль-Гирей для своего сына¹¹, а затем и для себя самого¹², аксайский Салтан Махмуд – для своего сына и племянника¹³. Эндерийский Муцал Чапалов тоже желал быть «в Терке князем над махометанцами»¹⁴. Никто из них не добился желаемого места.

А Эльмурза вскоре получил ответ на свое письмо. Черновик его, датированный 17 апреля 1724 г., хранится в РГАДА. Ответ очень краткий. Эльмурзу извещали, что его письмо к императрице дошло, что о присланной ей в подарок девочке «татарской породы» ей объявлено. Добавлено также упоминание о подарках узденям Эльмурзы. Что же касается его службы, то сообщается только о том, что о ней написано астраханскому губернатору Волинскому¹⁵.

Содержание письма Волинскому от 22 мая 1724 г. изложено в материалах Верховного тайного совета. Император «повелел» Волинскому объявить Эльмурзе, что «ежели он пожелает креститца, то ему определенное жалованье давать, а ежели не пожелает, то б он ехал, куда похочет, и от жалованья ему отказать»¹⁶. То есть непременным требованием царя был отказ от ислама и принятие православия, хотя до этого времени подобное условие не выдвигалось. Что явилось причиной ужесточения позиции? По материалам архива внешней политики России, выявленным Е.Д. Налоевой, 22 мая 1722 г. Петр I узнал об

«измене» кабардинского князя Арсланбека Кайтукина, родственника Эльмурзы, что и повлияло на его отношение к Эльмурзе¹⁷. Это вполне согласуется с другими источниками, поскольку в 1724 г. Арсланбек Кайтукин вступил в переговоры с крымским ханом и попытался наладить с ним союзные отношения¹⁸. Царь был разгневан, и его недовольство проявилось в письме Волинскому, написанном в тот же день, 22 мая.

Однако, в отличие от своего старшего брата Александра, Эльмурза постарался уклониться от принятия православия. Как писал, согласно найденным в астраханском архиве документам П.Л. Юдин, долгое князя не могли заставить дома и вручить ему царский указ¹⁹. Но это не могло продолжаться до бесконечности. В 1725 г. указ был объявлен Эльмурзе, и жалованье ему прекратили выплачивать²⁰. Положение князя осложнялось еще и тем, что астраханский губернатор А.П. Волинский его, видимо, недолюбливал. Во всяком случае, в одном из своих писем царю он очень нелицеприятно охарактеризовал Эльмурзу Черкасского, назвав его вертопрахом, «которой и бешен и лжив»²¹.

Эльмурза не смирился с неудачей. В 1726 г. он вновь отправился в Санкт-Петербург и подал челобитную в Верховный тайный совет – высший орган власти в России того времени. Он сообщил об указе, согласно которому должен был принять «православную христианскую веру греческого исповедания», а «буде он той веры содержать не будет, то из России выслан будет и от службы Ея Императорскаго Величества отлучитца». Далее Эльмурза объяснял, почему он не принял православия: он – «иностранный человек» и поэтому «не ведая истинного состояния веры греческого исповедания, и затем скоро той веры принять и исправлять не может, и не токмо российского письма и книг, ни языку довольно не знает». Т.е. он просил дать ему время для знакомства с христианским вероучением, а также вернуть ему невыплаченное жалование и определить на службу²². Петра I уже не было в живых, а императрица благосклонно приняла челобитную Эльмурзы и издала указ о возврате ему недоплаченного жалования. Что касается службы, то он поступал в распоряжение генерала князя Долгорукова, который командовал Низовым корпусом, т.е. русскими войсками, находившимися на Кавказе и в Иране. В то же время астраханскому архиерею поручалось наставлять князя в христианской вере²³.

В следующем, 1727 г., императрица издала новый указ, согласно которому Эльмурза Черкасский получил командование «над нерегулярными аульными и переведенными с Терка окочаниями, казаками и протчими»²⁴. Он все-таки занял место Каспулата Муцаловича. Более того, Каспулат Муцалович был князем только над нерусским населением Терского города, а Эльмурза стал командовать и казаками, в том числе и христианами. При этом сам он оставался мусульманином. Екатерина I вскоре умерла, и о том, что его собирались приобщить к христианству, видимо, забыли. Как писал один из путешественников, И. Лерх, который побывал на Кавказе в 30-х и 40-х годах XVIII в., Эльмурза Черкасский – «ревностный мусульманин»²⁵. На царской службе ему часто приходилось выполнять дипломатические поручения, требующие хороших отношений с правящей верхушкой народов Северного Кавказа, преимущественно мусульманской. Его религиозная принадлежность, видимо, помогла ему достичь взаимопонимания с местной элитой.

При небольшой численности (в 1734 г. – 171 человек)²⁶ подчиненная Эльмурзе Черкасскому «команда» имела сложный национальный, социальный и конфессиональный состав. Кроме «российских терских казаков» в нее входили также «окочане» – выходцы из народов Кавказа, мусульмане. Была и группа «новокрещен», т.е. таких же выходцев, принявших христианство. Более высокое положение занимали (и более высокое жалованье получали) «мурзы» и «дворяне». Первые, насколько можно судить по документам, были мусульманами, вторые – христианами. Кроме того, как и в других казачьих войсках, были есаулы, сотники и хорунжие. Были и более высокие, но уже не казачьи, а армейские чины – ротмистры,

капитаны, майоры и др.²⁷ В 1726 г. они были переведены из города Терки к крепости Святого креста, а в 1735 г. – в Кизляр. Впоследствии все они вошли в состав терско-кизлярского казачьего войска.

В 1736 г. Арсланбек Шейдяков, сын кубанского «мурзы», переселившегося к Теркам, долгое время служивший там, сумел на короткое время занять место Эльмурзы Черкасского. Шейдяков во главе кизлярской «команды» ходил в кубанский поход и сохранял свою власть над ней после возвращения²⁸. Однако уже в следующем, 1737 г., Эльмурза вновь поехал в Петербург и сумел получить царский указ, который возвращал ему власть «над обретающимися при Кизляре терскими мурзами и окочены и другими нерегулярными военными людьми», включая и бывших казаков города Терки²⁹. И хотя В.Н. Татищев, знаменитый историк и астраханский губернатор, полагал (как, видимо, и многие другие чиновники), что «христианом под властью оных магометан быть неприлично»³⁰, но все же Эльмурзе удалось дослужиться до чина генерал-майора и сохранить свою должность до конца жизни. После его смерти это место занял его сын Темирбулат.

Эльмурза Черкасский получал огромное жалование – 1300 рублей в год, тогда как рядовые казаки получали только 12 рублей³¹. Он имел самый большой в Кизляре участок земли – более 1865 десятин одной только пашни, не считая сенокосных мест и «бахчей» (т.е. садов)³².

Но при всех своих успехах полным доверием властей он все же не пользовался. В 60 гг. XVIII в. «в помощь» Эльмурзе был назначен офицер регулярной армии – секунд-майор Аникеев³³. По мнению кизлярского коменданта Потапова, это было необходимо «к примечанию за генерал-майором яко чужестранцем»³⁴. То есть, несмотря на многолетнюю службу, настороженность по отношению к нему сохранялась.

В большинстве работ о князе Эльмурзе Черкасском сказано, что он умер в 1765 г. Это почти общепринятая точка зрения, тем не менее, она является ошибочной. Точно так же не является достоверной дата смерти, предложенная в одной из работ Е.Д. Налоевой – 1767 г.³⁵ В Российском государственном военно-историческом архиве обнаружены документы о его смерти, причем, документы вполне официальные – два сообщения одинакового содержания из военной коллегии в коллегию иностранных дел и в Сенат, датированные 23 и 28 июля 1768 г. В них сказано, что, согласно рапорту кизлярского коменданта Потапова, «...генерал-майор князь Бекович Черкасской минувшего мая с 20-го заболел, а 30-го числа умре, которого тело по собственному его желанию и по прошению» его сына Александра и других старшин «при учинении надлежащей тремя выстрелами собранной того войска казацкой команды селютации отпущено по их обычаем для погребения в Большую Кабарду»³⁶. Таким образом, точная дата смерти Эльмурзы Черкасского установлена – это 30 мая 1768 г. О погребении князя в Кабарде было известно и ранее³⁷.

Обнаруженные в Российском государственном архиве древних актов письма Эльмурзы Черкасского и документы Верховного тайного совета позволяют восстановить долгую и непростую историю его назначения командиром над разнородной в этническом и конфессиональном отношении группой «нерегулярных воинских чинов», составивших впоследствии терско-кизлярское казачье войско. Документы характеризуют как личностные качества князя, позволившие ему сделать блестящую карьеру, так и особенности социальных, национальных и конфессиональных отношений в России XVIII в. Хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве документы дают возможность уточнить дату смерти Эльмурзы Черкасского.

Примечания

1. *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.). Нальчик: Эль-фа, 2001. (409 с.). С. 175; *Опрышко О.Л.* По тропам истории. Через века и судьбы. Всадники из легенды. Нальчик: Эльбрус, 2007. С. 304; *Налоева Е.Д.* Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. С. 200–201.
2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 42. Л. 596–600 об.
3. *Налоева Е.Д.* Указ. соч. С. 54, 200–201; *Рахаев Дж.Я.* Политика России на Северном Кавказе в первой четверти. Архивные и нарративные источники 1699–1725 гг. Российско-османские и российско-персидские договоры первой четверти XVIII в. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 101–102.
4. РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 57. Л. 987.
5. РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 57. Л. 987 об.
6. РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 54. Л. 623.
7. *Дзамихов К.Ф.* Указ. соч. С. 175–176; *Налоева Е.Д.* Указ. соч. С. 54–55; *Опрышко О.Л.* Указ. соч. С. 316–318.
8. РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 68. Л. 1105 об.
9. РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 68. Л. 1103 об.
10. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы. Т. 2: XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1957 г. (424 с.). С. 38 (№ 36).
11. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II Отделения Собств. Канц., 1830. Собрание I. Т. 6. С. 165 (№ 3545).
12. Там же. С. 810 (№ 4133).
13. *Рахаев Дж.Я.* С. 517–519.
14. РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 54. Л. 657.
15. РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Д. 63. Л. 542.
16. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726–1730 гг. / под ред. Н.Ф. Дубровина. Т. 1. Февраль-июль 1726 г. // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 55. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1886. С. 250.
17. *Налоева Е.Д.* Указ. соч. С. 59 (прим. 31).
18. *Рахаев Дж.Я.* Указ. соч. С. 197.
19. *Юдин П.Л.* В низовом корпусе // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 13. Владикавказ, 1915. С. 129–130 (прим. 3).
20. Протоколы, журналы... С. 250.
21. РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 54. Л. 658 об.
22. Протоколы, журналы... С. 250.
23. Протоколы, журналы... С. 250–251.
24. Кабардино-русские... С. 41 (№ 40).
25. Кавказ. Европейские дневники XIII–XVIII веков / сост. В. Аталиков. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. (303 с.). С. 119.
26. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 12. Д. 10. Л. 39.
27. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 12. Д. 10. Л. 37–38 об.; Материалы Екатерининской законодательной комиссии. Т. X // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 115. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1903. С. 479–480.
28. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 12. Д. 10. Л. 84; д. 19. Л. 652.
29. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 12. Д. 19. Л. 654.
30. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 71. Д. 1. Л. 28 об.
31. Материалы Екатерининской... Т. X. С. 479.
32. Материалы Екатерининской законодательной комиссии. Т. XII // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 134. СПб., 1911. (555 с.). С. 214.
33. Материалы Екатерининской... Т. X. С. 464.
34. Там же. С. 472.
35. *Налоева Е.Д.* Указ. соч. С. 60 (прим. 31).
36. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 124. Д. 27. Л. 167, 168.
37. *Опрышко О.Л.* Указ. соч. С. 369.

I.H. Tkhamokova

**NEW MATERIALS ABOUT LIFE OF THE MAJOR GENERAL
ELMURZA CHERKASSKY (BEKOVICH)**

In article the documents which are recently found in archives are investigated. It letters of the Kabardian prince Elmurza Cherkassky to Peter I's secretary and queen and answer to these letters. These are also documents on military service of the prince and on his death.

Keywords: Elmurza Cherkassky, Cossacks, Kabardians, Kizlyar, Peter I, North Caucasus, 18th century.

З.А. Кожев

СОЮЗНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И СРЕДСТВО ПОДДЕРЖАНИЯ ИЕРАРХИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ (на примере сюжетов из истории Кабарды XVIII в.)

Военно-политическое союзничество между этнополитическими единицами Северного Кавказа играло заметную роль во взаимоотношениях как с соседними государствами, так и в этносоциальных связях регионального уровня. Общность происхождения, династические связи, единство общеполитических целей и этносоциальных позиций связывали Кабарду устойчивыми горизонтальными связями с целым рядом субъектов региональной политики. Союзнические отношения Кабарды с другими черкесскими субэтнотами, чеченцами на протяжении всего XVIII в. являлись средством борьбы с внешними политическими противниками (Османской Турцией, Крымским ханством, Российской империей), а также эффективным инструментом по мобилизации сил социальных элит этих народов, для поддержания своего доминирующего положения на Северном Кавказе.

Ключевые слова: союзничество, внешнеполитический вызов, Кабарда, горизонтальные связи, Северный Кавказ, иерархические связи.

Дипломатические связи Кабарды и других этнополитических образований Северного Кавказа с соседними государствами (Русским государством, Османской империей, Крымским ханством) давно является темой специальных исследований в отечественном кавказоведении. Гораздо хуже изучены традиции военно-политического союзничества между этнополитическими единицами Северного Кавказа и той роли, которую они играли во взаимоотношениях, как с соседними государствами, так и в этносоциальных связях регионального уровня. Последние имели ярко выраженный иерархический характер. Однако сеньориально-вассальные отношения играли выдающуюся, но не исключительную роль в поддержании устойчивых связей Кабарды с другими народами Северного Кавказа. Общность происхождения и исторических судеб, близкое соседство, династические связи, единство общеполитических целей и задач связывали Кабарду устойчивыми горизонтальными связями с целым рядом субъектов региональной политики. Четкое распределение социальных ролей в сеньориально-вассальных отношениях между кабардинской аристократией и социальными элитами абазин, карачаево-балкарцев, части осетин и вайнахских субэтнотомов было возможно в силу действия ряда экономических и социально-политических факторов¹. В какой-то степени, опосредованно, действие этих факторов отражалось и на характере союзнических отношений между их субъектами.

Союзнические отношения Кабарды с другими черкесскими княжествами, а так же усилившейся в XVIII в. Чечней, складывались в целях ответа на внешнеполитические вызовы и разрешения проблем регионального уровня. Союзы возникали и распадались в зависимости от конкретных условий текущего момента, но наличие объективных социально-политических интересов субъектов отношений обуславливало стабильность стратегического партнерства.

Союзнические отношения можно разделить по характеру целей, преследовавшихся субъектами, при заключении союза, на две категории.

Во-первых, это союзы Кабарды с другими субэтническими единицами/княжествами Черкесии, направленные на поддержание господствующего положения в

крае черкесской княжеской аристократии. Подобная практика со стороны кабардинских, бесленеевских и кемиргоевских князей была продолжением политики их общего родоначальника Инала, сделавшего очень много для подчинения своей власти горцев Северного Кавказа. Так, по свидетельству Хан-Гирея, «...бесленейцы участвовали во всех завоеваниях или, лучше сказать, опустошениях, кабардинцами произведенных на северных областях Кавказа. Этому неоспоримым доказательством служит участь абазинцев, которую кабардинское оружие решало; часть этих абазинцев и поныне (в 30-х годах XIX в. – З.К.) состоит в подданстве бесленейских князей»². Кабардинцев и бесленеевцев помимо общих сословно-классовых интересов их князей связывало сознание этнической близости³. Более дальние кемиргоевцы и бжедуги в борьбе с усиливающимися южными соседями – абаздехами, искали союза с Кабардой⁴.

Союзы второго рода, как правило, объединяли более широкий круг народов, заключались для противодействия политической экспансии на Северный Кавказ третьих сил – Османской Турции, Крымского ханства, Российской империи – и заключались чаще всего в периоды максимального обострения внешнеполитической ситуации в крае. Недостаток сил в борьбе за самостоятельность и приоритет собственного влияния в регионе, объяснявшийся отчасти неразвитостью государственных институтов центральной власти и феодальной раздробленностью Кабарды, ее правящие круги стремились восполнить за счет привлечения материальных и людских ресурсов не только покоренных и вассально-зависимых этносов, но и других народов Северного Кавказа.

Кабардино-крымская война 1708 г. привела к резкому обострению их взаимоотношений с закубанскими черкесами. В составе османско-крымской армии, собранной ханом Каплан-Гиреем весной 1708 г. для наказания кабардинцев за смерть убитого ими крымского царевича Шахбаз-Гирея, находилось 5 тыс. кемиргоевцев⁵. В результате ночного сражения большая часть этой армии была истреблена кабардинцами на берегу р.Малки у горы Канжал⁶. Темиргоевцев вероятно постигла общая участь крымско-татарского войска. После этого, по свидетельству К. Главани, «...прочие области Черкесии обратились против Кабарды и стали на сторону Крыма»⁷.

Необходимо отметить, что первоначально в борьбе против Крымского ханства Большая Кабарда, как правило, выступала в полном одиночестве. Даже Малая Кабарда, по сообщениям самих кабардинцев, «...когда приходило на Большую Кабарду крымское и кубанское войско, с ними (жителями Большой Кабарды – З.К.) соединясь бою не чинили того ради, что они их боялись. А во время у Большой Кабарды с крымцами баталий давали... крымцам из Малой Кабарды поневоле провиант»⁸. Первый факт помощи малокабардинцев своим соотечественникам в XVIII в. относится лишь к 1731 г. По сообщению кабардинского посла в России Магомета Атажукина, «...когда 1731 г. осенью приходили войска крымские и кубанские на Большую Кабарду и сожгли оные в полях хлеб и сено Большой Кабарды... а до Малой Кабарды ничем не касались... после помянутого бою приходил на помощь из Малой Кабарды Тайшок-бек с несколько войском, которые соединясь с войском Большой Кабарды за кубанцами и за крымцами в погоню ездили»⁹. Джиляхстановский и Талостановский уделы Малой Кабарды были совершенно самостоятельными феодальными владениями, поэтому их политика нейтралитета, вполне объяснима.

Тем не менее, успехи Большой Кабарды в войнах с Крымским ханством оказывали большое влияние на политические позиции остальных черкесов. Сведения об этом содержатся в сообщении кабардинских владельцев Петру I о победе, одержанной в 1711 г. над крымским войском во время Кубанского похода: «На войска нурадина салтана, в котором было пятнадцать тысяч мы били боем и рубили саблями, в которой поход ходили на Кубань с братом нашим князем Александром

Бековичем... Народ черкеской здесь обретается около гор... и оных народов не допустили х кубанцам, в соединении с нами»¹⁰.

Разделение Большой Кабарды на две враждебные партии – баксанскую (Атажукинский и Мисостовский уделы) и кашкатавскую (Джамбулатовский удел) о чем кабардинские князья впервые сообщили Петру I в сентябре 1718 г. сильно подорвало политическое влияние Кабарды за Кубанью¹¹. В 1720 г. по свидетельству одного из владельцев Большой Кабарды, Асланбека Кайтукина, «...крымский хан с войски своими, а именно с кубанскими татарами и с некрасовскими казаками, також и з черкесами, *которые от нас отошли, то есть кемеркойскими и бесленейскими черкесами* соединясь неприятельски на нас напал (разрядка наша – З.К.)»¹². Оценка Асланбеком Кайтукиным действий кемиргоевцев и бесленеевцев ясно доказывает, что они находились в союзе с кабардинцами, до того как «отошли» от них под давлением крымцев.

Восстановление союзнических отношений между Большой Кабардой и соседними княжескими владениями Закубанской Черкесии относится уже к периоду к концу 20-х годов XVIII в. Разгром в 1729 г. в Кабарде Бахты-Гирея и активное участие кабардинцев на стороне России в русско-турецкой войне 1736–1739 г. способствовали признанию независимости Большой и Малой Кабарды, что естественным образом повлияло на рост политического авторитета ее феодальной верхушки на всем Северном Кавказе¹³. Судя по непрерывным жалобам, направлявшимся русскому правительству турецкими властями от лица крымского хана, кабардинцы всеми силами старались ограничить влияние последнего в Западной Черкесии¹⁴. Уже в 1744 г. кемиргоевцы оказали явное неповиновение кубанскому сераскиру, попытавшемуся насильно обложить данью кабардинских подданных, закубанских абазин – тапанта. Совместно с кабардинцами и абазинами кемиргоевцы дали сражение крымцам на р. Лабе, «..на котором бою убили со стороны сераскеровой Большого Нагаю мурзу Касая Сыртланова до со сто человек ногайцев»¹⁵.

Турция и Россия, выступавшие по условиям Белградского мирного договора гарантами независимости Большой и Малой Кабарды, стремились ограничить самостоятельность кабардинцев, так как любой пограничный конфликт с участием последних мог вылиться в новую русско-турецкую войну. В январе 1747 г. турецкое правительство заявило русскому послу в Константинополе, что «черкесы хану подлежащие от должного ему послушания... подговариваются... для пресечения того надлежит с обеих сторон от хана и со всероссийской кабардинским владельцам объявить велеть, что ежели они в покое не пребудут, и подданных ханских подговаривать, и кубанским татарам обиды причинять станут, то имеют быть наказаны неотменно, ибо несходно, дабы обоюдные империи от них что-либо претерпевали и обеспокоены были»¹⁶.

Вместе с тем, кабардинские владельцы далеко не всегда имели возможность проводить активную политику в Закубанье. Так, например, в мае 1761 г., когда в Большую Кабарду прибыли кемиргоевские посланцы с просьбой о помощи против крымцев, царские власти предупредили кабардинцев: «...Будущему на Кубань крымскому хану с войском для усмирения темиргойцов, никакого вспоможения им, темиргойцам не чинить и к ним нимало не приставать»¹⁷. В январе 1764 г. кемиргоевцы повторно прислали в Большую Кабарду «...людей своих с прошением помощи против... хана; ибо де хан требует с них сто двадцать ясырей и прочего, и когда... они кабардинцы дадут им помощь, то ни одного ясыря ему хану, они отдать не желают»¹⁸. Но под давлением российского правительства старший князь Большой Кабарды Касай Атажукин им отказал, «...объявля притом, что им кабардинцам, то воспрещено от российской стороны, и они никакой им помощи не дадут»¹⁹.

Строительство в 1763 г. Моздокской крепости и возникновение реальной угрозы потери независимости закономерно усилили объединительные процессы

в Кабарде. Политическое единство «...стало осознаваться как актуальная необходимость»²⁰. В январе 1764 г., декабре 1765 г., марте 1767 г. в Большой Кабарде состоялись полные собрания владельцев всех уделов²¹. Наряду с усилением объединительных тенденций в Большой Кабарде, наблюдалась общая активизация деятельности ее феодальной верхушки по установлению прочных политических союзов за пределами Кабарды. Летом 1764 г. кабардинские владельцы «...будучи за Кубаном при реке Инжике (Большой Зеленчук – З.К.), имели переговоры с темиргойцами, бесленейцами и нагайцами (кои жилищи свои имеют по реке Лабе) и между собою присягою утвердились, что когда посланной от них, кабардинцев, к высочайшему е.и.в. Двору владелец Кайтука Кайсимов, возвратятся с полезною им резолюциею, то они останутся на прежнем основании, а в противном случае общими бы силами во-первых учинить нападение на Моздок, и другие противности чинить»²².

Готовность части закубанских черкесов поддержать антироссийские выступления кабардинцев объясняется общностью их экономических интересов, которым угрожало усиление военно-политического присутствия России на Северном Кавказе. Кемиргоевцы, бесленевцы и «...прочие подобные им, живущие не в отдаленности от кабардинцев», содержали свои «...конские табуны и рогатую скотину под именем кабардинцев, по их дозволению», на зимних пастбищах Большой Кабарды, расположенных по рекам Калаус, Бийвала, Кума, Кура и Малка²³. Постройка же в 1763 г. крепости Моздок была первым шагом на пути ограничения землепользования кабардинцев и их союзников, что и вызвало такую негативную реакцию в Кабарде и Закубанской Черкесии.

Во время бурных политических событий последней трети XVIII в., ознаменовавшейся двумя русско-турецкими войнами (1768–1774 гг. и 1787–1791 гг.) и мощным, многолетним национально-освободительным движением горцев Северного Кавказа под предводительством шейха Мансура (1785–1791) особенно сильно возросла роль союзнических отношений в общественно-политической жизни Кабарды. В отличие от сеньориально-вассальных отношений, переживавших в условиях ограничения самостоятельности кабардинских князей острый кризис, союзничество стало использоваться последними как основной инструмент поддержания сложившейся на Северном Кавказе системы этносоциальных отношений и своего привилегированного положения в ней.

Основная угроза экономическому и политическому доминированию Кабарды в регионе со второй половины XVIII в. исходила со стороны Российской империи. В середине 1770 г. Атажукины и Мисостовы во главе с уалиипшием Большой Кабарды Касаем Атажукиным «...послали к кубанцам, ко всем кумским татарам и горским, как в Российском покровительстве, так и в независимости состоящим народам, *требовать от них депутатов на их собрание*. И когда все собрались, то рассуждали, каким образом удобнее беспокоивать российские границы в пользу туркам. Причем они крайне домогались и первую партию (Джамбулатовых – З.К.) склонить, чтоб она к ним присоединилась (разрядка наша – З.К.)»²⁴.

Когда в 1772 г., по подозрению в грабеже и разбоях на русской границе, кавказское начальство задержало 12 знатных князей и дворян Большой Кабарды, кабардинские владельцы для «возмущения» против России «...разных племен горских народов... отправили от себя посланцем Кильчуку Кайсинова в Малую Кабарду, в Чечню, в Аксаевскую, Андреевскую, Костюковскую деревни и в Тарки»²⁵.

19 мая 1773 г. «...кабардинцы, соединясь с закубанцами, бесленейцами, кумыками, темиргойцами и прочими народами собрались в числе 25000 человек по сю (северную – З.К.) сторону Малки не далее как в 30 верстах от Моздока»²⁶. Недостаток войск, занятых в боевых действиях против турок, заставил российское начальство пойти на уступки и освободить захваченных ранее заложников²⁷. Союзные ополчения были распущены, но впечатляет оперативность с которой кабардинцы мобилизовали столь крупные силы. Следует отметить, что несмотря на

участие летом 1774 г. кабардинцев, закубанских черкесов и чеченцев в неудачном походе крымского хана Девлет-Гирея на Моздок союз северокавказских народов, в центре которого стояла Большая Кабарда, имел совершенно самостоятельное значение и не зависел напрямую от военно-политической активности на Кавказе Османской Турции и Крымского ханства.

Уже после заключения Кучюк-Кайнарджийского мирного договора, по которому Большая и Малая Кабарда отошли к России, кабардинцы, недовольные постройкой на своей земле укреплений Азово-Моздокской кордонной линии, предприняли на них ряд нападений²⁸. Ранней весной началась семимесячная военная компания, целью которой было уничтожение крепостей кордонной линии²⁹. Кемиргоевцы и бесленеевцы в количестве 1500 человек совершили набег на Ставрополь, а чеченцы у Калиновской станицы Моздокского казачьего полка разграбили купеческий караван³⁰. Позднее, в июне 1779 г. «знатное подкрепление от закубанских черкесов, чеченцев и других горских народов» присоединилось к кабардинцам, осаждавшим крепость Марьинскую³¹.

Разбитые в нескольких сражениях кабардинцы и их союзники отступили. Жители Большой Кабарды 9 декабря 1779 г. присягнули на верность России и обязались «...с кубанцами вообще и с поколениями тамо обитающими порознь не... входить в совещания, ни в защищение их»³². Для затруднения беспрепятственного сообщения кабардинцев с закубанцами в 1780 г. на р.Подкумок была заложена новая крепость – Константиногорская³³. Кроме того с владельцев Малой Кабарды взяли клятву не помогать князьям Большой Кабарды, так как «...это берет на себя российское начальство»³⁴.

Относительная слабость военных сил России на Северном Кавказе не позволяла ей разрушить ставшие традиционными союзнические отношения кабардинцев с закубанскими черкесами и чеченцами. Наоборот они развивались в противовес усиливавшемуся политическому нажиму со стороны Российской империи. Так, например, кабардинская знать оперативно откликнулась на антиколониальную политическую деятельность шейха Мансура. Буквально через месяц после начала его религиозной проповеди, в апреле 1785 г., в резиденции Мансура – чеченском селении Алды появились кабардинские посланцы³⁵.

В период наивысших успехов нового религиозно-политического движения кабардинские князья неоднократно приглашали Мансура в свои владения³⁶. Шейх Мансур прекрасно понимал, насколько велик авторитет Кабарды на Северном Кавказе и намеревался использовать его, перенеся центр своего движения в Большую Кабарду. Зимой 1786 г. он послал к кабардинскому эфенди Исхаку Абукову письмо, предупреждающее кабардинцев о том, чтобы они готовились к большому собранию, которое должно было состояться в апреле на р.Баксан, при участии посланцев от различных мусульманских народов Северного Кавказа³⁷.

«К крайнему своему неудовольствию – указывал кавказский генерал-губернатор П.С. Потемкин в специальном Листе, посланном к кабардинским владельцам, узденям и народу в марте 1786 г., – получаю я донесения о том, что многие из кабардинцев отваживаются посылать своих людей в Чечню и иметь сношения с назвавшимся шихом Мансуром. Другие же кабардинцы укрывают у себя приезжающих из-за Кубани народов и сами сообщаются с последними... Сим даю знать всем кабардинцам вообще и каждому особо, дабы пресеклось всякое кабардинцев сношение как с чеченцами, так и закубанцами»³⁸.

Намечавшееся в Большой Кабарде представительное собрание народов Северного Кавказа не состоялось, но примечательна сама попытка создания широкого политического союза народов Северного Кавказа, при самом активном участии кабардинской феодальной верхушки.

Зато союз с чеченцами позволил малокабардинскому князю Долу Ахлову, одному из самых последовательных сторонников шейха Мансура, добиться покорности

от ингушей. В феврале 1786 г. шейх Мансур предпринял поход на реку Мартан, для приведения их в магометанский закон, а летом того же года ингушские старшины доносили П.С. Потемкину, что они вынуждены были покориться и дать аманатов Долу Ахлову³⁹. Таким образом, кабардинцы-мусульмане рассматривались чеченцами как естественные союзники в борьбе против христианской России и язычников ингушей. Этническая близость с последними был для чеченцев фактором менее существенный, чем единство общеполитических целей социальных элит Кабарды и Чечни.

Даже формальное примирение кабардинцев с Россией и разгром ими летом 1787 г. одного из чеченских отрядов, возвращавшегося из набега на русскую границу с добычей и пленными, не привел к окончательному разрыву с чеченцами⁴⁰. На их упреки «...за сей поступок..., нарушающий долг единоверия и правила Корана, кабардинцы отвечали, что они в необходимости на то покусились» и обещали в случае, если российское начальство не освободит плененных при этом горцев, захватить русского офицера и передать его для размена чеченцам⁴¹. С началом русско-турецкой войны 1787–1791 гг. в октябре 1787 г. во время закубанского похода кабардинцам пришлось скрестить оружие с бесленеевцами⁴². «В сем предприятии, – как справедливо полагал ген.-аншеф Теккели, – скрывалось одно то, чтоб под видом услуги своей России, вновь обязать древних данников своих за Кубанью обитающих к зависимости, которую они низлагали уже по занятию кабардинцев в домашних делах, и по запрещению от российского начальства делать явные подвиги за Кубанью»⁴³.

Кабардинцы покорили «горских бесленейских князей с их подвластными черкесами 1500 дворов», но не желая обострять с ними отношения «...князья и уздени по сродству за бесленейцов вручили и дали кабардинцы от себя двору (российскому правительству – З.К.)... под присягою за их печатями письменное обязательство, чтоб бесленейцы после сего впредь никогда противу России в военное и в мирное время противиться не могли»⁴⁴. Бесленеевцы, как и чеченцы, были стратегическими союзниками феодальной знати Кабарды и по этой причине кабардинцы старались минимизировать политические последствия вынужденного военного столкновения с ними.

В целом союзнические отношения можно рассматривать как особую форму горизонтальных связей между политически самостоятельными северо-кавказскими этносоциальными образованиями. Подобно иерархическим сеньориально-вассальным отношениям, связывавшим кабардинскую знать с социальными верхами ближайших соседей Кабарды, союзнические отношения являлись формой реализации экономического и политического могущества кабардинской аристократии и ее гегемонистских притязаний. Наиболее ярко их выразил знаменитый кабардинский князь Асланбек Кайтукин, прозванный Великим, который имел обыкновение говорить: «Между этими двумя морями (Каспийским и Черным) и одному князю тесно»⁴⁵.

Союзнические отношения кабардинцев с аристократическими адыгскими субэтносами Закубанья и чеченцами на протяжении всего XVIII в. являлись не только средством борьбы с внешними политическими противниками (Османской Турцией, Крымским ханством, Российской империей), но и достаточно эффективным институтом по мобилизации сил социальных элит этих народов, для поддержания своего господствующего положения в крае. Феодальная аристократия Кабарды при этом выступала в качестве ведущей объединительной силы.

Примечания

1. Кожев З.А. Социально-политическое и этнокультурное пространство Черкесии (XVI – нач. XIX в.): принципы самоорганизации. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. С. 19–92.

2. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 164.
3. Кабардино-русские отношения XVI–XVIII в. / Документы и материалы в 2-х томах. М., 1957. Т. 2. С. 140–141.
4. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. М., 1989. Т. 3. Ч. 1. С. 77–80.
5. Туганов Р.Х. Страницы прошлого. Нальчик, 1989. С. 127–128.
- По разным данным численность крымской армии оценивалась современниками в 35–95 тыс. человек. (См. Аталиков В.М. Страницы истории. Нальчик, 1987. С. 140; Сокуров В.Н. Из истории взаимоотношений Кабарды и Крыма в конце XVII – нач. XVIII вв. // Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1975. Вып. 10. С. 37.).
6. Сокуров В.Н. Из истории взаимоотношений Кабарды и Крыма в конце XVII – нач. XVIII вв. // Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1975. Вып. 10. С. 38–39.
7. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX в. (Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова). АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 159.
8. КРО. Т. 2. С. 60.
9. Там же. С. 58.
10. Там же. С. 9.
11. Сокуров В.Н. Кабардинские грамоты XVI–XVIII вв. // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1981. С. 192.
12. КРО. Т. 2. С. 24.
13. АКБНИИ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 8. С. 448–449.
14. КРО. Т. 2. С. 135–137, 156.
15. Там же. С. 129.
16. Там же. С. 136–137.
17. Там же. С. 214.
18. Там же. С. 228.
19. Там же.
20. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в. Нальчик, 1994. С. 270.
21. КРО. Т. 2. С. 227, 253–254, 263.
22. Там же. С. 235.
23. Там же. С. 326.
24. КРО. Т. 2. С. 296.
25. Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией. Тифлис, 1868. Т. 1. АКАК. С. 86.
- Аксай, Эндери, Костек – Феодальные владения северного Дагестана.
- Тарки – столица Шамхальства Тарковского, одного из крупнейших государственных объединений Дагестана.
26. АКАК. Т. 1. С. 86.
27. Там же.
28. Учреждение в 1777 г. Кавказской пограничной линии и постройка на кабардинских землях новых крепостей – Екатериноградской (на р. Куре), Марьинской (на р. Золке), Георгиевской (на р. Подкумок), Александровской (на р. Томузловка) – стали причиной вооруженных выступлений кабардинцев и их союзников. Бесленевцы и темиргоевцы собрали в 1777 г. в помощь кабардинцам 800 всадников, но отказ кабардинского «черного народа» принять участие в нападении на строящиеся укрепления сорвал планы владельцев Большой Кабарды (см. КРО. Т. 2. С. 324; Бутков П.Г. Материалы... Ч. 2. С. 52).
29. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1–2. СПб., 1869. Ч. 2. С. 52.
30. Там же.
31. Там же. С. 54.
32. Там же. С. 59–60.
33. Там же. С. 48.
34. Там же. С. 61.
35. ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 5. Л. 8.
36. Там же. Ч. 9. Л. 137–137 об.
37. Там же. Д. 366. Ч. 1. Л. 76.
38. Там же. Ч. 2. Л. 18.

39. Там же. Ч. 2. Л. 31; Там же. Ч. 3. Л. 35.
40. *Бутков П.Г.* Материалы... Ч. 2. С. 207.
41. Там же.
42. КРО. Т. 2. С. 369.
43. *Бутков П.Г.* Материалы... Ч. 2. С. 205.
44. КРО. Т. 2. С. 369.
45. *Хан-Гирей.* Черкесские предания. Нальчик, 1989. С. 275.

Z.A. Kozhev

**ALLIED RELATIONS AS A FACTOR OF FOREIGN POLICY
AND A MEANS OF MAINTAINING HIERARCHICAL RELATIONS
(on the example of stories from the history of Kabarda in the 18th century)**

The military-political alliance between the ethnopolitical units of the North Caucasus played an important role in relations, both with neighboring states, and in ethno-social ties of the regional level. The common origin, dynastic ties, the unity of general political goals and ethnosocial positions connected Kabarda with stable horizontal ties with a number of subjects of regional policy. Allied relations of Kabarda with other Circassian sub-ethnoses and Chechens throughout the XVIII century. (Ottoman Turkey, Crimean Khanate, Russian Empire), as well as an effective institution for mobilizing the forces of the social elites of these peoples, to maintain their dominant position in the North Caucasus.

Keywords: alliance, foreign policy challenge, Kabarda, horizontal links, North Caucasus, hierarchical links.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

УДК 94(470.64)

А.И. Тетуев

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ (1990-е – НАЧАЛО XXI в.)

В статье комплексно исследуются основные тенденции и особенности социально-экономического развития субъектов Северо-Кавказского региона в период системной трансформации российского общества. Особое внимание уделяется выявлению основных факторов, приведших к возникновению этнополитической напряженности в Кабардино-Балкарии.

Ключевые слова: экономика, промышленность, сельское хозяйство, социальная сфера, зарплата, денежные доходы, безработица, уровень бедности, преступность, этнополитические процессы.

Состояние экономического положения и уровень жизни населения оказывают существенное влияние на развитие ситуации в сфере межнациональных отношений. Поэтому анализ обстановки в регионе в ходе проводимых в стране реформ крайне важен, а ее влияние на социально-экономическую составляющую общества необходимо для понимания, как региональных конфликтов, так и возникающих трудностей во взаимоотношениях федерального Центра с регионами. Основным фактором, формирующим этнополитическую напряженность в Кабардино-Балкарии, является низкий уровень социально-экономического развития. Его влияние на общественно-политическую жизнь региона приобретает сегодня особую актуальность, имеет не только научное, но и практическое значение.

Разрушение единого, складывающегося десятилетиями народнохозяйственного комплекса резко усугубило кризис во всех новых независимых государствах, в том числе и в Российской Федерации. В январе 1992 г. в России был сделан первый шаг на пути к рыночной экономике. Были освобождены цены на большинство товаров и услуг, упразднена в основном централизованно-фондовая система распределения ресурсов.

С конца 1992 г. началась приватизация госсобственности. Первый этап приватизации проводился на основе ваучеров. В деревне происходило преобразование колхозов в производственные паевые товарищества¹.

Тем временем экономический кризис, отчасти неизбежный при структурной перестройке народного хозяйства, углублялся. Остановка многих крупных предприятий, особенно в первой половине 1990-х гг., распад многих трудовых коллективов, вели к разобщению граждан, этнических общностей, их самоизоляции, поиску новых мест для выживания. Наиболее остро это ощущалось в промышленных и культурных центрах Северного Кавказа.

Экономика республик Северного Кавказа обладает в основном аграрной структурой. Но каждая из них в 1970–1980-е гг. развивала ту или иную

индустриальную специализацию. В Кабардино-Балкарии – это цветная металлургия (Тырныаузский комбинат). Наряду с этим в республике располагались машиностроительные предприятия различной мощности, а также предприятия пищевой, легкой и деревообрабатывающей отраслей промышленности.

Следует отметить, что при постепенном угасании предприятий индустриальной специализации в республике, особенно предприятий машиностроения и отраслей ВПК, продолжали функционировать перерабатывающие предприятия, работающие на местном сырье, пищевого, деревообрабатывающего профиля, строительных материалов. Поэтому процесс трансформации промышленного сектора экономики в республике следует рассматривать именно по ситуации в этих отраслях.

В них так же, как и в сельском хозяйстве, можно отметить четко просматривающиеся этапы: разукрупнение предприятий, их банкротство, приватизацию и репрофилирование – тенденции, знакомые по другим регионам страны. Однако следует уточнить: в сложившихся традиционных индустриальных районах этот процесс происходит параллельно с сохранением части предприятий и открытием новых, ориентированных на другие технологии. В республике закрывающиеся предприятия не имели перспективы воссоздания. Так, в Нальчике в 1998 г. были ликвидированы заводы телемеханической аппаратуры, искусственных кож, которые поставляли продукцию в разные регионы России. В республике отмечалось низкое использование (на 1/3) производственных мощностей сохранившихся предприятий.

Индустриальный сектор сжимался за счет расширения сферы торговли и услуг. Например, в Кабардино-Балкарской Республике за время реформ численность малых предприятий на конец 2014 г. достигла 4,3 тыс. В частном секторе в КБР работает около 62,7% занятого населения, что составляет 191,7 тыс. человек².

Кабардино-Балкария пока является дотационным регионом. Тем не менее, в республике предпринимаются меры, в том числе и с использованием собственных ресурсов, по оживлению экономики, возрождению и развитию национальных культур.

В этих целях в 1990-х гг. осуществлялись федеральные целевые программы: «Социально-экономическое развития «Юг России», «Развитие Северного Кавказа», «Стратегия развития Северного Кавказа до 2025 г.» Как видно из таблицы № 1, произведенный валовой региональный продукт в расчете на душу населения в субъектах Северо-Кавказского федерального округа существенно ниже, чем в среднем по России. При этом заметна внутрирегиональная дифференциация: если в 2000 г. ВРП в расчете на одного человека в Ставропольском крае составлял 49% от среднероссийского показателя, в 2014 г. он снизился и составил 47%, то в республиках этот показатель соответственно составил: в Дагестане 21% и 44%, Северной Осетии-Алании – 30% и 44%, Кабардино-Балкарии- 40% и 34%, Карачаево-Черкесии – 31% и 36% , Ингушетии и Чечне не достигал 30% от уровня РФ.

Таблица № 1

Важнейшие экономические показатели на душу населения по субъектам Северо-Кавказского федерального округа, в сравнении с показателями по России³

Субъекты РФ	Субъекты РФ	Валовой региональный продукт ¹		Розничный товароборот	
		2000	2014	2000	2014
Дагестан	Дагестан	0,21	0,44	0,34	0,94
Ингушетия	Ингушетия	0,17	0,28	0,18	0,23
Кабардино-Балкария	Кабардино-Балкария	0,40	0,34	0,45	0,64
Карачаево-Черкесия	Карачаево-Черкесия	0,31	0,36	0,47	0,43
Северная Осетия	Северная Осетия	0,30	0,44	0,57	0,73

Чеченская Республика	Чеченская Республика	–	0,25		0,50
Ставропольский край	Ставропольский край	0,49	0,47	0,67	0,91
РФ в среднем	РФ в среднем	1,00	1,00	1,00	1,00

Примечания:

¹ Все экономические показатели рассчитаны на душу населения (на 1 чел.) для каждого субъекта РФ и соотнесены с соответствующим средним показателем по России, принятым за 1.

Анализ таблицы № 1 видно, что в 2014 г. по сравнению с 2000 г. розничный товарооборот по всем субъектам округа несколько повысился, но он ниже, чем в среднем по России.

Уровень промышленного развития Северо-Кавказского федерального округа Кавказа заметно ниже, чем в среднем по Российской Федерации. Показатель производства промышленной продукции в расчете на душу населения в Карачаево-Черкесии достигает только 30–40% от среднероссийского уровня РФ. Около 25% от российского уровня составляет производство промышленной продукции на одного жителя в Кабардино-Балкарской Республике. По сравнению с 1997 г. в 2003 г. уровень промышленного развития заметно повысился. Так, в Кабардино-Балкарии, этот показатель составил от 100% до 163%.

Необходимо отметить, что Северокавказский регион остается важным производителем сельскохозяйственной продукции. Здесь сельское хозяйство ориентировано на выращивание зерновых и масличных плодовоовощных культур, производство животноводческой продукции. Производство сельскохозяйственной продукции за 2014 г. (по сравнению с 2000 г.), практически по всем республикам Северокавказского региона имеет тенденцию к росту (см. табл. № 2).

Данный показатель выше среднего уровня по Российской Федерации, Это объясняется тем, что в производстве сельскохозяйственной продукции региона значительную роль играют личные подсобные хозяйства населения, на долю которых приходится около 70% производства всей сельскохозяйственной продукции.

Таблица № 2

Показатели производства продукции сельского населения на душу населения в субъектах Северо-Кавказского федерального округа, в сравнении с показателями по России⁴

Субъект РФ	2000	2014
Российская Федерация	1,0	1,0
Дагестан	1,0	1,0
Ингушетия	0,1	0,4
Кабардино-Балкария	1,0	1,3
Карачаево-Черкесия	0,4	1,7
Северная Осетия	0,36	1,2
Чеченская Республика	–	0,4
Ставропольский край	2,5	1,8

Анализ таблицы № 2 показывает, что как и в 2000 г., показатель производства продукции сельского хозяйства на душу населения выше среднероссийского уровня в большинстве субъектов Северного Кавказа. В Кабардино-Балкарии этот показатель выше среднероссийского уровня на – 1,3 раза.

Стабилизирующее значение на экономику Кабардино-Балкарии оказал прирост продукции в пищевом комплексе, где за счет высоких темпов роста продукции, в пищевой индустрии, занимающей 29% в структуре промышленного комплекса республики, обеспечен общий рост.

Средняя заработная плата по всем субъектам Северного Кавказа в 2000 г. была ниже среднероссийских показателей. В 2014 г. по сравнению с 2000 г. средняя зарплата повысилась почти в 2 раза, но тем не менее она ниже среднероссийской зарплаты (см. табл. № 3).

Соотношение средней зарплаты к прожиточному минимуму также во всех субъектах округа ниже, чем в среднем по России, как в 2000 г., так и в 2014 г.

Таблица № 3

**Покупательная способность средней зарплаты и наличие
дорогостоящего имущества в субъектах Северо-Кавказского округа**
[Регионы России 2006: 140, 164; Регионы России 2015: 200, 230, 252]

Субъект РФ	Средняя номинальная начисленная зарплата работников организаций, руб.		Прожиточный минимум трудоспособного нас.		Обеспеченность автомобилями (штук на 1000)	
	2000	2014	2004 1 кв.	2014	2005	2014
Российская Федерация	2223,4	32495	2690	8885	168,4	283,3
Дагестан	878,7	18194	2047	7770	54,3	164,5
Ингушетия	1243,6	20993	2367	7609	67,3	159,5
Кабардино-Балкария	1180,0	20323	1975	7791	111,5	217,5
Карачаево-Черкесия	1130,9	19746	2179	7825	130,5	215,2
Северная Осетия	1166,7	20311	2013	7739	140,7	258,7
Чеченская Республика	881,8	21452	2645	7471	48,3	144,2
Ставропольский край	1438	22597	2441	7603	173,5	269,2

При учете обеспеченности автомобилями на 1000 чел. этот показатель во всех субъектах округа в 2014 г. ниже, чем среднероссийский.

К подобному выводу подводит официальная статистика денежных доходов населения и их соотношения с прожиточным минимумом: отставание субъектов Северо-Кавказского федерального округа и здесь очевидно (см. табл. № 4). Однако эти усредненные цифры, во-первых, не учитывают доходы от теневого бизнеса, а, во-вторых, затушевывают проблему сильного расслоения доходов населения. Коэффициент расслоения (соотношение доходов беднейших и самых богатых групп населения) в большинстве регионов очень высок, а поэтому уровень бедности соседствует с высокими доходами, как и всюду в стране.

Таблица № 4

**Денежные доходы населения
Северо-Кавказского федерального округа⁵**

	Годы	РФ	КБР	КЧР
Среднедушевой денежный доход, руб.	2005	8080	4190	4084
	2010	18958	11290	10878
	2014	27766	16619	16081
Среднедушевой прожиточный минимум в месяц, руб.	2005	3060	2231	2347
	2010	5902	4726	4894
	2014	8234	7357	7339
Соотношение денежного дохода и прожиточного минимума, %	2005	268	227,1	220,8
	2010	333,3	318,1	247,7
	2014	344,9	286,9	275,1

Анализ динамики денежных доходов населения за 2000–2014 гг. (см. табл. № 4) показывает, что данные среднедушевого денежного дохода по Кабардино-

Балкарии продолжали оставаться ниже уровня по Российской Федерации. Северный Кавказ по уровню социального, экономического развития и уровню жизни населения в целом уступает другим экономическим районам России. Причем уровень жизни в республиках ниже, чем в территориальных образованиях. Низкий уровень доходов не компенсируется низкой стоимостью «прожиточной корзины».

Экономическая ситуация в регионе осложнялась неблагоприятной обстановкой на рынке труда, где сложился колоссальный разрыв между спросом и предложением рабочей силы, а избыточные трудовые ресурсы не находили необходимых сфер занятости (см. табл. № 5). Отчасти это связано с остановкой или неполной загрузкой предприятий.

Таблица № 5

Занятость и рынок труда в Северо-Кавказском федеральном округе⁶

Субъект РФ	Численность официально зарегистрированных безработных, тыс. чел.		Уровень безработицы в % от активного населения, %		Доля безработных, получающих пособие, %		Коэффициент напряженности на рынке труда, чел. на 1 место ^{**}	
	2000	2014	2000	2014	2000	2014	2000	2014
Дагестан	48,2	26,5	5,0	2,0	72,2	94,0	35,9	39,7
Ингушетия	7,5	30,5	8,5	14,4	94,72	72,1	526,4	238,3
Кабардино-Балкария	7,5	8,4	1,9	1,9	72,5	87,0	19,3	2,6
Карачаево-Черкесия	1,8	4,1	0,9	1,8	88,9	85,4	4,4	3,0
Северная Осетия	5,7	9,0	1,7	2,7	89,5	77,8	4,8	3,7
Чеченская Республика ¹	321,0	99,5	88	15,7	–	61,7	–	32,5
Ставропольский край	9,3	15,5	0,7	1,1	9,4	86,5	0,9	0,9
РФ	1037,0	883,3	1,4	1,2	87,7	82,0	1,6	0,7

Примечание: * все данные на конец декабря;

** Коэффициент напряженности на рынке труда = численность незанятых трудовой деятельностью граждан, состоящих на учете в службе занятости, в расчете на 1 заявленную вакансию.

¹ Стат. данные за 2000 по Чеченской Республике отсутствуют.

Численность зарегистрированных безработных в 2000–2014 гг. значительно превышала среднероссийские показатели. На конец 2014 г. безработица в Кабардино-Балкарии составляла 8,4 тыс. человек при среднем по Российской Федерации показателе 1037,0 тыс.

Коэффициент напряженности на рынке труда в расчете на 1 заявленную вакансию в 2014 г. приходилось в Ингушетии – 238,3 человек, Дагестане – 39,7, Чеченской Республике – 32,5. В Кабардино-Балкарии этот показатель составил 2 человека на одно рабочее место – 2 (см. табл. № 5).

Без принятия необходимых мер безработица может стать источником высочайшей социальной напряженности с соответствующим обострением криминальной обстановки, межэтнических отношений, усилением влияния экстремистских политических группировок, ориентированных на формирование этнорелигиозных государственных образований вне Российской Федерации.

Обострению социальной обстановки на Северном Кавказе способствует и возросшая преступность. Специфика проблемы в том, что в ряде случаев в 90-е годы XX в. на волне легитимизации национальных движений к их руководству пришли криминальные силы. Наряду с этим в этой сфере действовали почти бесконтрольно

криминальный капитал, породивший феномен «спиртовой войны», осуществлялись крупномасштабные террористические акты.

В период с 2005 по 2014 гг. показатель числа преступлений снизился по всем северокавказским республикам, тогда как в среднем по России было отмечено его повышение (см. табл. № 8).

Таблица № 6

Уровень преступности в Северо-Кавказском федеральном округе⁷

Субъект РФ	Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. жителей		
	2005	2010	2014
Дагестан	511	403	464
Ингушетия	391	466	354
Кабардино-Балкария	1065	1084	917
Карачаево-Черкесия	1394	916	729
Северная Осетия	968	987	848
Чеченская Республика	595	363	258
Ставропольский край	1752	1299	1197
Россия (в среднем)	2477	1840	14999

Вместе с тем преступления, связанные с незаконным оборотом оружия в 2015 г. относительно среднероссийского показателя в субъектах СКФО выросли в 2,2 раза, в том числе Кабардино-Балкарии – 2,4.

Основные социальные показатели на Северном Кавказе в целом почти вдвое ниже среднестатистических. Если среднедушевой денежный доход в Российской Федерации в 2005 г. в месяц составлял 8080 руб., то в Кабардино-Балкарии он составил 4190 руб. В 2014 г. этот показатель был ниже среднероссийских показателей в Кабардино-Балкарии в 1,6⁸.

Во всех субъектах исследуемого региона доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения региона в 2000 г. 1,5–2 раза был выше, чем в среднем по Российской Федерации, а заработная плата была ниже в 15–20 раз (см. табл. № 7).

Таблица № 7

Уровень бедности (доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения региона) в %⁹

Субъект РФ	2000	2005	2010	2014
Дагестан	65,6	24,6	8,8	10,1
Ингушетия	97,2	55,2	22,1	24,9
Кабардино-Балкария	50,2	23,8	15,7	18,5
Карачаево-Черкесия	61,6	27,7	17,7	19,5
Северная Осетия	31,3	17	10,5	12,1
Чеченская Республика	–	–	–	14,2
Ставропольский край	43,6	24,9	18,5	11,6
Российская Федерация	28,9	17,8	12,5	11,2

Примечание: Стат. данные за 2000–2010 гг. по Чеченской Республике отсутствуют.

Анализ № 7 показывает, что в 2014 г. уровень бедности населения во всех субъектах региона снизился в несколько раз, но тем не менее он выше среднероссийских, в том числе в Кабардино-Балкарии –1,6 раза.

Финансовое положение субъектов Северного Кавказа в целом оставалось неустойчивым, поскольку бюджеты отдельных субъектов федерации дефицитны, так как их собственные доходы были ниже необходимых расходов (см. табл. № 8).

**Доходы и расходы территориальных бюджетов
Северо-Кавказского федерального округа¹⁰**

Субъекты РФ	Доходы бюджета субъекта РФ а душу населения (руб.)		Расходы бюджета субъекта РФ на душу населения (руб.)		Дефицит (-), профицит (+) бюджета на душу населения	
	2003	2014	2003	2014	2003	2014
РФ в целом	7392,8	60960,1	13763,8	54024,0	-631,1	-3063,9
Дагестан	3378,0	30196,8	1599,0	31059,7	3221	-862,9
Ингушетия	4495,0	53378,8	1608,6	53010,6	-4113,6	368,2
Кабардино-Балкария	3849,0	32691,8	6389,0	35016,2	-2540	-2324,4
Карачаево-Черкесия	2848,1	39626,2	8203,0	44269,3	-5354,9	-4643,1
Северная Осетия	3675,8	35871,8	8987,4	38391,8	-5311,6	-2520
Чеченская Республика	490	52827,9	9088,0	52827,9	-9083,1	
Ставропольский край	2783,1	33595,0	6953,0	35373,8	4169,9	-1778,8

Анализ таблицы № 8 показывает, что доходы по России в среднем в 2003 г. составляли 7392,8 руб., в субъектах СКФО этот показатель находился в рамках от 490 руб. до 4495,0 руб. (наибольший показатель). Расходы по региону были также ниже среднероссийских. Доходная часть бюджета не покрывала расходы, причем, если в среднем по России дефицит составлял 631,1 руб. на душу населения, то в Кабардино-Балкарии этот показатель составил 2540 руб. В субъектах округа дефицит бюджета был почти в 8 раз выше, чем по России.

Отсюда – высокая зависимость от финансирования из федерального бюджета. С 1994 г. субъектам Российской Федерации производят специальные финансовые отчисления (трансферты) из федерального Фонда финансовой поддержки регионам (ФФПР). Среди 22 субъектов Российской Федерации, потребность которых в трансфертах составляет от 70 до 95% их бюджетных расходов, находятся 19 национально-территориальных образований, в том числе республики Северного Кавказа. При этом на среднестатистического россиянина в 2012 году пришлось всего 2,8 тысячи рублей федеральных дотаций – это в четыре раза меньше, чем на одного жителя Ингушетии. Наибольший объем дотаций на душу населения в 2013 г. в субъектах СКФО приходится на Ингушетию (17,5 тыс. рублей в год на человека). За ней следуют Дагестан (12,3 тыс.), Чечня (11,4 тыс.), Карачаево-Черкесия (11,7 тыс.), Северная Осетия (9,5 тыс.), Кабардино-Балкария (7,5 тыс.), Ставропольский край в 3,5 тысячи рублей федеральных дотаций в год¹¹.

Несмотря на дифференциацию доли трансфертных платежей в бюджетах регионов СКФО, нельзя не признать их положительную роль в преодолении дефицитности этих бюджетов, в увеличении доходных статей. С учетом трансфертов из ФФПР состояние бюджетов субъектов округа (в среднудушном исчислении) отличалось в лучшую сторону по сравнению с общероссийской ситуацией. Так, по итогам 2014 г. был дефицит бюджета в Дагестане, Ингушетии, Северной Осетии-Алании, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Ставропольский край), причем в меньших размерах, чем в целом по Российской Федерации. Бюджет Чеченской республики с учетом трансфертных доходов, был выполнен полностью¹².

Тем не менее несмотря на предпринимаемые меры, почти половина субъектов РФ (41 регион) завершила 2015 г. с дефицитом более 10%, при этом в 14 регионах объём госдолга превысил сумму собственных доходов, что прямо запрещено Бюджетным кодексом¹³.

Таким образом, главным фактором развития экономики Кабардино-Балкарии могут быть лишь внутренние ресурсы. Для мобилизации этих ресурсов необходимо способствовать развитию в регионе малого бизнеса, дающего быструю отдачу

от вложений, внутрирегиональной интеграции, привлечению внебюджетных источников финансирования.

В целях обеспечения наибольшей занятости населения необходимо предусмотреть в региональном бюджете средства на софинансирование развития традиционных отраслей сельскохозяйственного производства. Вместе с тем сложившаяся этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии диктует необходимость концентрации усилий исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления на проведение комплексной и системной работы, направленной на повышение экономического, социального и культурного развития республики. При этом следует обеспечить развитие регионального рынка труда, создание новых рабочих мест в результате размещения новых производственных объектов, увеличение потребности предприятий в кадрах, повышение уровня заработной платы и активизации жилищного строительства.

Примечания

1. *Медведев П.А.* Капитализм в России? М., 1998. С. 82.
2. Социально-экономические показатели. 2015: Ст. сб. / Росстат. М., 2015–1266 с. С. 134–139, 556.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005: Ст. сб. / Росстат. М., 2006. 982 с. С. 513, 347, 686; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Ст. сб. / Росстат. М., 2015. 1266 с. С. 478, 850.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005: Ст. сб. / Росстат. М., 2006. 982 с. С. 513; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Ст. сб. / Росстат. М., 2015. 1266 с. С. 478, 850; Социально-экономическое положение Северо-Кавказского федерального округа в 2015: Ст. сб. / Росстат. М., 2015. 84 с.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: Ст. сб. / Росстат. М., 2007. 981 с. С. 157, 176; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Ст. сб. / Росстат. М., 2015. 1266 с. С. 198, 200, 228, 230.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: Ст. сб. / Росстат. М., 2007. 981 с. С. 126, 133, 236; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Ст. сб. / Росстат. М., 2015. 1266 с. С. 76, 82, 158, 164.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Ст. сб. / Росстат. М., 2015. 1266 с. С. 456.
8. Социально-экономическое положение Северо-Кавказского федерального округа в 2015: Ст. сб. / Росстат. М., 2015. 84 с. С. 70; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: Ст. сб. / Росстат. М., 2007. 981 с. С. 157, 176; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Ст. сб. / Росстат. М., 2015. 1266 с. С. 198, 200, 228, 230.
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: Ст. сб. / Росстат. М., 2007. 981 с. С. 178; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005: Ст. сб. / Росстат. М., 2006. 982 с. С. 140, 164; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Ст. сб. / Росстат. М., 2015. 1266 с. С. 234.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: Ст. сб. / Росстат. М., 2007. 981 с. С. 56, 157, 826, 836; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Ст. сб. / Росстат. М., 2015. 266 с. С. 37, 198, 1025, 1038.
11. Анализ межбюджетных трансфертов в 2011–2013 гг. // Электронный ресурс: www.protown.ru/information/ (дата обращения: 14.07.2016); *Голикова Т.А.* Доклад Председателя Счетной палаты Российской Федерации в Государственной Думе РФ с отчетом о работе контрольного органа в 2015 году // Электронный ресурс: www.ach.gov.ru/about/ (дата обращения: 14.07.2016).
12. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Ст. сб. / Росстат. М., 2015. 1266 с. С. 37, 198, 1025, 1038.
13. *Голикова Т.А.* Доклад Председателя Счетной палаты Российской Федерации в Государственной Думе РФ с отчетом о работе контрольного органа в 2015 году // Электронный ресурс: www.ach.gov.ru/about/ (дата обращения: 14.07.2016).

A.I. Tetuev

**SOCIO-ECONOMIC FACTORS
ENSURING STABILITY IN KABARDINO-BALKARIA
(1990^{IES} THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY)**

The main trends and features of the socio-economic development of the North Caucasus region in the period of systemic transformation of Russian society are comprehensively investigated in the article. It is noted that the regions on the level of living standards, social and economic development in general are inferior to other regions of Russia. Particular attention is given to identifying the main factors that led to the emergence of ethno-political tension in Kabardino-Balkaria.

Keywords: economics, industry, agriculture, social services, wages, money incomes, unemployment, poverty rate, crime, ethnic and political processes.

Р.Г. Ошроев

**ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ,
ВЛИЯЮЩИЕ НА ПРОЯВЛЕНИЕ ЭКСТРЕМИЗМА
В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ**

Статья посвящена одной из злободневных проблем современной Кабардино-Балкарии в свете ее общественного восприятия. Исследуются внутренние и внешние факторы, влияющие на проявление экстремизма в молодежной среде. Утверждается неправомерность подмены системного подхода к решению связанных с экстремизмом проблем признанием взаимодействия определенного набора факторов и условий его проявления, который требует надлежащего реагирования в русле рациональной активизации и мобилизации необходимых государственных ресурсов.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария, современное общество, молодежь, экстремизм, общественное мнение.

Если начать с того, в каких условиях современная Кабардино-Балкария осваивает новые модели политического, экономического, социального и культурного развития, то относительно опыта развития Северного Кавказа последних трех десятилетий существует мнение, согласно которому идущие здесь «процессы определялись до настоящего времени формами стихийного приспособления местного населения к условиям государственного распада и экономического кризиса и активностью внешних сил в большей степени, чем целенаправленной и долгосрочной политикой российского государства»¹.

Мировая практика свидетельствует, что в условиях социальных потрясений и катаклизмов, каковыми явились конец 80-х – 90-х гг. XX в., интерес к своим корням (традициям, обычаям, этнической истории), к религии, приобретает ярко выраженный характер, что является своего рода защитной реакцией. Вполне закономерно, что изначально общественно-политические организации, которые быстрыми темпами стали создаваться на всем постсоветском пространстве, ставили в своих программных документах в качестве основополагающих такие задачи, которые соответствовали потребностям основной массы населения в условиях системного кризиса. В этот круг вошло возрождение обычаев, традиций, языка, религии. Со временем, на фоне постепенного выхода из кризиса переходного времени, одни общественные организации «захлебнулись» в силу снижения потребности населения следовать их программам, другие были ликвидированы с использованием административных ресурсов на волне их политизации, когда их лидеры помимо своей основной деятельности стали использовать этничность в качестве инструмента достижения конъюнктурных задач. По времени это совпало со второй половиной 90-х годов XX в.²

Словом, этничность, которая с рубежа 80-х – 90-х годов XX в. стала доминирующим источником удовлетворения идентификационных потребностей стала терять свою привлекательность в силу изменившихся условий и факторов. К этому времени населению еще не были предложены привлекательные по своей природе цементирующие самые различные категории граждан общегосударственные идеологические лозунги, которые помимо всего прочего способствовали бы удовлетворению идентификационных потребностей как отдельной личности, так

и общества в целом. Выражение о том, что этничность и религиозность связаны между собой как сообщающиеся сосуды нашло свое яркое подтверждение в том формате, в котором снижение в одном влекло за собой повышение в другом. В условиях относительного «затухания» силы этнической мобилизации определенная часть населения стала находить ориентиры в религии, рядом объективных условий и факторов. Это и состояние социальной депривации и фрустрации, порожденное нереализованными обещаниями как общегосударственного и регионального масштабов, так и на уровне общественно-политических организаций, массовая безработица, трудоизбыточность региона, а также повышение влияния внешних сил, которые в целом стали формировать и укреплять протестные настроения в среде самых различных категорий населения. Апатия и инертность внушительной массы общества дополнились социальной аномией и социальной энтропией. Последнее проявилось не просто как мера неупорядоченности, расстройств современного общества, но и как мера несоответствия его состояния принятым целевым установкам.

Наиболее остро данные процессы отразились на молодом поколении: резко обострилась проблема занятости; ухудшились материально-бытовое положение и доступ к образованию; произошла кардинальная трансформация духовных и нравственных ценностей, что проявилось в усилении криминализации, различных форм девиантного поведения (алкоголизм, наркомания, проституция и т.п.). Словом, формирование первого поколения новой Кабардино-Балкарии прошло в основном в условиях негативной социально-экономической и общественно-политической ситуации 90-х гг. XX в., что создало соответствующие предпосылки для маргинализации значительной части молодежи, девиации ее поведения, включая экстремизм. Не случайно, что на сегодняшний день представители экспертного сообщества единодушны в том, что распространение экстремизма и терроризма в Кабардино-Балкарии стало одной из насущных и злободневных проблем современности.

Еще в 2002 г. профессор КБГУ Е.Х. Апажева в своей работе «Молодежь как фактор стабилизации или нормализации межэтнических отношений на Северном Кавказе» указала на тенденции сохранения межэтнической напряженности. В своей работе она предупреждала о расползании политического и религиозного экстремизма, противодействующие позитивным тенденциям, препятствующие развитию институтов гражданского общества в регионе, общим демократическим тенденциям³.

В настоящее время специалисты отмечают, что уровень насилия, его проявления становятся все еще более жестокими и профессиональными. Особое место в этом ряду занимает экстремистское поведение молодежи, связанное с совершением действий насильственного характера по различным мотивам. Именно этому возрастному сегменту общества в большей степени свойственны установки максимализма и подражания, подогреваемой характерной чертой местного социума – агональностью⁴, что в условиях социокультурного кризиса повышает угрозы и риски деструктивной социализации молодежи.

Достаточно категоричными представляются взгляды известного кавказоведа А.А. Ярлыкапова относительно факторов экстремизма и терроризма в Дагестане, которые, можно полагать, имеют место и в других республиках Северного Кавказа. В своей работе «Ислам на Кавказе и его влияние на конфликтность в регионе и России» он пишет, что «молодые люди на своих плечах испытывают практически все пороки общества, особенно чудовищную по масштабам коррупцию. Завершение обучения в школе и сдача экзаменов сопровождается взятками, которые затем сопровождают молодого человека в годы обучения в вузе: немалые деньги нужны при поступлении в вуз, а затем каждый зачет и экзамен также имеют свою цену. Окончание обучения и последующее поступление на

работу также требуют денег. Молодой человек, даже поступив на работу, понимает, что, во-первых, если кто-то даст взятку больше, чем он, его пребывание на этом месте может закончиться увольнением, а во-вторых, сынки богатых и влиятельных людей уже заняли все более-менее престижные ниши. Ему, даже если он талантлив и потрясающе работоспособен, крайне трудно выбиться в люди»⁵. Аналогичный взгляд на проблему позволил О.М. Цветкову сформулировать тезис о том, что «нерешенность актуальных социальных проблем – коррупция, безработица, слабые социальные гарантии и др. – вновь и вновь будут воспроизводить локальные варианты мусульманского «диссидентства», стремящегося уйти из-под жесткой опеки «официального» традиционного ислама»⁶. Конечно, – пишет кавказовед В. Бобровников, – нужно принимать в расчет криминализацию общества. Вместе с тем, следует учитывать и то, что политика просто надоела обывателям (в том числе и мусульманам), о чем говорят хотя бы пустующие избирательные урны на выборах⁷.

Этнолог и антрополог В.А. Тишков разделяет и расширяет представления экспертов по вопросу о том, что в силу слабой политической активности населения, вызванной как социальной апатией, так и непривлекательностью для большинства программ и идеологии основных политических партий, протестный потенциал молодежи проявился в КБР в распространении религиозного экстремизма (вплоть до вооруженного выступления – событий октября 2005 г. в Нальчике). При этом он делает оговорку: «Факторы и причины событий октября 2005 года разнообразны, но определенная связь их с экономической, социальной и идеологическими сферами имеется»⁸.

Для дополнительного подтверждения взглядов отмеченных и других солидарных с ними признанных экспертов научного сообщества на факторы экстремизма сошлемся на статистику. В 2010 г. материалы переписи населения показали численность молодежи Кабардино-Балкарии в возрасте от 15 до 29 лет в количестве 227898 чел. От общего количества в возрасте от 20 до 29 лет (161190 чел.), только 91031 чел. были заняты трудовой деятельностью, в т.ч. по совместительству⁹. Эти цифры были еще менее оптимистичными в 1990-х годах, ознаменовавшихся временем исламского возрождения и проявлением идей исламского фундаментализма со спорадической тенденцией его перехода в радикализм. На сегодняшний день состояние и перспективы решения этой проблемы оставляют желать лучшего.

Следует отметить, что взгляды экспертов на факторы и условия перехода исламского фундаментализма в радикализм совпадают с представлениями самой молодежи Кабардино-Балкарии и Северного Кавказа в целом, среди которой за последние годы неоднократно проводились замеры общественного мнения. В мае-апреле 2012 года по заказу International Business & Technical Consultants Inc (IBTSI) были проведены исследования в пяти северокавказских республиках (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Ингушетия, Дагестан, Чечня). Всего было опрошено 1500 респондентов (от 18 лет и старше) – по 300 человек в каждой республике. Выявилось, что основные причины напряженности население по-прежнему связывает с экономическими проблемами. На вопрос о том, «что больше всего угрожает стабильности в республике», большинство опрошенных называли социально-экономические факторы: рост социального расслоения, безработицу, экономический кризис, а не политические проблемы. Распространение терроризма как угроза дестабилизации заняло в среднем по региону лишь пятую позицию»¹⁰.

Результаты другого социологического исследования, проведенного осенью 2011 г. Центром прикладных социологических исследований Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону) совместно с Кабардино-Балкарским государственным университетом (г. Нальчик), по проблемам экстремизма в

Кабардино-Балкарской Республике оказались неутешительными. В качестве методики исследования был использован массовый опрос молодежи в различных районах Кабардино-Балкарской Республики (студентов, учащихся старших классов, работающей и временно не работающей молодежи). Всего было опрошено 8439 человек, 41,2% из которых (3480) – юноши, 59,8% (5450) – девушки. Основные результаты исследования, обнародованные Г.С. Денисовой¹¹, показали, что при четко негативном отношении к любым формам насилия подавляющего большинства молодежи (от 87% до 94% по разным формам) респонденты не воспринимают участников бандформирований однозначно как представителей каких-либо политических течений. Доминирующие оценки их лежат в двух плоскостях: экономической и идеологической. Почти 41% респондентов отметил в мотивации их деятельности прагматически-экономический интерес, то есть разбойные действия представителей бандформирований расцениваются как способ заработка (эту точку зрения разделили больше старшие возрастные группы молодежи). Почти столько же – около 43% – охарактеризовали представителей бандформирований как людей отчаявшихся, заблудившихся, загнанных в угол обстоятельствами. Только 14,6% респондентов их расценили как сознательных политических преступников, еще 4,4% охарактеризовали их в качестве сознательных политических борцов за утверждение социальной справедливости. Отметим, что опрос студенческой молодежи в Дагестане дал схожий результат: «Религиозный экстремизм и терроризм – это ответная реакция обездоленных слоев общества на социально-экономические условия, приведшие их к массовому обнищанию. Это движение молодежи, не занятой трудом, которая не может найти свое место в жизни, не может самореализоваться»¹².

Говоря о причинах и факторах экстремизма Г.С. Денисова заявляет, что ответственность за сбой в организации и обеспечении эффективного функционирования экономики Кабардино-Балкарии, ее политических и социальных институтов лежит на республиканских органах власти. Это, по ее мнению, проявляется в нарушении принципа социальной справедливости, что вызывает падение доверия молодежи к республиканским органам власти и местному самоуправлению и, как следствие, социальную дезориентированность молодежи. Данный вывод совпадает с экспертной точкой зрения: «Проявление неэффективности деятельности органов республиканской власти в сочетании с коррупционной составляющей, а также клановостью накапливает взрывоопасный потенциал, который проявляется в форме исламского экстремизма». И далее эксперты отмечают, что кадровым ресурсом экстремистских структур выступают лица от 17 до 35 лет, как правило, нетрудоустроенные, из малообеспеченных семей. В этом контексте обратим внимание на интерпретацию молодежью причин, по которым молодые люди «уходят в лес». Доминирующими причинами и в этом случае, по мнению респондентов, выступают общая социальная дезориентированность (22%) и разочарованность в жизни (34,2%), влияние криминальных структур (20,2%)¹³.

Около трети молодежи (а по мере взросления – еще меньше) видит в деятельности радикально настроенных представителей исламского фундаментализма нацеленность на реализацию политического проекта, в частности, формирование исламского государства, что декларируется идеологами террора на Северном Кавказе; и в качестве средства – отделения от Российской Федерации. Потенциальная группа молодежи, которая рассматривает для себя возможность пополнить ряды террористов и экстремистов, составляет до 8%. Для представителей этой подгруппы данный выбор – вопрос убеждений и проявление протестного потенциала по отношению к существующей социально-экономической политике. Низкий уровень доверия к республиканским органам власти и республиканским правоохранительным органам, утверждает Г.С. Денисова, блокирует участие молодежи в своевременном выявлении и устранении деятельности

экстремистов. Две трети молодежи даже при негативном отношении к терроризму из-за различных социальных страхов, которые им вызываются, не желают сотрудничать с правоохранительными органами в сфере противодействия терроризму¹⁴.

Исследование, проведенное по схожей тематике в 2014 г. в рамках реализации социально значимого проекта¹⁵, выявило траекторию трансформации общественного мнения по вопросам, связанным с факторами и условиями радикализации молодежи, расширило и углубило имевшиеся представления относительно проблем и перспектив преодоления экстремизма в современном обществе на примере Кабардино-Балкарии.

Результаты исследования показали, что в основе условий и факторов экстремизма в современной Кабардино-Балкарии лежит такой набор тесно переплетенных между собой составляющих, как кризис идентичности; фрустрация и социальная депривация; тенденции в трансформации населения по имущественному признаку в направлении «бедные беднеют, а богатые богатеют», сопутствующим фактором которых служит деловая и бытовая коррупция и малоэффективность антикоррупционных и антиэкстремистских программ; отсутствие цементирующей поликультурное общество полноценно функционирующей идеологии; влияние внешних сил; доминирование силовых способов решения проблем в борьбе не с причинами, а со следствиями; специфика их информационного сопровождения, формирующего в сознании населения не только Северного Кавказа, но и России в целом такого стереотипа, который неоправданно позволяет видеть в лице молящего мусульманина кавказца, или же просто кавказца с бородой, а то и без бороды, потенциального экстремиста; отсутствие эффективной государственной программы по молодежной политике; существенное расхождение между декларируемыми задачами и характером их решения в рамках различных программ по профилактике экстремизма.

Между тем комплексное решение вопросов профилактики экстремизма затрудняется стереотипами как массового, так и экспертного сознания. Одни всю ответственность по профилактике экстремизма и терроризма перекалывают на плечи семьи, другие на школу, третьи на институты гражданского общества. Во-первых, если говорить о семье и школе, сильно преувеличена сила их общего воздействия на сознание молодежи по формированию нетерпимого отношения к экстремизму. В частности, об этом свидетельствует очевидная разница в степени выраженности проявлений экстремизма и терроризма в различных районах Республики. Предполагать, что это вызвано существенной разницей в семейном или школьном воспитании и образовании в этих районах нет оснований¹⁶. Во-вторых, если говорить об институтах гражданского общества, то их слабая вовлеченность в решение проблем профилактики и противодействия экстремизму отражает общее состояние местных этно-социумов¹⁷.

Мировая практика показывает, что борьба с экстремизмом не может быть успешной, если в ней будут доминировать силовые способы без надлежащего объединения усилий всех заинтересованных инстанций, «без пропаганды убедительных обоснованных принципов равенства прав человека, независимо от его национальности и религиозной принадлежности, провозглашаемых в документах ООН»¹⁸. Еще в 2008 г. О.М. Цветков писал, что «Ситуация в северокавказском исламе такова, что вероятность отпадения от «традиционного ислама» («традиционных» мечетей и учителей) групп населения высока. А их силовое подавление способно радикализовать настроения в этой среде и спровоцировать экстремизм. Представляется, – констатировал он, – что этим альтернативным исламским группам должна быть предоставлена возможность выражать свои взгляды, формулировать видение проблем и излагать программы. Спротивление Центра распространению политического ислама в республиках может быть

воспринято мусульманским населением как борьба с самим исламом и стимулировать всевозможные экстремистские настроения и действия»¹⁹.

Следует отметить, что доминирование силового противодействия экстремизму в Кабардино-Балкарии и на Северном Кавказе в целом по времени совпало с активизацией внешних и внутренних сил в условиях подготовки и проведения зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 г. и к настоящему времени в общественном сознании потребность в безопасности постепенно уходит на второй план при отсутствии кардинальных сдвигов в решении социально-экономических проблем.

Если говорить о перспективах развития Кабардино-Балкарии в свете создания не согласующихся с экстремизмом факторов и условий, то она не может находиться в стороне от генеральных тенденций общемирового развития, связанных с формированием и укреплением демократических институтов, гражданского общества, бумом курортно-рекреационной сферы²⁰ и с повышением значимости сферы услуг в целом. Сбои навстречу этим тенденциям в условиях эскалации экстремизма и терроризма в республике привели к тому, что она вынужденно застопорилась на рельсах той парадигмы общественного развития, именуемого «традиционным обществом» с доминированием аграрной сферы экономического развития. Не случайно, что в 2012 Кабардино-Балкария заняла второе место, а в следующем – 2013 – первое по объему производства продукции сельского хозяйства среди республик Северного Кавказа²¹. Между тем, «неестественное» для генеральных тенденций мирового развития повышение роли аграрного сектора в системе общереспубликанских внутренних источников дохода одновременно стало сопровождаться увеличением удельного веса людей (в основном молодежи), желающих заниматься сельским хозяйством в формате среднего бизнеса, с вытекающими отсюда последствиями по обострению социальных, внутриэтнических противоречий в отдельных населенных пунктах за право получения земельных угодий вне зависимости от наличия или же отсутствия для этого необходимых ресурсов. В одном из таких мероприятий прозвучали слова-напоминания о том, что «социальная несправедливость в обществе, незанятость молодежи и отсутствие перспектив для нее» стали одной из причин событий 13 октября. Во избежание подобных трагедий здесь же прозвучали слова о необходимости решать проблемы занятости, трудоустройства, учитывать интересы молодежи²².

Если говорить о среднесрочных прогнозах развития Кабардино-Балкарии, то имеющийся на сегодняшний день потенциал экстремизма в зеркале общественного мнения республики не представляет угрозы выхода за рамки регулируемости. Тем не менее, в условиях отсутствия сведений о снижении влияния внешних деструктивных сил на Северный Кавказ в целом, если даже и есть все основания говорить о перспективе сохранения относительного затишья в одном из его уголков – Кабардино-Балкарии, отсутствие здесь ощутимых большинством молодежи республики результатов решения социально экономических и других вопросов может давать о себе знать. И здесь обращает на себя внимание точка зрения профессора А.С. Арутюнова на то, что перспективы устойчивого развития Республики и Северного Кавказа в целом, «будут зависеть не столько от качества местных социальных и политических сил, сколько от качества федерального, кремлевского руководства»²³. По мнению А.Х. Борова проблема заключается в том «готово ли государство задействовать ресурсы, достаточные для эффективного направляющего воздействия на идущие в нем социальные процессы и для нейтрализации давления извне. Речь не может идти просто о финансовых средствах и их количественной достаточности. Важно мобилизовать весь набор необходимых ресурсов – политических, административных, финансово-экономических, культурно-идеологических – в соответствии с характером

задач и внешних вызовов. А построение эффективной системы их использования само по себе должно рассматриваться в качестве одного из основных ресурсов государственной политики»²⁴.

Общие результаты проведенного исследования дают понимание того, что пришло время отказаться от механицистской модели осмысления проблем экстремизма в Кабардино-Балкарии, на Северном Кавказе и в России в целом, которая главным образом покоится на признании наличия определенного набора факторов и условий его проявления. «Следует понимать, отмечает А.Х. Боров, что не существует отдельных решений для экономических, этнодемографических и культурных проблем, – они не просто взаимосвязаны, они взаимообусловлены. Здесь требуется долгосрочная, целенаправленная и последовательная политика комплексной региональной модернизации. По сути дела, речь идет о создании условий, необходимых для того, чтобы основные общественные процессы в регионе получили центростремительную и модернизационную направленность»²⁵.

Примечания

1. *Боров А.Х.* Национальная стратегия многонациональной России: северокавказский срез // Северный Кавказ: проблемы и политика. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://valerytishkov.ru/engine/documents/document1180.pdf>

2. См.: *Ошироев Р.Г.* Проблема межкультурного диалога в контексте специфики динамики развития глобального, регионального и локального обществ // Межэтнический и межконфессиональный диалог как консолидирующая основа общества в борьбе против глобальных угроз терроризма и экстремизма. Астрахань, 2013. С. 86.

3. *Апажеева Е.Х.* Молодежь как фактор стабилизации или нормализации межэтнических отношений на Северном Кавказе. Владикавказ, 2002. С. 34 – 36.

4. Агональное общество – это общество, в котором стремление к состязаниям почти во всех сферах жизни является главным принципом, структурообразующим и смыслоопределяющим элементом жизни.

5. *Ярлыкапов А.А.* Ислам на Кавказе и его влияние на конфликтность в регионе и России // Сравнительная политика. 2013. № 3(13). С. 138.

6. *Цветков О.М.* Распространение политического ислама на Северном Кавказе и пути стабильности // Северный Кавказ: профилактика конфликтов. М., 2008. С. 110.

7. *Бобровников В.О.* Этнография ислама на Кавказе // Этнографическое обозрение. 2006. № 2.

8. Молодежь в полиэтничных регионах Северо-Кавказского федерального округа. Экспертный доклад под общей редакцией академика В.А. Тишкова. Москва–Пятигорск–Ставрополь, 2014. С. 42.

9. Население КБР // Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Нальчик, 2013. Т. 1. С. 8.

10. Социологи: жители Северного Кавказа опасаются безработицы и последствий социального расслоения больше, чем терроризма. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/219264/>

11. *Денисова Г.С.* Молодежь Кабардино-Балкарии о причинах и факторах терроризма // КиберЛенинка – Научная электронная библиотека: сайт. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-kabardino-balkarii-o-prichinah-i-faktorah-terrorizma> (дата обращения: 15.01.2015).

12. Там же.

13. Цит. по: *Денисова Г.С.* Молодежь Кабардино-Балкарии о причинах и факторах терроризма // КиберЛенинка – Научная электронная библиотека: сайт. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-kabardino-balkarii-o-prichinah-i-faktorah-terrorizma> (дата обращения: 15.01.2015); Межэтнические и межконфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе. Экспертный доклад / под ред. В.А. Тишкова, И.И. Степанова. Москва–Ставрополь, 2013.

14. См.: Там же.

15. Грант № 182 «Гражданское достоинство». «Защита прав человека и совершенствование институтов гражданского общества как средство предотвращения экстремизма в Кабардино-Балкарской Республике». Москва–Нальчик, 2014 г.

16. *Ошроев Р.Г.* Профилактика и противодействие экстремизму в современном российском обществе как научная проблема (на примере Кабардино-Балкарии) // *Кавказология*. № 3. 2017. С. 183. URL статьи: http://www.kbsu.ru/zhurnaly/zhurnal-kavkazologiya/kavkazologiya-2017-3_soderzhanie/kavkazologiya_2017_3_oshroev-r-g-profilaktika-i-protivodejstvie-ekstremizmu-v-sovremennom-rossijskom-obshhestve-kak-nauchnaya-problema-na-primere-kabardino-balkarii/

17. *Цветков О.М.* Распространение политического ислама на Северном Кавказе и пути стабильности // *Северный Кавказ: профилактика конфликтов*. М., 2008. С. 101–110.

18. *Дзидзоев В.Д., Левченко Н.Н.* Сепаратизм, терроризм и экстремизм на Северном Кавказе: политико-правовой анализ. Владикавказ, 2008. С. 241.

19. *Цветков О.М.* Распространение политического ислама на Северном Кавказе и пути стабильности // *Северный Кавказ: профилактика конфликтов*. М., 2008. С. 111–112.

20. Значимость этой сферы в развитии экономики республики проходила «красной нитью» через всю «Стратегию развития Кабардино-Балкарской Республики до 2022 года», которая была принята постановлением Правительства КБР от 24.07.2007 № 181-ПП. Для иллюстрации значимости курортно-рекреационной сферы приведем отрывок из вводной части этой стратегии. «Альтернатива «КБР – центр туризма и рекреации» предусматривает форсированное развитие туристско-рекреационного комплекса. Такой подход к решению социально-экономических проблем региона возможен и является перспективным с учетом растущего во всем мире спроса на активный отдых, спортивный, экологический и познавательный туризм». «Анализ отраслевых тенденций в мире, соответствия им сложившейся структуры экономики республики, очевидное недоиспользование природно-климатических и ресурсных особенностей региона позволяют сделать вывод, что ускоренное и устойчивое социально-экономическое развитие региона может быть обеспечено за счет таких перспективных направлений деятельности на территории республики, как: производство продуктов глубокой переработки сельскохозяйственного сырья (с ориентацией на экспорт продуктов премиум-сегмента), спортивно-оздоровительный туризм, высокотехнологичное производство строительных материалов. В рамках разработки Стратегии рассматривались три альтернативы развития экономики Кабардино-Балкарии: «Инерционное развитие», «КБР – центр рекреации и туризма», «КБР – центр здоровья и эффективного природопользования». **Наиболее перспективной была признана альтернатива «КБР – центр здоровья и эффективного природопользования».** Именно в ней с максимально возможной полнотой раскрывается одна из главных составляющих социально-экономического потенциала республики – ее природно-экологическое богатство, самый ценный ресурс в глобализирующемся, индустриально развивающемся мире (выделено нами – *Р.О.*). Общеэкономический, отраслевой анализ и соответствующие расчеты показывают, что реализация соответствующей стратегии позволит к 2022 году увеличить валовый региональный продукт в 4 раза (до 141 млрд. рублей); сократить безработицу с 25% до 6%; повысить обеспеченность регионального бюджета собственными доходами с 22,6% до 69%; увеличить среднюю заработную плату более чем в 4 раза, с 4 до 17 тыс. рублей в современных ценах // Стратегия развития Кабардино-Балкарской Республики до 2022 года <http://www.russianeconomy.ru/Investors/Document.aspx?ID=100&docType=ProgramStrategy®ionID=39>

21. <http://economykbr.ru/info/8434/>; http://skfo.ru/news/2013/07/09/KBR_stremitsya_k_liderstvu_po_proizvodstvu_selhozprodukcii_sredi_subektov_SKFO/

22. В Кабардино-Балкарии жители селения Дейское провели сход с требованием передать им земельные наделы // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/251320/>

23. Северный Кавказ: профилактика конфликтов. М., 2008. С. 174.

24. *Боров А.Х.* Национальная стратегия многонациональной России: северокавказский срез // Северный Кавказ: проблемы и политика / <http://valerytishkov.ru/engine/documents/document1180.pdf>.

25. Там же.

R.G. Oshroev

**FACTORS AND CONDITIONS
AFFECTING ON THE MANIFESTATION OF EXTREMISM
IN THE YOUTH ENVIRONMENT OF THE KABARDINO-BALKARIA**

The article is devoted to one of the burning issues of modern Kabardino-Balkaria in the light of its public perception. The internal and external factors influencing the manifestation of extremism in the youth environment are investigated. The illegitimate substitution of a systemic approach to the solution of extremist problems is recognized as recognition of the interaction of a certain set of factors and the conditions for its manifestation, which requires an appropriate response in the context of rational activation and mobilization of the necessary public resources.

Keywords: Kabardino-Balkaria, modern society, youth, extremism, public opinion.

А.Н. Такова

**МУСУЛЬМАНСКОЕ ДУХОВЕНСТВО
ПОСТСОВЕТСКОЙ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ:
СТАНОВЛЕНИЕ, ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ,
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ**

Предметом исследования выступает мусульманское духовенство как отдельная социальная группа постсоветского кабардино-балкарского общества. Анализируется количественный и качественный состав данной группы в период от конца советского периода по настоящее время. Выявляются факторы оказавшие влияние на формирование данной социальной группы.

Ключевые слова: мусульманское духовенство, кабардино-балкарское общество, религиозный конфликт, религиозное образование, требоисполнение.

Мусульманское духовенство представляет собой социальную группу постсоветской Кабардино-Балкарии, анализ количественного и качественного состава которой, роли и места в общественной жизни является важным аспектом при изучении религиозных процессов, происходивших в республике в целом.

Для лучшего понимания особенностей современного состояния данной социальной группы, необходимо рассмотреть ее место и роль в кабардино-балкарском обществе к исходу советской эпохи. В этот период мусульманское духовенство представляло собой социальную группу, перманентно присутствовавшую в жизни социума. Согласно архивным данным, к концу 80-х гг. XX в. в республике требоисполнением по мусульманскому культу занималось порядка 150 человек, из которых официально зарегистрированных имамов было около 70¹. В каждом населенном пункте Кабардино-Балкарии, в котором проживали этнические мусульмане, в обязательном порядке имелся человек, относившийся к рассматриваемой социальной группе. Ввиду этого в республике, к концу советской эпохи, несмотря на десятилетиями проводившуюся атеистическую работу, ни один случай похорон или заключения брака не обходился без совершения соответствующих религиозных ритуалов, а также, соответственно, и «...активного участия служителей культа»².

Сфера деятельности представителей мусульманского духовенства ограничивалась в данный период в основном рамками формального требоисполнения и была направлена преимущественно на проведение определенных ритуалов, приуроченных к тем или иным событиям жизненного цикла – похороны, свадьба, ряд основных праздников.

Основную часть представителей мусульманского духовенства Кабардино-Балкарии к этому времени составляли лица, не обладавшие специальной подготовкой. Довольное яркое определение уровню их религиозных знаний дал исследователь А.Х. Мукожев, отметивший, что «...читать и писать по-арабски и, особенно, толковать Коран умели единицы, а готовящиеся в частном порядке муллы получали минимальные знания по обслуживанию похорон и поминок, оформлению брака, совершению намаза, причем необходимые для отправления культа суры Корана заучивались ими наизусть и нередко толковались произвольно. Зачастую служители культа пользовались текстами молитв, написанными на русской графике»³.

Подобное состояние кадрового состава представителей мусульманского духовенства было, прежде всего, связано с ограниченными возможностями для получения религиозного образования, существовавшими в советский период. Так, с 1946 г. на весь СССР функционировало лишь два медресе – в Бухаре и Ташкенте, дававшие среднее религиозное образование, причем второе работало весьма нестабильно. Бухарское медресе было рассчитано на обучение 60 мутаалимов⁴. Первым представителям советской Кабардино-Балкарии – трем молодым людям, в числе которых был и будущий муфтий республики – Ш. Пшихачев, только в 1978 г. удалось отправиться туда на учебу⁵. С 1971 г. начал функционировать Исламский институт им. Имама аль-Бухари в Ташкенте. Это было единственное учебное заведение в СССР, дававшее высшее исламское религиозное образование. Кроме того, активно проводившаяся в течение всего советского периода атеистическая работа, способствовала культивированию в социуме восприятия представителей духовенства, да и активно верующих людей, как социально чуждых социалистическому обществу «элементов». В их отношении даже в конце 80-х гг. XX в. практиковались «мягкие» формы дискриминации в виде общественного порицания и высмеивания. Реакцией общества на подобную дискриминацию являлось утверждение религиозного индифферентизма, ввиду чего глубокое постижение религии было не востребовавшимся. Таким образом, отсутствие внутренних потребностей к глубокому постижению религии способствовало формализации деятельности представителей духовенства, что сводило к минимуму их стремление к повышению уровня образования и практической подготовленности.

Следствием отсутствия у подавляющего большинства представителей мусульманского духовенства советской Кабардино-Балкарии специального образования являлось вольное толкование ими религиозных предписаний, которое нередко приводило к искажению их сути. Трансляция данных искажений в среду верующих, в свою очередь, способствовала формированию так называемой «народной» формы ислама. В ней религиозные традиции тесно переплетались с национальными, приобретая порой довольно оригинальные черты. Так, например, бытовавшую в республике практику отправления погребальных обрядов муфтий Духовного управления мусульман Северного Кавказа М. Геккиев в 1986 г. назвал «...выдумками местных эфенди и мулл»⁶. Однако, в то же время, мусульманское духовенство в советский период оказалось социальной группой, внесшей значительный вклад в дело сохранения основ религиозных традиций народов республики в атеистических условиях.

Конец 80 – начало 90-х гг. XX в. являлся переломным этапом в истории страны в целом. Он привел к кардинальным переменам в отношении к религии, как в общественном сознании, так и в сфере государственной политики. На смену насаждавшемуся атеизму пришла политика свободы совести и вероисповедания. В связи с этим вполне оправданным является закрепление за данным периодом названия – религиозное возрождение. Характерными признаками религиозного возрождения в Кабардино-Балкарии стал бурный всплеск религиозной активности населения, и, прежде всего, молодежи, массовое строительство мечетей, регистрация общин, формирование системы религиозного образования и просвещения. В ряду ярких признаков религиозного возрождения также стоит изменение роли и места в обществе представителей мусульманского духовенства. Если в советский период их роль в основном сводилась к формальному требоисполнению, то теперь, на волне религиозного подъема, четко обозначился социальный заказ на профессиональных богословов и религиозных лидеров. Однако, к началу 90-х гг. XX в. представителей данной социальной группы, способных на подобном уровне удовлетворять растущие духовные потребности общества, в республике фактически не было.

Решение проблемы острого дефицита профессиональных кадров мусульманского духовенства являлось одной из первоочередных задач в деятельности

созданного в 1989 г. Духовного управления мусульман Кабардино-Балкарии (далее – ДУМ КБР). Осуществлялось оно как посредством внутренних, так и внешних ресурсов. Так, в республике в начале 90-х гг. XX в. стали массово открываться многочисленные представительства иностранных духовных миссий и фондов, занимавшиеся, наряду с прочими направлениями деятельности, духовным образованием и просвещением. На постоянной основе в Нальчике действовали представительства международной благотворительной организации «Спасение» (Саудовская Аравия), международной организации «ал-Игаса» (Саудовская Аравия), Всемирной ассамблеи исламской молодежи «ан-Надва», исламской благотворительной организации «Исламик Релиф», отделение Международной исламской организации «Дагуат» (Саудовская Аравия), учебно-компьютерно-лингвистический центр «Минарет» и др. Одним из главных направлений деятельности данных организаций являлось создание разного рода образовательных площадок, рассчитанных, в основном, на широкий круг заинтересованных лиц. Однако, некоторые из них, занимались подготовкой профессиональных кадров мусульманского духовенства и повышением квалификации действующих имамов. К примеру, в 1992 г. при финансовой поддержке организации «Спасение» в столице республики был открыт Шариатский институт – первое высшее образовательное исламское учреждение КБР, позже, в 1994 г. переименованный в институт арабского языка⁷. Первые два года обучение студентов и содержание института осуществлялось за счет средств той же организации⁸. В 1997 г. на основе данного учебного заведения начал функционировать подведомственный ДУМ КБР Исламский институт.

Также в республике в начале 90-х гг. XX в. периодически открывались разного рода курсы, проводились летние образовательные лагеря, проходили семинары, с лекциями и краткосрочными образовательными программами. Кабардино-Балкарию посещали многочисленные специалисты из-за границы. Подобного рода деятельность фиксировалась и контролировалась весьма условно, в связи с чем, на сегодняшний день, восстановить полную ее картину не представляется возможным.

Деятельность иностранных миссий и фондов до сих пор не может быть оценена однозначно. Несомненен их вклад в дело повышения образовательного уровня представителей мусульманского духовенства КБР. Но, в то же время, данные организации осуществляли свою деятельность без учета особенностей местных религиозных традиций, в связи с чем, нередко, предлагаемая ими трактовка ислама существенно отличалась от бытовавшей в республике его «народной» формы. Таким образом, деятельность иностранных миссий и фондов, стала одним из проводников в республику идей нетрадиционного ислама.

В начале 90-х гг. XX в., наибольшие надежды на решение проблемы обеспечения республики собственными образованными кадрами мусульманского духовенства возлагались на внешние ресурсы. С 1991 г. ДУМ стало последовательно осуществлять целевую отправку перспективных молодых людей на учебу в иностранные религиозные образовательные учреждения. Так, в 1991 г. первые группы молодых людей из Кабардино-Балкарии были отправлены на учебу в Сирию. В 1994–1995 гг., по данным Н.М. Емельяновой, уже «...около сотни студентов из Кабардино-Балкарии проходили обучение в Саудовской Аравии (Университет Мухаммада бен Сауда), Египте, Сирии, Иордании и Турции»⁹. Процесс выбора учебных заведений был весьма непрост ввиду отсутствия у ДУМ в этот период достаточных финансовых средств, необходимых для оплаты обучения данных молодых людей. В связи с этим справедливым представляется замечание исследователя Р.А. Силантьева, отметившего по этому поводу, что для ДУМ КБР в этот период «...главным критерием выбора учебных заведений была оплата дороги принимающей стороной, бесплатное обучение, жилье, питание и желательно предоставление стипендии. Конечно, предлагавшие такие льготные условия учебные

центры не были столь известны, как каирский университет «Аль-Азхар», однако казались подходящими для религиозного ликбеза и обучения арабскому языку»¹⁰.

Следует отметить, что, ход и результаты данного обучения, как стало очевидно в будущем, ни кем особенно не контролировались. В итоге лишь незначительная часть из отправленных в первой половине 90-х гг. XX в. на учебу молодых людей реально получила богословское образование. Об этом, однако, стало широко известно лишь в 2003 г., когда на заседании Комитета по вопросам религиозных объединений при Правительстве КБР, муфтий республики А. Пшихачев, признался, что «...из 100 молодых людей, отправленных получать образование за рубежом, действительно получили его только 22»¹¹. Относительно же судьбы остальных 78 человек руководству ДУМ, по словам муфтия, нечего не было известно¹². Таким образом, расчет на то, что возвратившиеся после обучения из-за границы молодые люди восполнят в республике острый дефицит образованных кадров мусульманского духовенства, не оправдался. Кроме того, те немногочисленные образованные молодые имамы, приступившие к богословской деятельности во второй половине 90-х гг. XX в., столкнулись с весьма неблагоприятными реалиями – отсутствием какой-либо существенной поддержки как со стороны светских властей, так и со стороны руководства ДУМ, социальной неустроенностью и финансовыми затруднениями. В связи с этим значительная часть молодых имамов, по прошествии определенного времени, покинула богословское поприще.

Некоторое число молодых людей из Кабардино-Балкарии, в атмосфере появившегося в начале 90-х гг. XX в. свободного доступа к религиозной литературе, аудио- и видеозаписям, содержание которых, иногда было весьма сомнительным, самостоятельно постигали основы исламской религии. Некоторые отправлялись для получения религиозного образования за границу по собственной инициативе, без целевого направления ДУМ. Общее число данного рода лиц не может быть оценено точно. Однако их влияние на развитие процессов в религиозной сфере постсоветской Кабардино-Балкарии оказалось весьма значительным

Одним из следствий бурных процессов, происходивших в религиозной сфере Кабардино-Балкарии в начале 90-х гг. XX в., стала утрата представителями мусульманского духовенства монопольной роли в ритуальной практике и требоисполнении. Данная сфера стала активно осваиваться лицами, получившими религиозное образование в начале 90-х гг. XX в., либо идентифицировавшими себя в качестве знатоков религии. Большинство из них, по ряду внешних и поведенческих маркеров, особенностям ритуальной практики и др. признакам ярко контрастировали как на фоне подведомственных ДУМ представителей мусульманского духовенства, так и остального социума в целом. Со временем они выделились в отдельную социальную группу, за представителями которой в Кабардино-Балкарии закрепились следующие синонимичные термины, используемые как в обывательской среде, так и на страницах научных публикаций – «младомусульмане», «молодые мусульмане», «новые мусульмане», «практикующие мусульмане», «салафиты», а в конце 90-х гг. XX в., во многом благодаря СМИ – своего рода отрицательное клише – «ваххабиты». В данном исследовании мы будем использовать в их отношении наиболее нейтральный термин – «представители нетрадиционного ислама».

Характерными признаками представителей нетрадиционного ислама являлось наличие у них выраженных фундаменталистских установок, декларируемое гипертрофированное стремление к чистоте культовой практики, на фоне ярко выраженного редукционизма, проявлявшегося, прежде всего, в достаточно критичном отношении к религиозной истории и традициям собственных народов. Их деятельность стала достаточно ярким явлением в общественной жизни постсоветской Кабардино-Балкарии. Она проявлялась в активной критике имевших место особенностей бытования ислама в КБР, указаниях на несоответствие, а порой

и прямое противоречие укорененных в республиканском социуме религиозных обычаев классическим исламским канонам и т.д.

Важным моментом являлось также непризнание последователями нетрадиционного ислама легитимности ДУМ как управленческой структуры, его руководства и подчиняющихся ему имамов на местах. Институт духовенства ими отрицался в принципе, а практика выделения в обществе отдельной социальной группы, обслуживающей религиозные потребности населения, рассматривалась как грубое противоречие исламским предписаниям. С их точки зрения требованию и проповеднической деятельностью мог заниматься любой верующий, обладавший достаточными познаниями в вопросах религии и авторитетом в среде единоверцев. В связи с этим, часть входивших в данную группу молодых людей, начали вести энергичную, разностороннюю, социально ориентированную деятельность, причем стиль их поведения, умение связывать вопросы религиозного характера с актуальными проблемами современности, тесный контакт с верующими и прочее выгодно отличало их от представителей мусульманского духовенства старшего поколения, среди которых лишь незначительная часть смогла в 90-е гг. XX в. преодолеть, заданные еще в советский период, жесткие рамки деятельности, ограниченные, как отмечалось выше, преимущественно формальным требованием. В связи с этим деятельность представителей нетрадиционного ислама достаточно быстро приобрела популярность в кабардино-балкарском обществе, особенно в молодежной среде.

В связи с тем, что в 90-е – начале 2000-х гг. в республике бытовала практика, в соответствии с которой имамы населенных пунктов преимущественно выбирала община верующих, некоторым представителям нетрадиционного ислама удалось возглавить религиозные приходы ряда населенных пунктов Кабардино-Балкарии. Большая же часть входивших в данную группу молодых людей, которым не удалось возглавить приходы, тем не менее вела настолько активную, социально ориентированную религиозно-просветительскую деятельность, что их нередко стали называть «неофициальными» имамами. В своей собственной среде для религиозных лидеров различного ранга ими использовался термин «амир».

Между официальными и «неофициальными» имамами на местах взаимоотношения в основном были весьма напряженными. Повседневная религиозная деятельность подведомственных ДУМ представителей мусульманского духовенства со стороны «неофициальных» имамов нередко становилась объектом острой критики, случались и открытые конфликты. Во второй половине 90-х – начале 2000-х гг. иногда, в одном и том же населенном пункте, в одной и той же мечети, религиозную деятельность вели попеременно как официальные, так и «неофициальные» имамы. Пример данного рода был зафиксирован, исследователем Л.Х. Сабанчиевой, которая отметила, что в некоторых населенных пунктах республики «...небольшая часть молодых мусульман, вероятно исповедующих нетрадиционный ислам, недовольная тем, что назначенные хатыбы (проповедники – А.Т.) поддерживают связи с ДУМ КБР, из своей среды выбирают проповедника – амира и автономно проводят свои джума-намазы, в той же мечети, что и имам-хатыб»¹³.

Со второй половины 90-х гг. XX в. можно говорить о наличии в республике острого внутрирелигиозного (внутриисламского) конфликта. Центрами его противоборствующих сил стало, с одной стороны, ДУМ и подведомственные ему имамы на местах, поддерживаемое светскими властями, и, с другой, неподконтрольные ДУМ многочисленные молодежные общины, возглавляемые «неофициальными» имамами (амирами), объединившиеся в 1998 г. в так называемый Джамаат КБР.

Следует отметить, что наличие в республике острого внутрирелигиозного (внутриисламского) конфликта, несмотря на видимую однозначную отрицательность данного явления, способствовало, тем не менее, значительному укреплению позиций ДУМ. Это произошло вследствие вмешательства в данный конфликт

представителей светской власти и, в том числе, силовых ведомств, которые приняли в данном конфликте сторону ДУМ. Государственная поддержка ДУМ реализовывалась посредством проведения разного рода мероприятий, способствовавших существенному подрыву в республиканском социуме позиций представителей нетрадиционного ислама. Так, например, в 2004 г. в республике было приостановлено функционирование большинства пунктов начального религиозного образования, в том числе всех иностранных исламских центров, за исключением исламских компьютерных курсов¹⁴. В этот же год было осуществлено закрытие всех неподконтрольных ДУМ мечетей под предлогом истечения срока аренды используемых под них помещений. Также было произведено составление списков лиц, предположительно относившихся к радикальному экстремистскому подполью, за которыми в социуме закрепилось название «ваххабитских». В данные списки вошло большинство сторонников нетрадиционного ислама, в отношении которых проводились перманентные недифференцированные оперативные мероприятия.

Со своей стороны ДУМ также предприняло решительные меры по упрочению своих позиций в религиозной сфере республиканского социума, и, соответственно, ослаблению влияния в нем представителей нетрадиционного ислама. В этой связи, важное значение имело принятие на IV съезде мусульман КБР (2004 г.) постановления, позволившего ДУМ монополюльно контролировать кадровый состав духовенства. Согласно данному постановлению раис-имамов и имамов населенных пунктов на должности стала утверждать исключительно ДУМ. До 2004 г., как отмечалось выше, община верующих конкретного населенного пункта могла самостоятельно выбирать имама, в то время как ДУМ лишь утверждало его. В соответствии же с принятым в 2004 г. постановлением, община верующих, по согласованию с местной администрацией могла лишь выдвигать кандидата на должность имама, но окончательное решение данного вопроса оставалось за ДУМ. Выдвинутый членами общины имам должен был пройти утверждение у раис-имамов (районного имама). После этого кандидату предстояло получить аттестацию в Духовном Управлении, где для этого существовала специальная комиссия¹⁵. Таким образом, выстроенная система полностью исключала возможность для свободной религиозной деятельности неподконтрольных ДУМ имамов. Реализация данных мер, в итоге, способствовала тому, что к середине 2000-х гг. «...любая деятельность мусульман стала легальной только в рамках ДУМ»¹⁶.

Данные меры со стороны органов государственной власти и руководства ДУМ, тем не менее, не привели к преодолению внутривероисламского (внутриисламского) конфликта в КБР, а, наоборот, углубили и обострили его. Реакцией на данные меры со стороны представителей нетрадиционного ислама стал распад более или менее идеологически монолитного Джамаата КБР. При этом явно обозначились тенденции к радикализации значительной его части, и образованию мощного экстремистского крыла. Апогеем развития внутривероисламского (внутриисламского) конфликта в КБР стали события 13–14 октября 2005 г. в г. Нальчике – массовое нападение экстремистского крыла Джамаата на силовые структуры столицы республики. Данные события знаменуют собой окончание периода религиозного возрождения в Кабардино-Балкарии.

После данных трагических событий руководство ДУМ КБР, а вместе с ним и имамы на местах, попали под шквал острой критики. При анализе причин, приведших к трагическим событиям 13–14 октября 2005 г., имевшем место в последующие годы как в среде специалистов, так и общественности, нередко отмечалась нелицеприятная роль в формировании и развитии внутривероисламского (внутриисламского) конфликта официальных духовных властей и представителей мусульманского духовенства на местах. В частности, указывалось на имевшую место общую пассивность деятельности духовенства, отсутствие какой-либо видимой работы с уммой, а также авторитета в глазах верующих. Так, исследователь

С.И. Аккиева отмечает, что часть жителей республики в событиях 2005 г. «...усматривает и вину ДУМ и самого муфтия. В свое время руководству ДУМ не удалось наладить конструктивный диалог с оппозиционными силами (молодыми мусульманами) и использовать все возможные методы работы с ними»¹⁷. Деятель искусства республики – Ю. Балкаров, указывает, что события 13–14 октября 2005 г. стали следствием неспособности «...официальных религиозных структур донести чистоту ислама и объединить мусульманское сообщество»¹⁸. Наиболее подробно деятельность ДУМ в предшествующий событиям 13–14 октября 2005 г. период, с указанием на основные его ошибки и просчеты, анализируется в статье председателя правозащитного центра «Мемориал» А. Жукова¹⁹.

В связи с этим последующие после событий 13–14 октября 2005 г. годы для руководства ДУМ и представителей мусульманского духовенства стали временем поиска и практического воплощения нового стиля повседневной деятельности, активизации работы с уммой по широкому спектру направлений.

Стоит отметить, что деятельность руководства ДУМ и имамов на местах в данный период осложнялась действиями членов экстремистского подполья, так или иначе идентифицировавших себя с исламом. Их действия негативно влияли на восприятие исламской религии как таковой, способствовали ее демонизации и, как следствие, привели к иррациональному дистанцированию от нее значительной части социума, сохраняющемуся по сей день.

На сегодняшний день в Кабардино-Балкарии зарегистрирована деятельность 138 имамов. Общее же число представителей мусульманского духовенства на порядок выше ввиду того, что у каждого официально зарегистрированного имама республики имеются помощники – обычно 2–3 человека, в крупных населенных пунктах, возможно, больше, наравне с имамами занимающихся требоисполнением. Помощниками имамов в основном являются наиболее активные прихожане, иногда – лица, имеющие религиозное образование, но работающие в гражданской сфере. Помощники назначаются самими имамами, реже – работниками ДУМ в устной форме и их деятельность, в целом, нигде официально не фиксируется.

По состоянию на 2017 г. возрастной состав имамов Кабардино-Балкарии представлен в таблице:

**Возрастной состав имамов Кабардино-Балкарии
(по состоянию на январь 2017 г.)²⁰**

возраст	до 30 лет	30–40 лет	40–50 лет	50–60 лет	60–70 лет	свыше 70 лет
кол-во (всего – 138 чел.)	7 (5%)	22 (15%)	35 (25%)	24 (17%)	25 (18%)	25 (18%)

Данные таблицы свидетельствуют о том, что в настоящее время в Кабардино-Балкарии действующие имамы являются представителями различных возрастных групп. Наименьшее число имамов зарегистрировано в возрастной группе до 30 лет, наибольшее – в возрастной группе 40–50 лет. Половину имамов составляют лица пенсионного возраста, из которых четверть – лица, возраст которых превышает 70 лет. Средний возраст представителя мусульманского духовенства Кабардино-Балкарии составляет на сегодняшний день 54 года. Самый молодой имам республики – Хатохов А.В. – имам с. Инаркой Терского района (1994 г.р.), самый пожилой – Даванидзе Ш.А. – имам с. Былым Эльбрусского района (1931 г.р.)²¹.

Уровень образования представителей мусульманского духовенства Кабардино-Балкарии по состоянию на январь 2017 г. представлен в таблице:

Образовательный уровень имамов Кабардино-Балкарии (по состоянию на январь 2017 г.)²²

уровень образования	высшее религиозное	неоконченное высшее религиозное	среднее религиозное	начальное религиозное	без религиозного образования
кол-во (всего – 138 чел.)	23 (17%)	11 (8 %)	9 (6%)	87 (64 %)	8 (5%)

Данные таблицы свидетельствуют, что в республике большинство представителей мусульманского духовенства (64 %) обладают лишь начальным уровнем религиозного образования – проходили обучение на трехмесячных курсах при Северо-Кавказском исламском университете им. Имама Абу Ханифы в Нальчике. 23 имама имеют высшее религиозное образование. 9 из них являются выпускниками Северо-Кавказского исламского университета им. Имама Абу Ханифы в Нальчике. Иностранное религиозное образование имеют лишь 10 имамов (6 – высшее, 4 – среднее). Большинство имамов, имеющих высшее религиозное образование, относятся к возрастной группе 30–40 лет²³.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что в настоящее время повышение образовательного уровня представителей мусульманского духовенства Кабардино-Балкарии продолжает сохранять актуальность. Это отметил в своем отчетном докладе в 2016 г. муфтий КБР Х. Дзасежев²⁴. В апреле 2017 г. на встрече с главой КБР Ю. Коковым он также официально обозначил наличие проблемы нехватки в республике кадров с богословским образованием. «В Духовном управлении мусульман (ДУМ) Кабардино-Балкарии продолжает сохраняться острая нехватка высококвалифицированных кадров. Наши штаты укомплектованы недостаточно, нам не хватает специалистов, которые на местах непосредственно круглосуточно могли бы работать с людьми», – отметил муфтий²⁵.

Сохранение острой нехватки профессиональных кадров мусульманского духовенства в условиях современной Кабардино-Балкарии объясняется рядом обстоятельств: во-первых, богословская деятельность, несмотря на ее перманентную востребованность, однако не сулит лицу, ею занимающейся, какой-либо социальной защищенности или финансовой стабильности. Это, с одной стороны, объективно отталкивает от нее молодежь, а, с другой, объясняет причину того, что половина действующих в Кабардино-Балкарии на сегодняшний день имамов составляют лица пенсионного возраста. Во-вторых, нельзя сбрасывать со счетов и имеющее место в современном кабардино-балкарском обществе определенное иррациональное дистанцирование большинства жителей от ислама, являющееся следствием сложностей периода религиозного возрождения, наличия в обществе острого внутриконфессионального (внутриисламского) конфликта, со всеми связанными с ним негативными явлениями. Частным проявлением данного дистанцирования стало настороженное отношение к лицам, проявляющим повышенный интерес к религии. Данный интерес в большинстве своем воспринимается на сегодняшний день отрицательно, как довольно опасное увлечение. Это также сокращает число молодых людей, желающих посвятить свою жизнь религиозной деятельности.

Таким образом, на сегодняшний день для республики сохраняется актуальность решения проблемы поддержания системы воспроизводства профессиональных кадров мусульманского духовенства. Со второй половины 2000-х гг. светскими и духовными властями Кабардино-Балкарии была проведена большая работа по укреплению материальной базы и кадрового состава религиозных образовательных учреждений для полного обеспечения возможностей воспроизводства профессиональных кадров мусульманского духовенства посредством исключительно

внутренних образовательных ресурсов. Ключевую роль в выполнении данной задачи играет на сегодняшний день Северо-Кавказский исламский университет им. имама Абу Ханифы. Данное образовательное учреждение было создано 2007 г. на базе Кабардино-Балкарского Исламского института. В 2014 г. власти республики выделили для университета новое здание. Действующие имамы ведут работу по привлечению наиболее активных молодых прихожан к обучению в данном университете, что должно обеспечить наличие в Кабардино-Балкарии кадрового резерва представителей мусульманского духовенства.

Нельзя не отметить, что в 2012 г. был разработан и принят на государственном уровне проект создания в столице республики крупнейшего на Северном Кавказе исламского образовательного центра. Было даже выстроено большое здание в религиозном стиле, в котором должен был разместиться данный центр. Однако проект вызвал в республике острый общественный протест, свидетельствующий о наличии в кабардино-балкарском обществе упоминавшегося выше иррационального дистанцирования от ислама. В итоге данный проект реализован не был. В свою очередь, выстроенное здание, архитектура и планировка которого выдержаны в чисто религиозном стиле, в спешном порядке было перепрофилировано в Детскую академию творчества, начавшую функционировать в конце 2015 г.

В рамках ДУМ в настоящее время действует специальная рабочая группа, занимающаяся организацией процесса повышения образовательного уровня представителей действующего мусульманского духовенства. Члены группы проводят регулярную разностороннюю работу с имамами на местах. На базе Исламского университета им. Имама Абу Ханифа ежегодно проводятся курсы повышения квалификации имамов и их помощников с последующей аттестацией²⁶.

Так или иначе, во второй половине 2000-х гг. деятельность представителей мусульманского духовенства, несмотря на отмеченные выше ряд негативных моментов, в целом стала более разносторонней и социально ориентированной, чем в предшествующий период. Представителями мусульманского духовенства стали регулярно проводиться лекции, круглые столы, диспуты в светских образовательных учреждениях. Для более эффективного восприятия учащимися комплексного курса «Основы религиозных культур и светской этики», введенным в школьную программу в 2012 г., стало возможным посещение учащимися школ республики, по согласованию с администрацией образовательных учреждений и руководства ДУМ, Соборной мечети г. Нальчика, где представители мусульманского духовенства знакомят детей с историей и культурой ислама, его духовно-нравственными ценностями²⁷. С 2013 г. сотрудники ДУМ КБР вместе с преподавателями СКИУ стали регулярно проводить образовательные курсы для всех заинтересованных лиц по основным исламским дисциплинам (Сира, Хадис, Чтение Корана, Акида). Представители мусульманского духовенства на местах реализуют образовательную деятельность в рамках воскресных школ. Воскресные школы, которых, на сегодняшний день по республике функционирует 18, дают начальное религиозное образование. В них дети и взрослые обучаются чтению Корана, основам исламского права и этики.

Достаточно активно ДУМ ведет издательскую деятельность. Регулярно выпускаются книги и брошюры на актуальные темы. При ДУМ издается просветительская газета «Свет Ислама». Также ведется активная работа в Интернете. Своего рода показателем признания высокого уровня богословской подготовки некоторых представителей мусульманского духовенства Кабардино-Балкарии стало утверждение практики их приглашения в соседние регионы для образовательно-просветительской деятельности. «Наших имамов-хатыбов приглашают проводить пятничные проповеди не только на территории Кабардино-Балкарии, но и за ее пределами. В частности, такое тесное сотрудничество установлено с ДУМ Ставропольского края»²⁸ – отметил по этому поводу в 2016 г. муфтий КБР Х. Дзасежев.

Таким образом, в течение постсоветского периода в республике шел процесс становления и развития мусульманского духовенства. Основное влияние на его качественный состав, место и роль в социуме имело наследие советской атеистической эпохи, а также особенности развития процессов в религиозной сфере постсоветского периода. Среди них важнейшее значение имело развитие данной группы в условиях острого внутррелигиозного (внутриисламского) конфликта. На сегодняшний день мусульманское духовенство составляет определенную социальную группу кабардино-балкарского общества. Сфера его деятельности достаточно обширна – от требоисполнения до религиозного образования и просвещения. В настоящее время в республике сохраняет остроту решение проблемы повышения образовательного уровня представителей мусульманского духовенства, налаживание системы стабильного воспроизводства кадрового состава посредством внутренних ресурсов, усиление социальной ориентации в деятельности представителей данной социальной группы.

Примечания

1. Управление центра документации новейшей истории архивной службы КБР (далее – УЦДНИ АС КБР). Ф. 1. Оп. 2. Д. 212. Л. 5.
2. УЦДНИ АС КБР Ф. 1. Оп. 31 Д. 166. Л. 4.
3. *Мукожеев А.Х.* Ислам в Кабардино-Балкарии в годы советской власти // Архивы и общество. 2007. № 1. С. 174.
4. *Сулаев И.Х.* Официальное мусульманское духовенство в Советском Дагестане // Вопросы истории. 2006. № 12. С. 153.
5. Адыгская (черкесская) энциклопедия / под ред. М.А. Кумахова. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. С. 616.
6. УЦДНИ АС КБР Ф.1. Оп. 28. Д. 77. Л. 15.
7. *Бабич И.Л., Ярлыкапов А.А.* Кабардино-Балкария: тенденции развития и проблемы современного исламского движения // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 4. С. 197.
8. *Мукожеев А.Х.* Ислам в Кабардино-Балкарии до и после октября 2005 г. // Исторический вестник. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2008. Вып. VII. С. 210.
9. *Емельянова Н.М.* Тайное и явное в северокавказском исламе // Дарьял. 2001. № 4 // Электронный ресурс: www.darial-onlain/2002_4/emel.shtml (дата обращения: 21.11.2016.).
10. *Силантьев Р.А.* Религиозный фактор во внешнеполитических конфликтах на Кавказе / Религия и конфликт под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Московский Центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2007. С. 144–145.
11. *Мечиев А.* Религиозные объединения поменяли статус // Кабардино-Балкарская правда. 2003. 7 февраля.
12. Там же.
13. *Сабанчиева Л.Х.* Религиозная практика кабардинцев и балкарцев: мусульманская проповедь как источник формирования религиозного сознания // Исторический вестник. Нальчик: Изд-во ИГИ КБНЦ РАН, 2009. Вып. VIII. С. 335.
14. *Роцин М., Лункин Р.* Мусульмане в Кабардино-Балкарской республике / Ислам на Северном Кавказе: история и современность / под ред. И. Текушева и К. Шевченко. Прага: Medium Orient, 2011. С. 61.
15. Там же. С. 65.
16. Там же. С. 60.
17. *Акжиева С.И.* Ислам в Кабардино-Балкарской республике. М.: Логос, 2009. С. 64.
18. Газета Юга. 2005. 20 октября.
19. *Жуков А.* Религиозный раскол и политическое решение. Удастся ли общественный диалог в Кабардино-Балкарии? // Электронный ресурс: www.old.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2006/05.., (дата обращения: 21.07.2017).
20. Таблица составлена на основе ответа заместителя муфтия КБР Сижажева А.С. на запрос КБИГИ РАН от 27 мая 2017 г.
21. Ответ заместителя муфтия КБР Сижажева А.С. на запрос КБИГИ РАН от 27 мая 2017 г.

22. Таблица составлена на основе ответа заместителя муфтия КБР Сижажева А.С. на запрос КБИГИ РАН от 27 мая 2017 г.

23. Ответ заместителя муфтия КБР Сижажева А.С. на запрос КБИГИ РАН от 27 мая 2017 г.

24. Доклад муфтия КБР Х. Дзасежева «О деятельности ДУМ КБР за период с 2011 по 2016 гг.» на VII съезде мусульман Кабардино-Балкарии // Электронный ресурс: www.kbrdum.ru>...835-doklad-muftiya...dzasezheva...2016-gg., (дата обращения: 28.07.2017).

25. В Северо-Кавказском исламском университете в Нальчике откроют факультет теологии // Электронный ресурс: www.etokavkaz.ru/news/24584, (дата обращения: 29.07.2017).

26. Доклад муфтия КБР Х. Дзасежева «О деятельности ДУМ КБР за период с 2011 по 2016 гг.» на VII съезде мусульман Кабардино-Балкарии // Электронный ресурс: www.kbrdum.ru>...835-doklad-muftiya...dzasezheva...2016-gg., (дата обращения: 28.07.2017).

27. Там же.

28. Там же.

A.N. Takova

**THE MUSLIM CLERGY OF THE POST-SOVIET
KABARDINO-BALKAR REPUBLIC: FORMATION, CHARACTERISTICS
OF THE DEVELOPMENT, CURRENT STATUS OF THE SOCIAL GROUP**

The subject of research is the Muslim clergy as a separate social group in the post-Soviet of the Kabardino-Balkarian society. Analyzed quantitative and qualitative composition of this group in the period from the end of the Soviet period to the present. Identified factors which influence on the formation of the social group.

Keywords: Muslim clerics, Kabardino-Balkar society, religious conflict, religious education, tribusponina.

УДК 811.512.142

А.К. Анноев

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

В статье рассматривается культурно-языковое сознание народа посредством изучения пословиц и поговорок. Данный пласт языка и народной культуры может привлекаться в качестве источника для реконструкции мифологического сознания. Делается вывод, что в карачаево-балкарском языке разграничение пословиц и поговорок крайне сложный процесс, но, несмотря на это, все же есть критерии, позволяющие отличить их друг от друга.

Ключевые слова: паремии, концепт, карачаево-балкарский язык, языковая картина мира, коммуникативная ситуация.

Современная лингвистика имеет в своем арсенале несколько способов описания языкового сознания, основными из которых можно считать, следующие: лексико-семантический, культурологический, строго лингвистический и концептуальный. Во многих случаях концептуальный подход комбинируется с этнолингвистическим, позволяющим «изучать язык сквозь призму человеческого сознания, менталитета, бытового и обрядового поведения, мифологических представлений и мифопоэтического творчества»¹.

Пословицы и поговорки являют собой «неписанный» свод законов и правил, в котором отображается некий культурный институт, который регламентирует отношения людей и дает простор для самоидентификации. Именно через этот источник носитель языка мог обобщать и усваивать групповой опыт, установки, характерные для данной лингвокультурной общности. Уместное употребление пословиц и поговорок делает речь выразительной, точной, меткой, эмоционально окрашенной и экспрессивно насыщенной. Центральной фигурой в них всегда выступает человек в своих различных «проявлениях» – во всем своем блеске и во всех своих неприглядностях. Пословицы и поговорки представляют собой обобщение многовекового жизненного опыта народа, содержат эмоционально-экспрессивную оценку поступков человека, событий, явлений.

Пословица всегда поучительна, она дает разумные советы и наставления на самые различные случаи жизни. Суждение, приговор, поучение, высказанные пословицей, представляют всеобщее мнение, непосредственно вытекающее из общественной практики, социально-исторического опыта масс. Именно в этом проявляется сила пословицы, ее неуязвимость².

В проведенном нами анализе пословиц и поговорок сочетаются концептуальный и этнолингвистический подходы, позволяющие описать концепт в языковом сознании на однородном языковом материале. Данный пласт языка и народной культуры может привлекаться в качестве источника для реконструкции мифологического сознания по следующим причинам³ :

1. пословицы и поговорки строятся по регулярно воспроизводимым моделям;
2. обладают определенной гомогенностью и предельностью;

3. фиксируют контакты сознания и культуры, значимые для всех носителей данного языка;
4. неизменяемы во времени: пословицы и поговорки могут исчезнуть из обихода, но не могут изменить своего значения;
5. воспроизводят наивное сознание с четко выраженными мифологическими элементами;
6. определяют систему оценки окружающего мира, иерархию ценностей народа;
7. показывают понятия, наиболее значимые для языкового сознания (базовые концепты).

При изучении языковой картины мира важны: осознание морфологии и структуры форм народной культуры, разложимость сложных культурных образований на простые элементы и повторяемость отдельных элементов или целых блоков в разных фрагментах культурной традиции.

С другой стороны, культура, представляет собой иерархически организованную систему кодов, т.е. вторичных знаковых систем, использующих разные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к картине мира, к мировоззрению данного социума.

При реконструкции констант мифологического сознания, которые заархивированы в пословицах и поговорках, многие авторы идут по пути от плана выражения к плану содержания, поскольку концепт может быть представлен разными лексемами.

Основной задачей при построении картины мира на материале пословиц и поговорок становится выделение инвентаря основных значимых элементов культуры, т.е. базовых концептов. В основе данного вычленения концепта лежит критерий значимости, поскольку далеко не все факторы реальной действительности и человеческого существования получают культурную отмеченность, т.е. приобретают знаковую функцию в культурных текстах.

Одинаковые с точки зрения повседневной, бытовой практики реалии внешнего мира получают в языке культуры разную символическую значимость. Например, в карачаево-балкарском языке *собака, конь, пчела, гора, камень, лес* занимают очень важное место в системе культурных символов, а прагматически близкие к ним *волк, курица, медведь, дерево*, лишены такой культурной функции.

Это отражается в том, что в рамках исследуемого материала наличествуют несколько десятков пословиц и поговорок со словом волк: **Бёрю насыбы аякъларын-дады** «Счастье волка в его ногах»; **Бёрюден къоркъгъан мал ёстюрмез** «Волка бояться – скот не держать»; значительно больше пословиц со словом конь: **Сёзюн айта билмеген, башын ат берип алыр** «Кто не умеет правильно говорить, откупаться будет конём»; **Тил ат кибикди – тыймасанг, жыгъар** «Язык словно конь – если не остановишь, то пропадешь»; **Жан – татлы, заман – атлы** «Жизнь сладка, но время на коне едет»; **Ат муратха жетдирир** «Лошадь способствует достижению цели»; **Иги алаша къарт болса, къаргъалагъа жеймиш болур** «Если хорошая лошадь состарится, то она станет пищей для ворон»; **Атны къуйругъундан тутхан суудан ётер** «Ухватившийся за хвост лошади может переправиться через реку»; **Бир атны бойну бла сау жылкы суу ичер** «Благодаря одной лошади целый табун может утолить жажду»; **Къой – байлык, жылкы – сыбайлык** «Овцы – богатство, табун – изящество»; **Ат атагъан атха миндирир** «Нарекающий именем посадит на лошадь»; **Иги деп айтдыргъан атха миннген кибикди** «Прослыть хорошим – значит сесть на коня»; **«Сау бол!» – деп айтдыргъан атха миннген кибикди** «Благодарность в твой адрес – это все равно, что сесть на коня»; **Жолгъа жыяу чыкъсанг, атлы бла нёгер болма** «Если выйдешь в путь пешком, то не становишься спутником конного»; **Атынг иги болса – жолунг тынч, жашынг иги болса – жүрегинг тынч** «Если лошадь хорошая – дорога легкая, если сын хороший – на душе легко»; **Тай бакъмагъан атха минмез** «Не ухаживающий за жеребенком на коня не сядет»⁴.

Вторым критерием выделения базовых концептов служит повторяемость того или иного факта в разных разделах духовной культуры, что свидетельствует о знаковой функции этого предмета, его мифологической отмеченности, которая фиксируется и на языковом уровне – в народных речениях.

Соответственно, «концепты, признанные нами базовыми, с одной стороны, наделены наибольшим коннотативным, ассоциативным, культурным, а часто и мифологическим смыслом, а с другой стороны, что не менее важно, – наиболее частотны в пословицах и поговорках, и сами пословицы и поговорки с этими словами наиболее часто воспроизводятся в речи (например, Бог, черт/бес, свой, чужой, один)»⁵.

Базовый концепт как единица сознания (соответственно наделенная большей степенью отвлеченности, обобщенности и абстрактности по сравнению со словом как единицей языка) может реализовываться на языковом уровне целым рядом лексем. Средствами вербализации концепта при его языковом воплощении могут выступать различные языковые единицы: слова, фразеологизмы, свободные сочетания, предложения, тексты и совокупности текстов. При этом основным средством доступа к концептуальному знанию является слово, способное в разных коммуникативных ситуациях репрезентировать разные признаки концепта и даже разные концепты – в зависимости от коммуникативных потребностей, объема, количества и качества информации, которую говорящий хочет передать. Слово является органической частью концепта, в его прямых и переносных значениях содержится множество ассоциаций, что осложняет любой концепт. Но слово не является единственным средством выражения концепта, «весь концепт во всем богатстве своего содержания теоретически может быть выражен только совокупностью средств языка, каждое из которых раскрывает лишь его часть»⁶. Более того, можно утверждать, что никакой концепт не может быть вербализован полностью: всегда остается та его часть, которая недоступна никаким средствам выражения.

Концепт многокомпонентен, что выявляется через анализ его языковых экспликативов, причем эта многокомпонентность обладает такой спецификой, что, имея множество его составляющих элементов, концепт на деле оказывается нерасчленимым. Степанов выделяет в концепте следующие компоненты: индивидуально-авторское, культурно-специфическое и универсальное⁷. При этом универсальное может включать в себя и культурно-специфическое. Таким образом, получается, что при реконструкции констант мифологического сознания, которые заархивированы в пословицах и поговорках, продуктивным оказывается путь от плана значения к плану содержания, поскольку один и тот же концепт может быть представлен разными лексемами. Кроме того, не только сами концепты как ядро ситуации могут быть представлены образно, но и вся ситуация может быть зашифрована, закодирована. При этом ключ к разгадке ее идеи находится и в понимании ее семантики, что, как правило, не составляет проблему для носителей языка, и в знании культурных кодов, которые требуют специального изучения.

Концептуальная система, отраженная в виде ЯКМ, зависит от материального и культурного опыта, и непосредственно связана с ними. В концептуальной картине мира (ККМ) взаимодействует общечеловеческое (универсальное), национальное и личностная человеческая деятельность, включающая в качестве составной части и символическую составляющую. Эти её свойства определяют как своеобразие ЯКМ, так и её универсальность. Надо сказать о том, что ЯКМ отражает когнитивные, культурные, социальные особенности народа – носителей языка. Под ЯКМ понимается совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а так же способы получения и интерпретации новых знаний. При таком подходе язык может рассматриваться как определенная концептуальная система и как средство оформления концептуальной системы знаний о мире.

Анализ паремиологического фонда карачаево-балкарского языка отражающий специфику ЯКМ карачаево-балкарского народа позволяет сделать следующий вывод: в карачаево-балкарском языке разграничение пословиц и поговорок крайне

сложный процесс, но, несмотря на это все, же есть критерии позволяющие отличить их друг от друга. Это такие показатели как наличие переносного значения по сравнению с деривационной базой у пословиц и отсутствие такового у поговорок, а также назидательность и дидактичность пословиц. В данной статье паремия понимается как устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное обобщающее изречение, выступающее родовым понятием для пословиц и поговорок.

Примечания

1. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы). М.: Изд-во РУДН, 1997. 204 с.
2. *Аппоев А.К.* Культурно-языковая характеристика пословиц как важный компонент национальной культуры // Наука и устойчивое развитие: Сборник статей III Всероссийской научной конференции. Российский союз молодых ученых; ответственный редактор Хаширова С.Ю. Нальчик: Издательство КБИГИ, 2009. 380 с. С. 107–111.
3. *Иванова Е.В.* Пословичная концептуализация мира (на материале английских и русских пословиц): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2003. 415 с.
4. *Кетенчиев М.Б., Аппоев А.К.* Этнокультурная составляющая зоолексемы «лошадь» в карачаево-балкарском языке // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2011. № 2. С. 106–109.
5. *Кулишова Н.Д.* Языковая личность в аспекте психолингвистических характеристик: дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар: Кубанский университет, 2001. 152 с.
6. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Язык и национальная картина мира. Воронеж: Изд-во «ИСТОКИ», 2002. 405 с.
7. *Степанов Ю.С.* Основы общего языкознания. М., 1975. С. 34.

А.К. Аппоев

EMBODIMENTS AND TALKS AS A SOURCE OF STUDYING CULTURAL-LANGUAGE CONSCIOUSNESS

The article considers the cultural and linguistic consciousness of the people through the study of proverbs and sayings. This layer of language and folk culture can be used as a source for the reconstruction of the mythological consciousness. It is concluded that in the Karachay-Balkar language, the delineation of proverbs and sayings is an extremely complex process, but in spite of all this, there are criteria that distinguish them from each other.

Keywords: paremia, concept, Karachay-Balkar language, language picture of the world, communicative situation.

Л.Б. Кучмезова

**НЕКОТОРЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТОВ
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА И ИХ ВЛИЯНИЕ
НА ЛИТЕРАТУРНУЮ НОРМУ**

В данной статье анализируются фонетические особенности диалектов карачаево-балкарского языка. Выделяются основные критерии их влияния на современную литературную норму слов. Особое внимание уделяется архаичности по сравнению с общенародным карачаево-балкарским языком и лингвистическим характеристикам, главным образом, в речевой деятельности в определенных сферах коммуникации. Отмечаются основные два диалекта: ц-диалект и ч-диалект, – как источник обогащения словарного состава лексики исследуемого языка.

Ключевые слова: фонетические особенности, диалект, карачаево-балкарский язык, архаизм, литературный язык, регионализмы, вариантность.

Как известно, в становлении языка народа принимают участие все народности определенного ареала, таким образом, и в образовании общенародного языка участвуют диалекты и наречия этих народов. Обычно литературные языки имеют опорные диалекты или наддиалектные формы.

Карачаево-балкарский язык сложился и воплотился в языке устно-поэтического народного творчества и поныне сохраняет свои диалектные особенности. Об истории происхождения тюркских языков в тюркологии имеются разные мнения и предложения. Это обусловлено тем, что при изучении истории формирования конкретного языка не всегда учитывается комплекс источников, среди которых особое место занимают диалекты.

Кроме того, в процессе развития литературного языка часть исконных элементов устаревают и выходят из употребления, но она почти всецело продолжает функционировать в диалектах и говорах¹.

Карачаево-балкарский язык принадлежит к кыпчакской группе тюркских языков. Территориальная разобщенность народа, расселенных волей исторических судеб в основном в двух смежных республиках: Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. В зависимости от места расселения балкарцы и карачаевцы имели локальные названия, в основном по ущельям, где они селились. Так, балкарцы, имея общее название малкъарлы или таулу, подразделялись по месту расселения на баксанцев (басханчы) – жителей Баксанского ущелья, чегемцев (чегемли) – жителей Чегемского ущелья, безенгиевцев (бызынгылы) – жителей Безенгийского ущелья, холамцев (холамлы) – жителей Холамского ущелья и верхнебалкарцы (малкъарлы) – жителей Верхне-Балкарского ущелья. Отметим, что специфика их хозяйственной деятельности, контакты с соседними (кабардинцы, черкесы, осетины, грузины, ногайцы и др.) иноязычными народами обусловили образование не только этнографических особенностей (одежды, типа жилищ, хозяйственно-бытового уклада), но и различий фонетических, морфологических, семантических и лексических в диалектах исследуемого языка².

В данной статье рассматриваются некоторые фонетические особенности диалектов карачаево-балкарского языка, а также их влияние на современную литературную норму. Следует отметить, что язык лексики диалекта носит архаический характер. Архаизмы, возникшие на основе лексики ц-диалекта выражают самые

различные понятия. К архаизмам, образованным на базе карачаево-балкарского языка, или к общетюркским по своему происхождению относятся, например: дюгерлик «плетение, приспособление над очагом для просушивания зерна, солода»; чырахтан «подставка для лучины, освещающей жильё»; кьулач «обхват»; гёренке «мера веса в 400 гр»; такьыя «шлем»; чёмюч «тарелка, миска», айгъыр (ажир лит.) «жеребец», мухур «печать»; шаркъ (кюнчыгъыш) «восток», балдыз (кичи къайын кьыз) «свояченица» и др.

Близость тюркских языков между собой и сложное их взаимодействие проявляется весьма часто и в том, что диалектная основа тюркского языка оказывается нормой для другого тюркского литературного языка или общенародного языка. Например: итбурун (балк., диал.) «шиповник», итбурну (азерб.), этморон (башк., диал.), итбурун (кум.), ийт бурын (ног.), етпорон (тат., диал.), итбурун (узб.); гёбелек, хубаллек, дибилдирик (балк., диал.) «бабочка», губелек (к.-калп), кёпёлёк (кирг.), гобелек (кум.), кепинек (уйг.); жаун (балк.) «дождь», жангур (карач.), ангур (кум.), ямгъур (казах.), жауны (к.-калп.), жамгыр (кирг.), жамгыр (ног.), ямгыр (туркм.), ягмыр (узб.), ёмгыр (уйг.), ямгур (алт.), дангмыр (хак.), нагбур (шор) и др.

Следовательно, диалектная лексика одного и того же языка является также нормой, неотъемлемой принадлежностью диалекта другого тюркского языка. Некоторые общие лексические явления в диалектах отражают не прямые контакты тюркских языков и диалектов, а экстралингвистические явления¹.

Специфика функциональной стратификации языков состоит еще в том, что далеко не всегда имеются промежуточные формы или страты между диалектом и литературным языком, например, карачаево-балкарский язык не имеет просторечного, разговорного варианта, каждый носитель языка разговаривает на своем диалекте. Отсюда вытекает многообразие членения и варьирования в разных языках, различия между членами функциональной парадигмы языка с точки зрения их статуса. Так, в текстах нартского эпоса можно выделить фонетические диалектизмы: жаяу (ч-диал.) – зыйяу (ц-диал.) «пешком»; жилиуукъ (ч-диал.) – зылауукъ (ц-диал.) «плакса»; бичакъ (ч-диал.) – быцакъ (ц-диал.) «нож»; акъсай-акъссай (ч-диал.) – ахсай-ахсай (ц-диал.) «хромая, прихрамывая»; бишлакъ (ч-диал.) – бышлакъ (ц-диал.) «сыр»; чапыракъ (ч-диал.) – цапыракъ (ц-диал.) «лист, страница» и т.д.³

Фонетические особенности диалектов обуславливаются следующими факторами: а) во всех позициях литературное **ф** переходит в **п**: фатеген/ патеген «керосин»; фатар/ патар «квартира»; сыфат/ сыпат «образ, облик, внешний вид» и т.п.; б) наблюдается переход литературного **т** в **д** в начале слова: тукъум/ дукъум «фамилия, род»; топпан/ доппан «шапочка, купол» и др.; в) имеет место переход литературного **г** в **к** в начале слова: керох/ герох «пистолет»; косук/ госук «вид съедобной травы» и т.д.; г) наличие палатализованных согласных: **г', к', л', р', ж', ч'** независимо от гармонии гласных вместо непалатализованных **г, к, л, р, ж, ч** литературного языка и другого диалекта: гяхиник/ гахиник «мурава», кямар/ камар «женский пояс украшенный серебрянными вставками», жилиян/ жылан «змея», гирях/ гырах «горбуша хлеба», чинар/ чынар «чинара» и др.; д) метатеза: **хч – чх; хс – сх; кс – ск**: бахча/ бачха «огород», быхчы/ бычхы «пила», ахса/ асха «хромать», басха/ бахса «грабли», ёксюз/ ёксюз «сирота», эски/ экси «старье, старое» и др.; е) переход литературного **у** в начале слова или в первом слоге в **ю** перед **я**: например: уя/ юя «гнездо», уян/ юян «просыпаться», туякъ/ тюякъ «копыто», уят/ юят «разбудить», уюкъ/ ююкъ «валенок», уял/ юял «стыдиться» и др.

Из приведенных примеров следует, что фонетические признаки отражают особенности звуковой системы карачаево-балкарского языка. Например, одной из таких особенностей является цокание, во всех позициях в слове вместо **ч** литературного языка произносится аффриката **ц**: чалгъы / цалгъы «коса», чал

сакъаллы / цал сакъаллы «седобородый» и др. В данном диалекте имеет место также зокание, при котором в начале и середине слова вместо **ж/дж** литературного языка произносится звук **з**: жер/джер – зер «земля»; жюжю/джюджю – зюзю «личинки мух, червей» и пр. Этому диалекту также свойственен переход **п** в **ф** в сильной позиции в середине слова и регулярный переход в позиции перед глухими согласными: кёпюр / кёфюр «мост», ёпке/ёфке «лёгкое», алып кьой/ алыф кьой «забери» и др. Согласные **ж** кь и **к** в определенных позициях переходят в **х**: ичги / ичхи «напиток, выпивка», къачхынчы/ къацхынцы «беглец», къызчыкъды / къызцыхты «эта девочка» и т.п.⁴

Фонетическими диалектизмами можно также считать и следующие слова ц-диалекта: зимилт/ юзмелт «шерсть, расчесанная и приготовленная для пряжи»; ийнору/ ары «туда»; ийнонда/ анда «там»; чинке / иничке «тонкий»; абзар/ арбаз «двор»; киррай/ кирликай «грязнуля»; жикир/зикир «зикр, молитва, радение», гацоф/ гёжеф «силач», ангар/ анга «ему», къыл уунду/ къылаумду «отходы, остающиеся при чесании шерсти», кюфцек/ кюбюрчек «ларец», къарыуа/ къаура «стебель травянистого растения», хаман/ хамам «баня», жыгыра/ зыгыра «дикий укроп», сыраф/ зыраф «бесполезно, напрасно потерянный, растраченный; напрасно, зря», залыкъылды/ залкъыды/ мюшкери/ бюшкери «рододендрон; кустарниковое растение» и др.

Исходя из вышеизложенного следует, что фонетические особенности диалектов связаны с взаимодействием устной и письменной разновидностями литературного языка⁵, т.е. фонетическими процессами, действующими в данном языке: особенностями действия закона сингармонизма: кукурт / кюкурт «сера», сыркъы/ сиркиу «озорной (о ребенке)», дуру / дюрю «ряд скошенной травы»; ассимиляцией согласных: эсгер / эскер «вспомнить», кюнлюм/ кюннюм «солнечная сторона» и их диссимиляцией: кючлю/ кюшлю «сильный, крепкий»; ачлыкь / ашлыкь «голод»; редукцией гласных: топуракь / топракь «глина, почва»; чапыракь/ чапракь «страница, лист»; къамыжакь / къамжакь «жук»; элизией гласных: уллуаууз / уллуауз «большеротый», сибиртгиууат/ сибирткиуат «озорной»; алтайлыкь/ алтайлыкь «шестимесячный»; протезой: илячин/ лячин «сокол»; ыразы / разы «довольный»; эпентезой: абидез / абдез «омовение перед намазом»; прустоп / пурустоп «пристав»; метатезой: ахча / ачха «деньги», къалауур / къарауул «сторож, караул» и др.⁶

Как видно из примеров, в ряде случаев (ассимиляция, диссимиляция и элизия) неразработанность орфоэпических норм способствует появлению фонетических вариантов слова, т.е. произношение влияет на правописание.

Наряду с фонетическими особенностями можно выделить также и лексические диалектизмы: гиче – кичи «младший, маленький»; аш юй – сауут юй «кухня»; къайгы/ хахай – къаугъа «переполох, смятение»; сокъуран – чогъожен «пожалеть, передумать»; ырпыс – уууз «молозиво»; эрик – къыфца «слива» и др.

Также имеются и некоторые морфологические особенности. Например, в цокающем диалекте наблюдается стяжение формы глагола типа: боллукь эдинг – боллугьенг «был бы»; келсе уа – келсеа «а если придет» и т.п.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что возникновение фонетических вариантов является сложным процессом, обусловленным взаимодействием и взаимовлиянием фонетических явлений. Следовательно, даже речь повседневного общения, характерная своей вариативностью, выступает как диалект по отношению к выделившейся на фоне более устойчивой и целостной в своих определяющих признаках языковой системы.

Примечания

1. Кучмезова Л.Б. Формирование и развитие наддиалектных типов карачаево-балкарского языка. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. 135 с. С. 47–48, 72.

2. *Гузев Ж.М.* Фонетические особенности малкарского диалекта карачаево-балкарского языка // Советская тюркология. № 5. 1974. С. 62–66.

3. *Кучмезова Л.Б.* Влияние диалектов на формирование норм литературного карачаево-балкарского языка в условиях наддиалектности // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2011. № 2(40). С. 148–152.

4. *Гузев Ж.М.* Лексические особенности цокающего диалекта карачаево-балкарского языка // Вопросы истории и диалектологии карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1994. С. 6.

5. *Кучмезова Л.Б.* К проблеме языковой вариантности в условиях наддиалектности // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 1(63). С. 268–172.

6. *Улаков М.З., Кучмезова Л.Б.* Особенности функционально-стилистического варьирования слов карачаево-балкарского языка // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 5(67). С. 212–218.

L.B. Kuchmezova

**SOME PHONETIC FEATURES OF DIALECTS
OF KARACHAI-BALKAR LANGUAGE AND THEIR INFLUENCE
ON THE LITERARY NORM**

In this article, phonetic features of dialects of Karachay-Balkar language are analyzed. The main criteria for their influence on the modern literary norm of words are singled out. Particular attention is paid to the archaic nature of the nationwide Karachay-Balkar language and linguistic characteristics, mainly in speech activity in certain areas of communication. The main two dialects are noted: c-dialect and h-dialect, as a source of enrichment of the vocabulary of the studied language.

Keywords: phonetic features, dialect, Karachay-Balkar language, archaism, literary language, regionalisms, variant.

*Тымыжъ Хь.Т.***ЛЪЭПКЪ ЛИТЕРАТУРЭМ И УЭРЭД ДАХЭ**

Тхыгъэр теухуаш блэкла лэщыгъуэм и 90 гъэхэм гъуазджэм кышыхъуа зэхъуэкӀыныгъэщӀэхэм, ахэр лъэпкъ новеллэ жанрым кыэгъэлъэгъуа зэрышыхъуам. Абыклэ тегъэщӀапӀэ тцӀащ кэбэрдей тхакӀуэ цӀэрылуэ ХьӀупщы МуӀед и «Хуэрэджейр мэгъагъэ» тхылыр. Апхуэдэу мыбы кышыгъэлъэгъуаш дыкӀэзыухъуреихъ дунейм, тхыдэм, цыыхухэм я псэукӀэ кыызэгъэпэщыкӀэм тхакӀуэм хуиӀэ шытыкӀэ хэхар, абы и гупсысэр урысейпсо щэнхабзэм щекӀуэкӀӀуэхугъуэхэм зэрызэдахъуэж щыкӀэр.

Зэрыгъуэзэн псалъэхэр: авангардизм, гъуазджэ, зэхъуэкӀыныгъэ, кэбэрдей литературэ, литературэ луэхугъуэхэр, новеллэ, этнографизм.

Лъэпкъ литературэм уэрэд дахэу кыыхыхъаш ХьӀупщы МуӀед и прозэр. Дыщыуэркъым прозэ щыжытӀэкӀэ, МуӀед прозаикщ, ауэ тхакӀуэм и дэтхэнэ тхыгъэми макъамэ гурыхъ щӀэтщ, цыыхубэм кыигъэщӀауэ. Абы кыпщегъэхъу и новеллэхэр щитхкӀэ, езыр зыдежъу дзапэ уэрэд цыкӀухэм я макъамэхэм псалъэщӀэхэр яхузэхилхъэ хуэдэу. Ахэр гъатхэ жыг хадэу «кьотӀепӀ, гулхъу кыызэрольэль... хуэрэджейхэр гъэгъауэ дыгъэпс шабэм хосыхъ, ходжэгухъ...». Прозэу тха мы усэ сатырхэм къапоувэ:

Май жыг ха-а-а-дэ-э-э-эм ЛатӀиф кышогагъэ...
...Узмыгъа- а-а-гъуу-у-у кыбжезыӀэр,
Хэтү щытми, кьоиж цыыхуш...¹

Гъатхэ. ГъащӀэ. ЩӀалэгъуэ. Лъагъуныгъэ. Дуней щӀэрэщӀэ... Апхуэдэу ухешэ ХьӀупщым и художественнэ дунейм. Зэ еплъыгъуэкӀэ кыпфӀошӀӀи зи хъуэпсапӀэр кыызэхулла сабийм (шyd кыыхуашэхури шыдыгуи хуашӀыжат) «жыбгъэмрэ гуфӀэгъуэмрэ кышӀахуа и нэпсым» нэхъ ӀэфӀи, нэхъ лъапӀи шымыӀэу («Хуэрэджейр мэгъагъэ» рассказым). «Дамэ тетамэ лъэтэнут» рассказым хэт лирическэ лыыхужьыр, ауэ цыыхур абы кыыхуигъэщӀакъым, итӀани пкъым лъэмыкӀыр псэм хузэфӀокӀ – нэхъыжхэм кырагъауэ патефоным игъэлу макъамэм сабиипсэр еӀэт, хъуам хегъэджэгухъри щыльгэм кырегъэувэхыж... Къримыгъэувэхыжуи хъурэ! Насыпыр кыхыи, куэди хъу хабзэкъым, зэманри хьэлъэт – зауэшхуэм иужь ильэсхэрт...

Зэман куэди дэклащ, псы Ӏэджи ежэхаш рассказым зи гугъу шищӀ лъэхъэнэм лъандэрэ, цыыхухэм я псэукӀэми зихъуэжаш. Ауэ цыыхупсэр абы шыгъуэ хуэдэуи мэхъуапсэ, нобэ ар шыдыгу зэщӀэщӀакӀэ кыпхухдэхъэхыжыну шымытми, дунейр и хабзэ ткӀийм текӀыркъым: «гъатхэ кьэс хуэрэджейр мэгъагъэ, псэр ӀэфӀыгъэ щэху гуэрхэм хуагъэуш»². Псэм шыушэ мис апхуэдэ ӀэфӀыгъэхэрщ ХьӀупщым и тхыгъэ псоми шхэпс яхуэхъужыр, уеблэмэ щынэхъыщхъэу кьэлъытапхэр.

Ауэ япэхэм дунейм и щӀэрэщӀэгъуэ гъатхэм «гугъапӀэ дахэхэмрэ гупсысэщӀэхэмрэ тхакӀуэм кыыхуихъу шытамэ, иджы гукъэкӀыжхэмрэ жэщ пщыыхъхэмрэ Ӏэпэгъу кыыхуищӀауэ и псэр ехуз, сабиигъуэм и жьэгум дишэжауэ щӀакхъуэ, чыржын хуабэхэр кыратурэ и щхъэфэм Ӏэ кыдэзылгъэу шыта лыжы-фызыжхэм я куэщӀым кырегъэхутэж». А гукъэкӀыжхэрщ кызыхэтэджыкӀыр тхакӀуэм и гъащӀэм зэгурэзэ кыыхыхъэгъа цыыху зэхуэмыдэхэр: пэжыр, зауагъэр

зыгъэнэхъапэ, нэгъуэштым и Гуэхур езым и щхьэм езылгытыф лэжъкГуэжъхэр («Хуэрэджейр мэгъагъэ», «Хьэблэ лЫжьхэр», «Бжьыхьэ уэшх»), Гэщлагьэл-хэкупсэхэр («Уэрэд»), тхьэмэдэ Гушхэр («Хьэджэт и къафэ», «ЩыхьэкГуэ», «Фызышэ»), ныбжьыщлэ хьэрэмыгъэншэхэр, Гумахуэхэр («Тенджызыр къэукъубеймэ», «Льагъуныгъэ», «Гухэльыр Гуэтэгъуейщ»).

Мы рассказхэм хэт персонажхэр я теплъэКли, хьэл-щэнКли, дуней тетыкГэкли зэщхькыым, ауэ псоми я гупсысэр зыхуэунэтлар зыщ – дэтхэнэри насыпыфГэ хьуну хуейщ. Хьэлуштым и тхыгъэхэм кызырэыхэщымКГэ, «Цыхур дунейм кышчытэхьэр насыпыфГэ хьун щхьэкГэщ». Абы хэкГыпГэ кыхуигъуэтын щхьэкГэ, тхакГуэм и гупсысэ плейтеяр, псэр имыгъэпсэхуу, мэлыхьуэ. А хэкГыпГэр ещхькыым литературэ теорием дызыхуигъэГушуу шытахэм – насыпым, псом хуэмыдэу цыхубэ насыпым, Джэримэс хуэдэу (Акьсырэ З. «Дахэнагъуэ»), хушГэкьун, ар къэзэун зэрыхуейм.

ТхакГуэм и лыхьужьхэр дунейм и къэхьукъащГэ шынагъуэхэм япэщГэувэрэ ар къагъэГурыщГэу, нарт лыхьужьхэм хуэдэу, цыхухэм мафГэ кыхуахьыжу, благъуэм иубыда псыр хуит кыхуащыжу, ахэр гьаблэм кърагъэлу шыткыым. Гъуазджэр апхуэдэ хэлэтыкыныгъэ гуэрхэм укыхуриджэу шытын хуейуэ къэзыгъэуэв философхэу Э. Берк, И. Кант сымэ я Гуэху еплыкГэри кыищтэркыым Хьэлуштым. Абы и тхыгъэхэм патетикэри зэи тепщэ щыщыркыым, и лыхьужьхэр кызырэгуэкГэ, кызырэгуэкГэ гьащГэщ зыхэпсэукГэри. Ауэ дэтхэнэми кГуэцКГэ игъэв, и псэр зыхуэпхьэр Гуэхухэм я инагъымКГэ ахэр ящхьэпрокГэ сыт хуэдэ дуней къэхьукъащГэми. АбыКли хэлэтыкГэ мэхьу тхакГуэм и художественнэ дунейр. Мыбы дышГыгъужыпхьэщ зэхэгъэкГыпГэ шытыкГэм кыхутауэ гьащГэмрэ напэмрэ хэдэн хуейуэ кызылылыкъуэкГэ цыхур зыхэт «псэзэрышхьыр» Хьэлуштым хуэдэу Гэзэу къэзыгъэлэгъуэф, сэ сызрешпльымКГэ, ди тхакГуэхэм зэрахэмытыр.

Къэзыухьуреихь псоми хуэдэу, тхакГуэм и персонажхэм къажьэхуэу къэралми жылагъуэми щекГуэкГэ къэхьукъащГэхэр, уеблэмэ наГэрыуапГэ ищГхэри къахокГэ, насыпыфГэ хьуным и пГэкГэ насыпыншэ ищГхэу. Ар цыхум и фГэфГыныгъэм зыКли епхакыым, кышщемыупщГыхэри нэхьыбэщ. Дэри апхуэдэ гупсысэКГэм десэжаши, «сыт-ГГэ пщГэнур къэралыр зауэ хэтмэ е езым и кГуэцКГэ хьэлэбэлыкъ щекГуэкГэм» жыдоГэри, ар къэзыгъэутхьуэхэр, цыхубэр бэлыхь хэзыдзэхэр гьэкъуэншэным ипГэкГэ лыхьужьыгъэ зетхьэну мафГэм дыпэрохьэ, фэрыщГэ кыхуеджэныгъэхэм дыщГэту. «Вакъапхьэ-вакъапхьэу зэхэлъщ гьащГэр. Гугъуш иКли хьэлъэщ упсэуну, узыхуейр кышщомыхьулГэм деж», – жегэ езы Хьэлуштым («Иужьрей пшынэ макъ»). КъайхьулГэркыым тхакГуэм и лыхьужьхэми я хьуэпсапГэхэр. Апхуэдэхэм деж МуГэдэ и тхыгъэхэм кыхыхьэр, дауи, гухэль уэрэдкыым иКли кызырэрыфэ пшыналъкыым, атГэ гьыбзэщ е «иужьрей пшынэ макъщ»:

Джэгум сэ сыщГэкГуэри, цыхум сащыхыхьэри
Уэ зы закъуэрэти, узигъжкыым сэ³.

МуГэдэ кыгъэщГэ образхэр къэрал е цыхубэ унафэ хэлэбэфу шымытми, езыхэм я мыарэзыныгъэр ягъэлэгъуэф, къагъэсэбэпри абыКГэ хэкГыпГэ закъуэу ялыгьтэрщ – я щхьэм тезыр тельхьэжынырщ. Мы Гэмалыр дунейпсо заутГыым я зэхуаку лэхьэнэм кьухьэпэ лъэпкъ гъуазджэм зыщызыгъуэуэ шыта модерн унэтГыныгъэ зэхуэмыдэхэм куэдрэ ушрохьэллэ, шыпсэу системэр, къэрал унафэ щыКГэр зэрамыдэр абыКГэ кърагъэлыагъуэу. Ар къагъэсэбэпаш адыгэ тхакГуэхэми (Къуекъуэ Н., Елгъэр К., Емкъуж М., Къанкъул З.), «псом хуэмыдэу хамэщГэ шыпсэу ди лъэпкъэгъухэм къахэкГэхэм»⁴. Хьэлуштым и творчествэри хуэхамэкыым авангардизмэм и хуэмэбжьымэхэми, псом хуэмыдэу тхакГуэм и хьытГэр, и бзэр («ПхузэфГэкГынымэ, кысхуэгъэгъуэ» повестым нэхь шынэрылыагъуш), ауэ абы и лыхьужьхэм фэтыджэн зытракГэу кьалэ утым деж зышагъэсыжыркыым, псыми зыхадзэжыркыым, атГэ гьащГэм кьридза удыным псэкГэ япэщГэуэ. А зэпэщГэтыныгъэ кыхьыр – гьащГэ псо зи ныбжьырщ Хьэлуштым и тхыгъэ гукъинэжхэм я нэхьыбэм лъабжьэ яхуэхуар. Псэм кызырэрымыгъэкГэ

кьару кьызэрыпкьрыкьыр, ар сыт хуэдэ тезырми зэрыпэльэщынуур тхаклуэм зыхыдегьащлэ Хьэджэт, Уэзджэрий («Хьэджэт и кьафэ»), Марусхьан, Хьэбалэ («Иужьрей пшынэ макь»), Гуащэнэху, Iэбу («ЩхьэкIуэ»), Хьэжбат («ГукьэкIыж»), Нэфьыщлэ, Аслээнлыкьу, Хьерлы, Джынэ, Кьуэнбатэ, Жансурэт, Инал, Iэятхьан («ПхузэфIэкIынуэм, кьысхуэгьэгьу» повесть) сымэ я образхэмкIэ.

Псалэм папщлэ, Уэзджэрийрэ Табыхьанрэ щIэпсэур я кьуэ закьуэрщ, «гьащIэм нэхь IэфI дыдэу хэлъу ялгытэри аращ» («Хьэджэт и кьафэ»). И кьуэр дунейм кьыщытехьам кьыщыщIэдзауэ Уэзджэрий псэуащ абы и «насыпыр зы махуэм нэхьрэ адрейм нэхь ин зерищIынуум хущIэкьуу. Хэт ищIэн, ар абы кьехьулэнкIи хьунт, зауэр мыхьуатэмэ...». Бэтмырзэ (Уэзджэрий и кьуэм) щхьэгьусэ ищIа кьудейуэ, быни ямыгьуэтауэ, зауэр кьэхьейри абы ираджащ икIи хьыбарыншэу хэкIуэдащ. Ауэ нысэ цIыкIур и дыщ кIуэжакьым, и гуащэ-тхьэмадэм кьабгьэдэнэри псэуащ, и щхьэгьусэм ежьэу. ИужькIэ Уэзджэрий езым и щхьэгьусэри дунейм ехьжри пщIантIэшхуэм кьыдэнэр льыжьымрэ «уазэрэ бзуу гьуа» и нысэмрэщ. Льыжьыр абы Iуплэху и гур хошI, «дунейм теткьым ар жылэр зэрызыгьэукIа пшынауэ Iээ Хьэджэт дахэу зэрыпщIэжын». Ар пшынауэу шытауэ жылэм иджы шызыщIэжри езы Уэзджэрий и закьуэт, сыт щхьэкIэ жыпIэмэ «Батмырзэ кьигьээжыху пшынэ емыуэну псалэ итат абы», а пIальэр гьащIэ псо и кIыхьагьыу кьыщIэкIащ. Ауэ зы пщэдджыжь гуэрым телгыджэ кьэхьуащ: Уэзджэрий жэмыр хьупIэм дигьэкIауэ кьэкIуэжрэ пэт пшынэ макь зэхихащ. Ар и пщIантIэм кьыдэлукIыу кьыщищIэм, зыхуихьынуур имыщIэу кьэуIэбжьащ: «Уэзджэрий макьамэр кьызыщIэлукI унэмкIэ нэхьхьейуэ зыкьомрэ пльащ, итIанэ таучэлыншэу абыкIэ иунэтIащ. Хьаджэт Батмырзэ щригьажьэм шыгьа лодан бостей пльыжьыр шыгьыу гьуэлгыпIэ зэльыIухам и дзакIэм тест, пшынэ еуэу»...

Гугьэр и гьащIэ гьуэмылэу псэуащ цIыхубзыр – абыкIэ Хьэджэт текIуат зауэми, ар зэхэзыублахэми, зэманми... Ар бзыльхугьэм и иужьрей кьафэт, и щхьэгьусэм щIыгьуу биишэм езыри, кьащIэхьуэну шыта щIэблэри... я насыпри зэрихьам и гьыбзэт. И нысэм кьылэпыхуа пшынэр Уэзджэрий кьыщтэжри абы и куэщIым иригьэувэжащ, «пшынэ плэпсри и дамэм фIилхьэжащ, ауэ ар зыфIилхьэжа дамэм псэ хэтыжтэкьым...»

Сыт кьыхуэнэжыр «ебгьуанэ ильэсипщIыр зэхуэдитI ирищIыкIауэ езыльэфэкI» льыжьым? Лей кьызэрытрагьэхьамкIэ хэт абыхэм я пащхьэ зыщызухеижынури, «кьытхуэвгьэгьу» кьажезыIэнури? Апхуэдэ зэрыщымыIэнури, «кьытхуэвгьэгьу» зыми кьызэрыжрамыIэнури езы Уэзджэрий фIыуэ кьыгуроIуэ. Кьыхуэнэжыр жылагьуэм, кьэралым я хьэлъэр игьэвынырщ. Ар псоми я зэхуэдэщ. Ар Iэмалыншагьэ Iуэхуш. Мыри кьухьэпIэмкIэ кьыкIа гьащIэ философиеш, Хьэлупщыр нэхь дихьэхуу. Апхуэдэуш Уэзджэрий гьащIэм зэрэплъыр, уеблэмэ нэхь Iеижи кьызыщыщIахэр шыIэщ, абыхэм зеплгытмэ, льыжьым и гур зэригьэфIын хьуаскIэхэр иджыри и пкьым кьыхэнащ: «тхьэм и шыкуркIэ и льэм зэрехьэ, и Iуэху Iыхьэ тIэкIуи ещIэф». ИтIанэ и ныбжьыр хэкIуэтами, гуаэмрэ гугьуехьымрэ кьагьэшами, Уэзджэрий гьащIэр кьылэщIэужэгьуакьым, гукьеуэри губжьри зытригьэкIуакьым. АбыкIэ льэщI Хьэлупщым кьигьэщI образхэр.

Хьэлупщым и тхыгьэхэм кьахэлукI нэгьуэщI зы макьамэми (мотив) гу лгытэн хуейуэ кьыдолгытэ. Ар цIыху щхьэхуэхэм яку кьыдэхьуэ зэхушытыкIэхэрщ, нэхь гурыIуэгьуэу жыпIэмэ, фыгьуэ-ижэм, губжьым, гузэрыдзэм, бампIэм кьыхэкIыу языныкьуэхэм ялэжь мыхьумыщIагьэхэр кьазэрыхуэбгьэгьууны щIыкIэрщ. Мы Iуэхугьуэр егьэляуэ гугьуш, адыгэ литературэм иужьрей зэманым нэхьыбэрэ кьилэт хьуахэм ящыщми. Абы шыхьэт тохьуэ МафIэдз С. и «Мыщэ льэбжьанэ», ШэджыхьэщIэ Хь. и «ЛьыщIэж», Вэрокьуэ В. и «Кьахуэзыгьэгьуфым кьыхурагьэгьу», Емкьуж М. и «Кьэдэр жэщ» романхэр. Абыхэм я сатырым хэтц Хьэлупщы МуIэдэ и «ПхузэфIэкIынуэм, кьысхуэгьэгьу» повестри.

Кьызэрыхэдгьэщаци, МуIэдэ и тхыгьэхэр нэхьыбэу зытеухуар льягьуныгьэрщ, арагьэнщ абыхэм макьамэ зэхуэмыдэхэр кьахэлукIыу щIышытри. А макьамэри

персонажым и гумрэ и псэмрэ щыхьэр зыхуэдэм елыгтащ – тхаклуэр кьыдэчэнджэщ зэпыгтщ, льягъуныгъэм псэццэ кьызэригъэщцым хуэдэ дьдэу, ар игъэныни хузэфокл, «фысакъ», кьыджиэу.

Льягъуныгъэмрэ насыпымрэ зэщыгъуу Ашэмэз и бжъамийм и зы кlapэхущ, ухуэмысакъмэ, умышъумэмэ, klapэ фыццэм – насыпыншагъэм псынщцэ дьдэу ухуишэу. Аращ повестым щцэль гупсысэ нэхьыщхьэр. Хьэлупщым и персонажхэр хахуагъэрэ лыхъужьыгъэрэ кьагъэлягъуэу лыгъэщlapлэ губгъуэм итхэкъым. Гуэху кьалыкьуэккмэ, ахэр кьиклуэтынукъым, ауэ яхуейщ насыпыфлэу псэунхэу. Абы щхьэкцэ зыгуэрэм зыгуэри паубыдыркъым: псэун, лэжъэн, льягъуныгъэ, унагъуэ щцын, я бын япъыжын. Псэ зылутым кьахуигъэщца а хабзэ нэхьыщхьэрщ абыхэм я хуэпсаплэр: «Льягъуныгъэм дигъэгущхуэу, / Си Хьэбалэ, дыпсэунщ, / Кьыздэтылэгту лэжыгъэшхуэ, / Колхоз губгъуэм дьздитынщ...»

Арщхьэкцэ цыхур кьыгъэщцуу кьыхильхьэжа хьэл мыхъумыщцэ кьомыр дэнэ пхьын?! Ар щоуэ, мэлъэпэрапэ, фыгъуэм, губжыым кьыхэклыу лей щызэрихьы, хуэпсаплэ цлуугъэнэхэм я хьым ихуэу щцэпхьаджашцэхэм щахэхуи кьохуэ. Апхуэдэхэрщ тхаклуэм и повестым дызыщылуигъащцэхэр. Абы хэт персонаж гукьинэжхэм я унагъуэ-абгъуэ цыклым лэ щцылэкцэ кьыхэлэбэхэм я зэранкцэ я насыпыр мэкьутэ, я гугъапцэ-хуэпсаплэхэри кьатошцэхэж. Повестым льягъуныгъэрщ образ нэхьыщхьэу хэтыр, ауэ абы насыпыфлэ ищцуу зы персонажи ушрихьэлэркъым, теплъэгъуэклэрэ тхыгъэм кьыхыхьэ урыс щцалэ Александрин Ипатович хэбгъэккмэ.

Гъэщцэгъуэнщ повестым и ухуэклэри. А жанрым и хабзэхэм тету, ар хэгъэщхьэхуклауэ песонаж зыбжанэм е лыхъужь нэхьыщхьэ гуэрэм теухуауэ щыткъым. Псылъэудз зэрыкым ещхьу, зы литературэ лыхъужьым и хьыбарым адреир кьыщхьэщыувэжурэ повестым и сюжетхэр кьат-кьатурэ зэтоувэ, ауэ псори йоклуэлэж Аслъэнлыкьурэ Нэфыццлэрэ я льягъуныгъэм. Пщашцэм хьэщыкьу ищца Аслъэнлыкьу абы луплъэху и нитыр кьолыд, адреири кьыхуогуфлэ. Тхаклуэм хигъэфыкцэ апхуэдэ теплъэгъуэхэм зэрынэсу и бзэми, и хьэтлми захуэж, прозэ тхыгъэр усэбзэм хуоклуэ: «И нэ пщаштитыр мэгуфлэ, и лупэ дахэхэр мэгуфлэ, и нэклущхьэ дыхьэрэнхэр мэгуфлэ, псори, псори мэгуфлэ... Нэфыццлэ!.. Нэфыццлэ!.. Нэфыццлэ дахэ! Дахэ псоми я лей!»:

Пшынэ макъри гум пфыхохьэрэ,
Сфыыхьаурэ льягъуныгъэри,
Сэ пхуэсщцатэкъэ, си Нэфыццлэ, иджы, уой!⁵

Зэгуклуа ныбжыщцэхэр насыпыфлэ хьун хуейуэщ тхаклуэм дызыпигъапльэр, ауэ еши-щхьэхы, емыклуи-еклуаи имыщцлэу Нэфыццлэ кьеуфэрэзыхь Жамболэт. Абы и нэ «удзыфэ цыклухэр убзэрт, дэхашцэрт, льялуэрт», ауэ Нэфыццлэ кьыхихар Аслъэнлыкьут. Абыхэм унагъуэ хуэпсэгъуи яхууат, япэ сабийри ялэт, етлуанэми пэплъэхэрт, ауэ я насыпыр клэщцыщцэу кьыщцэклэщ. Абыкцэ кьуаншэр льягъуныгъэ-цыхууклырщ, Жамболэт и сэфэтым иту. Жамболэт Нэфыццлэ зыщигъэгъупщэн мурад илэу зыбжанэрэ щхьэгъусэ кьышаш, ауэ ядэпсэуфакъым. «Махуэм Нэфыццлэ си нэгум щцэжкыртэкъым, жэщым хэжкыртэкъым си пщцыхьым. Гукци пэжкци сепсалэрт, и цэр жысцэу сылуэщхьурт. Ар кьыхуауэмдэу я хьэпи-шыми зэщцакьуэрти, щхьэгъусэ сщцыхэр ежъэжхэрт», – зиумысыжат Жамболэт. Иджы щцалитыр – Жамболэтрэ Аслъэнлыкьурэ – лэщым пэрыту гъэмахуэ хьунлэхэм щцылэну кьахуэдэклэщ...

Адэжцэ повестым и сюжетым зэрызиужьыну щцыкцэр кьэпщцэну гугьукъым. «Кьущхьэхуэ», «бгылэ щцыплэ», «хьушэ» щыжыплэклэ, Гуэхум лэмал имыцэу кьыхыхьэну уожьэ дунейм и кьэхьукъащцэ шынагъуэ гуэри. Апхуэдэущ повестым зэрыщыхьури. Зы махуэ гуэрэм дуней и ппалгъэ зыщцэ Аслъэнлыкьу лэщыр пщыцэм гьунэгъуу кьрихулэжаш, уэлбанэшхуэ кьызэрыклуэр кьыгурылуэри. Жамболэт ар идакьым икци унафэ хуищцэщ лэщыр луихужу иджыри игъэхьуэклуэну. Уэлбанэшхуэмрэ уэмрэ ягъэгужьея шы гуартэр щыхуцлэмкцэ щызэрыхьым, абы

пэщлэуващ Аслэнлыкью, ауэ езыр зытес шым хаклуапщлэ гужьейр бгъэклэ кьеуэри шыри тесри кыггэлыеящ. Зи гур зэгуэудауэ зи псэр хэкл шыр Аслэнлыкью кытохуэжри щлалэр щеплытлэ... Лыр кыжьэджу зи псэр хэкл Аслэнлыкью щхьэщысу Жамболэт йольэу абы кыхуиггэггуну: «Аслэнлыкью, си кьеуэшыжь, Алыхьым щхьэклэ кьаплэ! Кьызэплэ. Зэхэпхрэ? Уэлэхьы, сэ уэ жаггэуэ узмылгаггуну... Соцлэ, слээггэуащ, си нэгущлэклэщ Нэфыцлэ фыуэ зэрыплагаггуну... Ауэ пэжыр жыэн хуейщ, езыми апхуэдэу фыуэ укыльаггуну сщлаккым... Уэращ Нэфыцлэ кыыххар. Сэ абы иужьклэ хэт кьэзмышами, Нэфыцлэ хуэдэу схуэлэггэуаккым... Кьысхуэггэггуну, Аслэнлыкью».

Выгум илгэу Аслэнлыкью и хьэдэр Кьущхьэхьум кьрашэхьж. Абы щхьэщысщ гуауэм зэфылуэнтлыккэ Жамболэти. Абы и гур мэггуну, мэггумэщлэ, и нэпсхэр кыфлыщлэж, ауэ езыми кьемыдэуэж и Гуэпэхэм кьатоклэрэхьукк: «Ей, Нэфыцлэ... Нэфыцлэ... Нэфыцлэ! Сэ уэ пхуэсщлэ льяггунуыггэращ щхьэ заккэуэ льяккыуитгуну дунейм ськкытезынар». Гуауэми, гуккыутэми яхушлэхьуматэккым аддэ и гульащлэ дьдэм щлэггэпщккыухьауэ Жамболэт кьыздрихьэкк щэхур. Жамболэт и Гуэпэхэр аргуэру мэлпэжьажьэ, абы кыжьэджэклэри езым флэклэ зэхэзыхи щылэккым: «Нэфыцлэ! Сэ уэ сынощыхьэклэуэнущи, ныщхьэбэ, кхьылэ, пхуэзэфлэккынуэм, кьысхуэггэггуну...».

Кьысхуэггэггуну льялэуэ цыхум и псалгэр зэхыхьуну, зэхыхьпэми зыхащлыккыну ар зыхуэггэзахэм? А упщлэм и жэуапым дышрихьэллэрккым повестым и клэухым. Кьызэрыщлэккымккэ, «ар кышщылыггэуэн хуейр тхыггэм и пэщлэдзэрщ. Мыри тхаккэуэм и лэзаггым и нэцэнэщ»⁶. Дьзэрыщыггэуазэщи, басням кыхэхьпхьэ Гуыггэр, моралыр тхыггэм и клэухым яхь хабзэщ. Хьэлупщым ар и повестым и пэщлэдзэм ихьащ, Аслэнлыккэрэ Жамболэтрэ я Гуэху зыхэмылгуну кьыпщыхьу теплэггэуэм. Махуэ гуэрым (Гуэхур щеккэуэклэ политикэ залымыггэм и ильэхэрт) дьггэрыжьэ хьужауэ клэртлэф кьэпищ кьышщыпауэ шыдыггккэ Блиц кьыздэклэужым Хьэтлэхьунэ Гууащ. Абы и зэранккэ Блиц яггэтлысри щысат. И унэхьуггэуэр аргуэру кьэсати, бригадырым и льялэуэклэ клэртлэфыпккэр зэщлэккэуэри хьэсэм кьыхишыжат, зы наплэ кьытлатэккым, дьггэрыжьэу кьыщлэшахэрт кьышщыпар. Ауэ ар Хьэтлэхьунэ и флэщ пхуэщлэнт! Ар и заккэуэ псэурт, зыми яхэмызаггэ дьггэужьыжьу, ильаггуну, зэхихьыр иуэггэжэу, «емыккуну, еккэуэ, гуэныхьы, хьэзаби имыщлэу». Блицы кьыгурылуат етлуанэу дашмэ, кьызэрымьггэзэжыну. Ауэ, зэрыщымыггэуэуэ, Хьэтлэхьунэ клэртлэф кьэпищым и хьыбар дунейм кьыггэриггэхьаккым. Блицы ар щыггупщаккым, «япэм кьырищлэуэ щыггэр хуиггэггэури, Хьэтлэхьунэ дунейм щехьыжам и жэнэзым хэтэщ. Махуищыми кьыдэмыккыуэ дэсат пщлэнтлэм, еккэуэ фыккы зы псалгэ жимылэу...». Мыбдежым «еккэуэ фыккы зыри жымьлэн» фразеологизмэрщ нэхьыщхьэр, тхаккэуэм ар кьытхуеггэуэн адэклэ дэ дьзэрыхуейуэ Гуэхум дегупсысыжыну.

Апхуэдэщ Хьэлупщы Мулэед и художественнэ дуней гьэщлэггэуэныр, емрэ фымырэ еггэлеяуэ тккыиуэ щызэпэщлэтыр... ауэ цыхуеггэр зэи щафлэмыккэуэдыр. Гьэггунуыггэр, гушлэггэр, льяггунуыггэр адрей псоми я щхьэ щохьу абы и творчествэм. Ар нэхуш, кьабзэщ, гурылуэггэуафлэщ: «Шэджаггэуаплэм иува дьггэр мастэнэ кьудей зэрыщлэпхьумэн пшэ зэрымыль уэгунуэщым кьаггунуфыккэ... Дэнэклэ уккэуэми, зыбггэзэми, уэсщ, нэм кьыщлэлыдэу...» Ауэ езы тхаккэуэм зэрыжылэщи, «мазэ пэтрэ дьрккэуэ телыщ», гьащлэм ахэр мымащлэу цыхуэпсэ мелуанхэм кьатренэ. Пээм и фэбжьхэр трилэщлэккыну, узыр яхуиггэщэбэну хэтщ Хьэлупщым и прозэр, льяггунуыггэ маккэуэм дахэхэмрэ гьэггунуыггэ псалгэ лэфлэхэмккэ.

Теггэщлэплэхэр

1. *Хьэлупщы М. Хуэрэджейр мэггэаггэ. Новеллэ // Хуэрэджейр мэггэаггэ. Налшык: Эльбрус, 2003. Н. 13 (Хуантшев М. Цветение абрикосового дерева. Новелла // Цветение абрикосового дерева. Нальчик: Эльбрус, 2003. С. 13).*

2. Ар дьдэм. Н. 7. (Там же. С. 7).
3. ХьэГупцы М. Хьэджэт и къафэ. Новеллэ // Хуэрэджейр мэгъагъэ. Налшык: Эльбрус, 2003. Н. 22 (Хаупшев М. Кафа Хаджета. Новелла // Цветение абрикосового дерева. Нальчик: Эльбрус, 2003. С. 22).
4. Тимижев Х.Т. Историческая поэтика и стилевые особенности литературы адыгского зарубежья. Нальчик: КБИГИ, 2006. С. 246.
5. ХьэГупцы М. ПхузэфIэкIынымэ, къысхуэгъэгъу. Повесть // Хуэрэджейр мэгъагъэ. Налшык: Эльбрус, 2003. Н. 161 (Хаупшев М. Прости, если сможешь. Повесть // Цветение абрикосового дерева. Нальчик: Эльбрус, 2003. С. 161).
6. Хавжокова Л.Б. Художественное осмысление темы Кавказской войны и махаджирства в адыгской поэзии. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2016. С. 163.

Х.Т. Тимижев

НОВЫЕ МОТИВЫ В КАБАРДИНСКОЙ ПРОЗЕ

В статье рассматриваются новые веяния в литературном процессе 90-х годов XX века, и, в их контексте, тенденция национальной новеллистики на глубокое проникновение в гущу исторических, социально-нравственных перемен нового времени на примере сборника рассказов «Цветение абрикосового дерева» известного кабардинского прозаика М. Хаупшева. Здесь также рассмотрены особенности топологического восприятия окружающего мира автором. Обращается внимание и на проблему этнических трансформаций ценностной системы, формирующейся в ходе развития общероссийского культурного контекста.

Ключевые слова: авангардизм, искусство, тенденция, кабардинская литература, литературный процесс, новеллистика, этнографизм.

Kh.T. Timizhev

NEW MOTIVES IN KABARDIAN PROSE

The article considers new trends in the literary process of the 1990s, and, in their context, the tendency of national short stories to deep penetration into the midst of historical, social and moral changes of the new time, as an example of the collection of stories «Flowering of apricot tree» by the famous Kabardian prose writer M Haupshev. Features of topological perception of the surrounding world by the author are also considered here. Attention is also drawn to the problem of ethnic transformations of the value system that is being formed in the course of the development of the all-Russian cultural context.

Keywords: avant-gardism, art, tendency, Kabardian literature, literary process, novellistics, ethnography.

Р.А. Керимова

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС И СПЕЦИФИКА НОВОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕЧЕНИЯ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ АВТОРОВ

В данной статье исследуются критерии взаимодействия национальных поэтических традиций народов Северного Кавказа и проблемы трансформации базовых ценностей в условиях современной культурной универсализации. В процессе работы выявлены специфические особенности новейшей карачаево-балкарской поэзии в аспекте организации общего российского литературно-поэтического процесса.

Ключевые слова: идеология, ментальность, этническая модернизация, новейшая карачаево-балкарская поэзия.

В последние годы все более прочные позиции занимают поиски оснований единства культурного пространства Северного Кавказа. Фактически споры на эту тему ведутся лишь в рамках схожести эстетического сознания народов региона, понимания консолидированной ментальности этносов Северного Кавказа, что вполне вероятно имеет достаточную идеолого-политическую подоплёку в условиях обострения межнациональных отношений.

Однако видимая со стороны культурная монолитность Северного Кавказа далеко не так неоспорима при взгляде «изнутри», по крайней мере, с точки зрения развития этнических поэтических школ, что, кстати, отмечалось некоторыми исследователями как в советский период, так и в новейшее время¹. К слову, советское литературоведение за народами региона закрепило единое определение «новописьменных», что, конечно же, верно лишь с точки зрения функционирования тех или иных алфавитов.

Если кабардинская, черкесская, абазинская, карачаевская или балкарская поэтические традиции имели сжатые этапы общественно-модернизационного просветительства², то история литературы некоторых народов Дагестана простирается на сотни лет назад.

В дальнейшем, после утверждения советской власти, это социально-заостренное свойство художественного мышления сыграло огромную роль в становлении и развитии советской северокавказской поэзии, позволив национальным авторам достаточно быстро и безболезненно преодолеть стадию так называемого классово-идеологического искусства, при том, что исходная точка формирования была полностью интегрированной (на концептуальном уровне) в общем потоке русской советской поэзии. Это обусловлено благодаря полному соответствию конфликтной модальности национального поэтического мышления в его аутентичных формах «официального» идеологического искусства первых лет советской власти.

После смягчения советского режима примерно в 50-х гг. XX века восстановилась эстетическая и мировоззренческая многоукладность, и когда к концу 1980-х гг. распались цензурные запреты, произведения многих советских авторов, прежде публиковавшихся только в самиздате, стали появляться в открытой печати. Число писателей, так или иначе вносящих на сегодняшний день практический вклад в отечественную поэзию, существенен.

Среди современных авторов последних десятилетий наблюдается характерность интроверсии, замкнутости в своем внутреннем мире, где чувства и ощущения превалируют над объективной реальностью. И чаще всего это проявляется в поликультурности, многоязычии и многостилии. Следовательно, язык современной поэзии – это метаязык, включающий в себя множество разных языков. В стихотворный текст вводятся элементы обыденной речи, сложный культурный подтекст, мифологические, реально-исторические персонажи. Но данному факту есть логическое объяснение, заключающееся в инокультурном влиянии, которое стремится подчинить своему господству, коммерциализировать и коммодифицировать все идеи и материальные продукты.

Российские поэты нового времени условно разделены на традиционалистов и авангардистов. Данные разграничения были сделаны в связи с существованием неких идеологических табу и путаницы в терминологии. Истинных поэтов-традиционалистов, конечно, немного и здесь важно суметь провести границы между умелым рифмачом и одаренным художником³. При написании стихотворного текста недостаточно, чтобы оно одинаково читалось справа налево и слева направо, суть в том, чтобы палиндром (даже однострочный) имел смысл, образ, музыкальное звучание. Безусловно, современный свободный стих испытывает значительный коллапс, и чаще всего он низведен до уровня плохой короткой прозы, разбитой на строфы.

В рассмотрении проблематики новописьменных литератур, несомненно, нужно учитывать межрегиональную тесную взаимосвязь между регионами Северного Кавказа, где граничат разные культуры и в совокупности определяют лицо актуальной северокавказской письменности. Современный отечественный литературный процесс немислим вне связей. Именно синтез национальной и северокавказской в контексте российской, образуют в итоге общероссийскую мгнонациональную литературу.

Относительно современной карачаево-балкарской поэзии можно отметить, что на сегодняшний день нет должной освещенности данной темы. Актуальность проблематики нового поколения авторов заключается не только в необходимости его объективного исследования, она требует результативного алгоритма и доказательного обоснования важнейших критериев направленных на выявление специфики нового поэтического течения в период техногенных цивилизаций и трансформаций общественного сознания.

Вообще рассуждать о молодых поэтах как о состоявшихся в литературном мире творческих личностях всегда рискованно, но для нас представляется возможным говорить, что на сегодняшний день существуют такие авторы младшего поколения как Айшат Кущетерова (1977), Шамиль Аппаев (1988), Амина Газаева (1993), Диана Рахаева (1994), Науруз Байрамкулов (1993) и немного постарше вышеперечисленных – Артур Баккуев (1967), Жаухар Локьяева (1970), Люба Ахматова (1970), которые открывают новую страницу в истории карачаево-балкарского стиха.

В художественном творчестве нового поколения карачаево-балкарских авторов, несмотря на все большую популярность гибких синтетических форм, которая применяется поэтами и писателями современности, превалирует ориентация к национальной художественной традиции. Понятие «национальный характер» до сих пор актуально в авторском самосознании⁴, которое включает в себя дефиницию поиска смысла жизни и духовно-нравственных ценностей в системе общественных отношений. Например: //О, Къарачай-Малкъар тауларым, Кёзлени къамата къарларын! Жигитле, залимле уланла! / Намыслы, адетли тау къызла!//⁵.

О, мои Карачаево-балкарские горы! Ваши снежные вершины ослепляют! Прекрасны джигиты! Воспитанные скромные горянки! (подстрочный перевод наш – К.Р.).

Или:

// Кюн кѳрмеген кюн кѳрсе, / Кюнюнѳг кѳарангы болур. / Ит юрмей, тюлюк юрсе, / Жашау хыйлядан толур//⁶. Не выдавший солнца увидев его, затмит твое. Если вместо собаки залает лиса, Жизнь наполнится обманом (подстрочный перевод наш – *К.Р.*).

Наблюдаемая в карачаево-балкарском поэтическом течении тенденция обращенности к традициям, старшему поколению авторов, на наш взгляд, связано с организацией современного национального и гражданского самосознания, где первостепенное значение имеют определение собственно этнической и религиозной идентичности, ощущение принадлежности к исламскому миру. Вышеупомянутая религиозность молодежи нашла свое отражение в поэзии Д. Рахаевой «Минг кере шукур Аллахыма!» (Тысячу раз благодарю Аллаха!), А. Газаевой «Аллах шагъат!...» (Аллах свидетель), Ш. Аппаева «Аракъы бла ушакъ» (Беседа с алкоголем), где поиски Бога в мире, а в первую очередь в себе, становятся краеугольной задачей авторов⁷.

Устремленность молодежи Кавказа к исламу является основой, сопутствующей духовному совершенствованию и нравственному развитию, ведущей к сохранению национальных ценностей. Отсюда изолированность карачаево-балкарского поэтического мейнстрима от болезней поэзии постмодернизма.

Примечания

1. *Тхагазитов Ю.М., Керимова Р.А.* К методологии целостного изучения северокавказской традиционной культуры в условиях глобализации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 10–3(64). 2016. Тамбов. С. 54–57.

2. *Толгуров З.Х.* В контексте духовной общности. Нальчик: Эльбрус, 1991. 280 с.

3. *Керимова Р.А.* Основные тенденции современной карачаево-балкарской поэзии в контексте развития общелитературного процесса новое поколение авторов в карачаево-балкарской поэзии в контексте глобализации // Устойчивое развитие: проблемы, концепции, модели. Материалы Всероссийской конференции с международным участием, посвященной 75-летию председателя ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», доктора технических наук, профессора П.М. Иванова. 2017. Нальчик. С. 228–230.

4. *Керимова Р.А.* Эволюция художественного самосознания и символа в балкарской поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7(62). Часть 1. Тамбов. С. 27–29.

5. *Рахаева Д.* Къадарны этегинде. Стихи. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2014. С. 26.

6. *Ахматова Л.* Тилек. Стихи. Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 2013. С. 105.

7. *Керимова Р.А.* Основные тенденции современной карачаево-балкарской поэзии в контексте развития общелитературного процесса // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2017. № 2(33).

R.A. Kerimova

LITERATURE PROCESS AND THE SPECIFICITY OF THE NEW POETIC CURRENTS IN KARACHAY-BALKAR AUTHORS

This article examines the criteria of cooperation of the national poetic traditions of the peoples of the North Caucasus and problems of transformation of basic values in the conditions of modern cultural universalization. In the process, identified the specific characteristics of the modern Karachay-Balkar poetry in the aspect of the organization General of the Russian literary process.

Keywords: ideology, mentality, ethnic modernization, the latest in Karachay-Balkar poetry.

Л.Б. Хавжокова

**РЕТРОСПЕКТИВНЫЕ РЕФЛЕКСИИ В РОМАНЕ-ПОЭМЕ
«ЦАРСКАЯ ЛЮБОВЬ» («ГУАЩЭНЭ») Л. БАЛАГОВОЙ**

В статье представлено исследование романа-поэмы «Царская любовь» («Гуащэнэ») Л. Балаговой. Основное внимание уделяется ретроспективному осмыслению страниц истории, художественному воссозданию образов исторических личностей, главным из которых является образ Марии Темрюковны Идаровой. В статье выявляются особенности композиции, сюжета, доминирующих идейных и мотивных линий произведения.

Ключевые слова: ретроспективная рефлексия, роман-поэма, история, царь, царица, единение, индивидуализированный образ, Кабарда, Россия.

В настоящее время в разных кругах общества ведутся бесконечные споры относительно исторического факта присоединения Кабарды к России, о кабардино-русских взаимоотношениях, начиная с XVI века и заканчивая современностью. Историки, политики, общественные деятели, люди разных профессий и сфер деятельности и в наши дни дискутируют по поводу содержания и значения союза, заключенного между Кабардой и Русским государством летом 1557 года. По верному замечанию ученого-историка К.Ф. Дзамихова, «в свете последующего политического развития те взаимные обязательства, которые были приняты на себя политическими верхами России и Кабарды в 1557 г., рассматриваются иногда как недостаточное правовое основание вхождения Кабарды в состав Российского государства. Но они открыли собой эпоху прочного, хотя порой и трагически неоднозначного соединения исторических судеб России и Кабарды, России и всех адыгов, России и народов Северного Кавказа»¹. Он же интерпретирует характер установившихся в XVI веке кабардино-русских отношений, прослеживая их развитие в динамике, параллельно подчеркивая «особый статус» Кабарды из всех национальных окраин, взаимодействовавших в то время с Москвой. В частности, К.Ф. Дзамихов отмечает «покровительственный характер союза 1557 года. <...> Хотя по форме договор и был наделен атрибутами вассалитета, установившиеся отношения были защитно-покровительственными, базирующимися на признании взаимных прав и обязанностей. Кабарда «служит», но служит, будучи «в обороне». Москва обязана ее оборонять»².

Как говорится в известной поговорке, «история не терпит сослагательного наклонения». То же самое утверждается и автором произведения, которому посвящено настоящее исследование:

*Нэхъ къару къыхильхьакъэ Тхъэшхуэми
Тхыдэм?! Бгъэсми сыкъым, пхуэукIкъым,
Пэжыр Нэхуу къыплъохъэ нэхуцым,
Тхыдэм лъэпкъхэр нэхъ лъэцкIэ зэхидзкъым³.*

Не правда ли, что Всевышний наделил силой
Историю?! Ни сжечь, ни истребить,
Правда Светом приходит на рассвете,
История не разграничивает народы по их мощи.
(Пер. подстр.)

Невозможно изменить факты прошлого, однако немаловажными представляются способы осмысления и формы интерпретации исторических событий. Обозначенная выше тематика присоединения Кабарды к России в кабардинской литературе (да и во всей адыгской литературе в целом) нашла лишь небольшое освещение. Одним из первых ярких примеров художественного воспроизведения этой темы является историческая драма в шести действиях «Навечно» («ИгъащӀэкӀэ», 1956) Аскерби Шортанова, написанная к 400-летию единения Кабарды и России. Пьеса была дебютирована в Москве в 1957 году и имела значительный успех, обусловленный, на наш взгляд, тем, что главная мотивная линия произведения была ориентирована на акцентирование положительных сторон военно-политического союза между Кабардой и Россией – «дружба народов», «взаимообогащение культур», «единение», «сплочение», «поддержка», «покровительство» и т.п. Другими словами, пьеса А. Шортанова была таврирована временем ее создания и отвечала существовавшей «теории бесконфликтности». Именно эти факторы в синтезе с действовавшей в ту эпоху идеологией сформировали идейную направленность пьесы «Навечно».

Особенность произведений, появившихся на свет после драмы «Навечно» и посвященных указанной теме, заключается в том, что в них на первый план выдвигаются не столько политические и социальные мотивы, сколько осмысление судеб ярких исторических личностей, в частности, ГуащӀэней (ГуащӀэнэ, Кученей, при крещении – Мария) Темрюковны Идаровой. Воссозданию ее величественного образа посвящена, например, поэма Инны Кашежевой «Лицом к истоку (репортаж из шестнадцатого века)». Сквозь призму художественного воспроизведения судьбы горянки, ставшей российской царицей, в своей поэме И. Кашежева подчеркнула бессмысленность бесконечно дискутирующих между собой ретроспективных рефлексий современности о событиях XVI века, в котором мы – потомки адыгов, установивших союзнические отношения с Россией в том далеком прошлом, – «не чужие», то есть мы также связаны с историей и ответственны перед ней, как и перед своей эпохой:

*Близится нашего века вершина,
В завтрашний день устремлен человек.
Но... заиграла бессмертная пиана
И возвратила в шестнадцатый век.
Мой современник!
Мы там не чужие,
В сабельном том столкновении дней:
Стала Марией в далекой России
Дочь кабардинской земли – Кученей^А.*

В более обширном плане к увековеченному образу и жизни Марии Темрюковны обратилась кабардинская поэтесса Любовь Балагова в романе-поэме «ГуащӀэнэ»*, название которой в русском переводе прозвучало как «Царская любовь»**.

В аннотации, открывающей книгу «ГуащӀэнэ», указана актуальность, новизна и художественная ценность произведения, предварительно определена авторская позиция в осмыслении истории адыгов в целом и судьбы ГуащӀэней (Марии) Темрюковны, в частности: «Образ героини представлен в новом свете, в отличие от предыдущих описаний Марии Идаровой как дикой, необразованной и своенравной... Напротив, она духовная, цельная натура, обладающая сильной волей, позволившей молодой кабардинке добиться уважения русского царя и его окружения»⁵.

* Автором произведения ГуащӀэнэ иногда приводится как имя нарицательное со значением «царица».

** На кабардино-черкесском языке книга «ГуащӀэнэ» вышла в 2005 году (Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2005. 160 с.). В 2007 году был издан ее перевод «Царская любовь» (Пер. Н. Переяслова. М.: Общество дружбы и сотрудничества с зарубежными странами, 2007. 182 с.). Позже книга вышла в США.

В действительности, в романе-поэме Л. Балаговой создан образ величественной и мудрой не по годам черкешенки и русской царицы в одном лице.

Важно отметить, что образ Марии в романе-поэме «Гуашэнэ» несколько не гиперболизирован: в ней изображены реальные черты характера, внешности и духовного мира героини. Автор признается, что при воссоздании образа Марии Темрюковны ею двигали не патриотические чувства, побудившие к «возвеличанию царицы», Л. Балагова всего лишь была вдохновлена «аристократизмом, светлым умом, глубокой духовностью, [которые] в сочетании со свободой делали ее [Марию. – Л.Х.] уникальной и сложной»⁶. У автора была лишь одна мотивация – «история царицы должна была быть рассказана»⁷. Тот факт, что при написании романа-поэмы «Гуашэнэ» Л. Балагова не руководствовалась лишь одной этнической принадлежностью с Марией Темрюковной, подчеркивается и в самом произведении:

*(Си гум хэти цызэхуэдэци,
Сэ лъэпкъ зэхэдзи сымыщыху,
Солъагъур фьуэ хэт и хуэди,
Хэт хьэлъэ ихьри сфлэгуэжуц)⁸.*

*(В моем сердце все равны,
Я не разграничиваю [людей] по национальности,
Люблю всех без исключения,
Разделяю тяжелую долю каждого).*
(Пер. подстр.)

Несмотря на то, что в основу романа-поэмы «Гуашэнэ» положены реальные события XVI века и она написана по архивным материалам и документам, главный идейный замысел произведения ориентирован не на воспроизведение истории народа и страны, не на осмысление политической обстановки в Кабарде и Русском государстве в описываемую эпоху (хотя эти мотивные линии также являются одними из главных в произведении, без которых невозможно было бы создать цельный сюжет), а сосредоточен на личности и судьбе Марии Темрюковны. Подтверждением этому служат также хронологические рамки, охватывающие сюжет романа-поэмы – 1561–1568 гг. – время супружества Марии и Ивана Грозного. Другими словами, в указанные рамки не укладывается военно-политический союз 1557 года, т.е. политические вопросы не являются идейной базой произведения, оно направлено на правдивое воссоздание образа значимой исторической фигуры и ее окружения.

В романе-поэме «Гуашэней» образ Марии воспроизведен прежде всего сквозь призму ее этнической принадлежности. В этом и заключался главный художественный замысел автора: «Когда у меня возникло желание написать о Гошаней, – говорит Л. Балагова, – я поставила перед собой задачу рассказать о ней не столько как о царской жене – меня это интересовало меньше всего, – сколько как о черкешенке, которой суждено было покинуть родину и принять иную духовную культуру. Эта девочка была настолько чиста и глубока, что заслуживала отдельного повествования, независимо от ее социального ранга...»⁹. В произведении Мария Темрюковна представлена как гордая и смелая горянка:

*Хуэдэу цIалэм, псэ мышынэци,
Пацтыхь Гуацэ флэкл умыщIэу*

*Пагэц... псалъэрейкъым! Кууц
И гупсысэр укьигъацтэу...*

<...>

*– Клэ цымыгътэм хьунут пашэ, –
Жулэу адэр мэлуцацэ...¹⁰*

Храбрая, словно мужчина,
Подобно царице,

Горда... молчалива! Глубоки

Ее мысли на удивленье...

<...>

– Не будучи в юбке*, стала бы предводителем, –
Шепчет про себя отец...

(Пер. подстр.)

Мудрость и храбрость царицы-черкешенки признавали даже те, кто пытался осквернить ее доброе имя. Так, один из представителей семьи Юрьевых в споре с митрополитом Макарием говорит: «*Бгырыс бзылхугъэр и акъылкІэ Іуциц! / Марие игъэделэфам уаццыциц! ... / Абы плъэгъуакъым и шейтІан къикІауэ! / Шым я нэхъыфІым тесу къыдэкІауэ! <...> / ЦІыхубзкъым ар! – ЗауэлІ шууей лЫукІуц!*»¹¹ – «Горянка мудра умом! / Ты из тех, кого Мария смогла одурачить! ... / Ты не видел ее в бешенстве! / Выезжающей на самом лучшем скакуне! <...> / Не женщина она! – Конный воин-палач!».

На момент вступления в брак Марии Темрюковне исполнилось всего пятнадцать лет, но, несмотря на юный возраст, она в полной мере осознавала ответственность, возложенную на нее родными и близкими, а также всем адыгским народом. Автор произведения подчеркивает, что Гуашэней (Мария) – прежде всего дочь народа, нежели Идаровых дочь: «*Гуашэней псом япэ зи пхъур / Идарытцыркъым-тІэ, лъэпкъыриц!...*»¹². – «Гуашаней изначально является дочерью / Не князя Идарова, а народа!..».

В разных источниках встречается интерпретирование брака Ивана Грозного и Марии Темрюковны как политического союза. В подобном утверждении есть лишь доля правды. Она заключается в том, что до знакомства с будущей царицей царь искал супругу и союзника в одном лице. Своему окружению, подбивавшему ему новую невесту после смерти первой жены Анастасии, он сказал:

*Ди пацтыхъыгъуэми къыхъэну
ГуашэциІэу къысхуэвгъэфэцар
Сэ си гум дауикІ ирихъынууц!
...Ауэ мы зыми фегупсыс:
Ди къэрал Іуэху зи къышынгъуэр
Хурехъу къалэным курыкупс,
Къыдгуэувэн къэрал къэфлъыхъуэ...¹³*

Новая царица, выбранная вами
Для вступления в наше царствование,
Несомненно, мне понравится!
...Но подумайте об одном:
Пусть нестабильное состояние нашего государства
Станет основным критерием для этого дела,
Найдите нам страну-союзницу.

(Пер. подстр.)

Но, увидев прекрасную черкешенку, царь был поражен ее красотой и при жеманстве на ней им управляли не только политические интересы, на первый план выдвинулась симпатия к избраннице, а затем и любовь:

*Іуан фІэдахэц хабзи бзыпхы
Ілгъагъур псори дыгъэ бзыгы!
– Къэрал унафэр – ар зы Іуэхут!
Мыр тхъэлухудиц, си Тхъэшхуэ, нэхуц!*

* Имеется в виду «если бы не родилась женщиной».

*Гупсысэ и гур зыгъэтхъар
Иджы унафэкIэ щитхъащ¹⁴.*

Ивану нравятся манеры [Марии. – Л.Х.],
Все созерцаемое подобно ясному солнцу!
– Дела государственные – это одна сторона [дела]!
Она прекрасна, мой Господь, светла!
Чувства, поразившие его сердце,
Теперь он утвердил указом*.

(Пер. подстр.)

На протяжении всего восьми лет супружества Мария была верной спутницей. Царь посвящал ее даже в тайны государственной важности, советовался с ней по вопросам царствования. Именно по совету царицы была впервые создана опричнина. Однако при всем уважении и любви Ивана Грозного к Марии, ей выпала тяжелая доля – принятие другой веры, жизнь на чужбине, потеря двух детей, жестокие припадки супруга и ранняя смерть: «ЩыпIэ жыжъэжъым ущыIэу, / Шы пхъащэм убгъэдэсыныр / Уэ уымымафIэу хуэдэщ мафIэишхуэм уисыным, / Гур кърисыкIрэ уи псэ абы дэкIэкуакур / УфIэпсэкIуэду... / Шэкъым... илэкъым кIуанIэ!»¹⁵. – «Находясь вдали от родины, / Жить со строгим мужем / Подобно тому, что ты горишь не своим, а чужим большим пламенем, / Горящее сердце и дрожашую вместе с ним душу / Жалея... / Нет... нет... выхода!».

Марии было ненавистно ее положение царицы, которому многие позавидовали бы. Но она изначально не желала подобного «счастья»: «Сэ пацтыхъ лъапси къэслъыхъуакъым, / Чэщанэ хужсьи сыхуэмейт, / А дыцэ таж къызагъэпцари / Пэхъунт си хэку и щIы хъурейм?»¹⁶. – «Я не искала царских владений, / Не желала белых замков, / Та золотая корона, которую мне примерили, / Сравнилась ли бы с моей родной землей?». Царскую корону она воспринимала как оковы, которые с каждым днем сужались и давили на нее:

*Си натIэм сфIоцI зыкъыхэбукIэ,
Пацтыхъ Щхъэгъусэ сызыцI таж,
Банэ уэрдыхъу зи нэзыр лъыкIэ...
Зи хъэлъэр гуцIэм сыну щыж...¹⁷*

Мне кажется, ты вонзаешься в мой лоб,
Корона, делающая меня царицей,
Обруч с шипами и окровавленными краями...
Чья тяжесть застывает в сердце словно могила.
(Пер. подстр.)

Марии труднее всего было смириться с тем, что она, хотя и не по своей воле, «изменила» собственной национальной идентичности, вере своих предков, в результате чего потеряла себя. Размышляя о своей жизни, она пришла к тому, где было положено начало ее собственного конца в прямом и переносном смысле этого слова:

*Хэт кысхуэпэжми сщIэжыркъым,
Сыхамэщ, сыхамэжъэгущ,
Сыадыгэжкъым...
Пэжкэ?..
Сызихэтри нэхъ гуауэжщ!..¹⁸*

Уже не разбираюсь в том, кто верен мне,
Я чужая, у чуждого очага,

* Имеется в виду, что решил оформить официальный брак.

Я больше не черкешенка...

Верно же?

Печальнее то, кем являюсь!..

В романе-поэме «Гуашэнэ» Л. Балагова реализовала все художественные замыслы, обозначенные в аннотации к книге, т.е. показала достойные качества личности Марии Темрюковны и положительные стороны ее судьбы, не утаивая при этом подробности короткой и тяжелой жизни царицы. В произведении представлен индивидуализированный образ главной героини, как изначально было задумано автором: «Мне всегда было жаль тех, кто пытался ее [Марию. – Л.Х.] очертить в схему или подобрать к ее образу ящичек. В ее случае это невозможно! Помимо всего прочего, она была красоты необыкновенной»¹⁹, – отметила Л. Балагова в одном из интервью.

Следует отдельно подчеркнуть структурно-композиционные особенности романа-поэмы «Гуашэнэ». Она состоит из части «Вместо предисловия», пяти глав, посвященных последовательным хронологическим периодам, и «Заключительного слова». Важную роль в произведении играют авторские отступления-рассуждения, в которых Л. Балагова не только поясняет некоторые детали, но и выражает свое отношение к происходящему.

Кроме главных героев, в романе-поэме представлено большое множество реальных исторических персонажей: жанеевский князь Сибок Кансауков с сыном Кудадеком и братом Ацымгуком, бесленеевский князь Маашук Кануков и абазин Иван Езбоздуков, а также окружение царя Ивана Грозного: Андрей Курбский, Михаил (Солтан, Солтанук) Черкасский, Семен Мякинин, Данила Юрьев, Федор Вокшерин, Иван Бельский, митрополит Макарий, родня первой супруги царя Анастасии Захарьиной и др. В произведении в лице простого народа также представлено массовое сознание, воспроизводимое в безликих образах (их реплики приводятся под названием «народ», «первый», «второй», «один», «другой» и т.п.) и образах блаженных. Устами последних автор воспроизводит «горькую правду» царствования Ивана IV. Так, один из блаженных – Николка – напророчил трагичное супружество Марии с царем-тираном. Он многократно, как припев песни, повторял фразу:

*НысацIэ фIыкIэ чэнджэщам
И кIуэддыжыгьуэрцI зэлушщар!*

Иуан цIыхул шихыжу хьунуц²⁰!

Невеста [Мария. – Л.Х.] своими добрыми советами
Лишь навлекла на себя беду!

Иван станет людоедом!

(Пер. подстр.)

Народ предсказывал то же самое: «*Мы гьэм дэ дилыцI Иуаным ирифьунур²¹!*». – «В этом году Иван будет питаться нашей кровью!», – говорила одна пожилая женщина другой.

В целом, оригинальность романа-поэмы «Гуашэнэ» заключается в том, что представляет собой своеобразную этнографическую энциклопедию, включающую в себя все каноны «Адыгэ хабзэ». В частности, детальному художественному освещению подверглись правила воспитания девушек с юных лет, законы дворянства (уэркыгьэ), гостеприимство, мужество, верность слову, почитание старших и другие элементы ментального мира адыгов. Можно согласиться с мнением К.Н. Паранук о том, что «в основу художественной концепции романа Л. Балаговой

положена идея адыгства, адыгского кодекса чести, как стержневой элемент духовно-нравственной проблематики романа»²².

Таким образом, наивысшая ценность романа-поэмы «Гуашэнэ» заключена в глубоком осмыслении, правдивом воссоздании и оригинальной художественной интерпретации страниц истории народа и страны в лице одной значимой личности воспроизводимой эпохи.

Примечания

1. *Дзамихов К.Ф.* Адыги: веки истории: Адыги: веки истории; Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.); Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв. (исследования и материалы); Отечественная историография социально-экономического строя Кабарды в прошлом; Вместо заключения. (Историческая серия). Нальчик: Эльбрус, 2008. С. 437.

2. Там же. С. 461.

3. *Бэлагъы Л.* Гуашэнэ (Марие Темрыкъуэ и пхъумрэ Иуан БзаджашЭмрэ я тхыдэ 1561–1568): Роман-поэмэ. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (Полиграфсервис и Т), 2005. С. 159.

4. *Кашежева И.И.* Лицом к истоку: новые стихи и поэма. Нальчик: Эльбрус, 1986.

5. *Бэлагъы Л.* Гуашэнэ... С. 2.

6. Газета Юга. № 2 (879) от 13.01.2011.

7. Там же.

8. *Бэлагъы Л.* Гуашэнэ... С. 46.

9. *Люба Балагова.* «Царская любовь» (в переводе Николая Переяслова) – Лауреат премии «Литодрама» // <http://a-sult-h.livejournal.com/1202649.html> (дата обращения: 26.09.2017).

10. *Бэлагъы Л.* Гуашэнэ... С. 64, 65.

11. Там же. С. 126.

12. Там же. С. 66.

13. Там же. С. 30.

14. Там же. С. 78–79.

15. Там же. С. 145.

16. Там же. С. 135.

17. Там же. С. 136.

18. Там же. С. 152.

19. Газета Юга № 2(879) от 13.01.2011.

20. Там же. С. 119.

21. Там же. С. 121.

22. *Паранук К.Н.* Роль адыгского этикета в художественной структуре романа Любы Балаговой «Царская любовь» // <http://www.rospisatel.ru/balagova.htm> (дата обращения: 26.09.2017).

L.B. Havzhokova

RETROSPECTIVE REFLECTIONS IN THE ROMAN-POEM «TSAR'S LOVE» («GUYASCENE») OF L. BALAGOVA

The article presents an investigation of the novel-poem «Tsar's Love» («Guascene») of L. Balagova. The main attention is paid to the retrospective comprehension of the pages of history, the artistic reconstruction of the images of historical personalities, the main one of which is the image of Maria Temryukovna Idarova. The article reveals the features of the composition, the plot, the dominant ideological and motivational lines of the work.

Keywords: retrospective reflection, novel-poem, history, tsar, queen, unity, individualized image, Kabarda, Russia.

Б.А. Берберов

**НРАВСТВЕННЫЙ КОДЕКС СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦА
(на материале карачаево-балкарской поэзии выселения)**

В статье рассматривается система архетипических фольклорных формул, составляющих этическое ядро карачаево-балкарской поэзии выселения. В результате анализа выявлены 4 основные фольклорные формулы, связанные с верой в Бога, надеждой, трудом и терпением.

Ключевые слова: фольклорная формула, пословица, поэзия выселения, мотив, нравственный кодекс, вера, надежда, труд, терпение.

Драматическими и трагическими страницами, к сожалению, отмечена история каждого народа на земле. При этом в целях физического и духовного противостояния вызову судьбы коллективным народным сознанием вырабатывается определенный морально-этический кодекс, как правило, воплощенный в формат пословиц, поговорок, ситуативных афоризмов. Затрагивая эту тему, русский фольклорист А.П. Аникин пишет: «Пословица – это обобщенная мысль народа, выраженная в краткой поэтической форме и обладающая самостоятельностью полного и законченного суждения. Пословицы вмещают в свои предельно краткие формулы социально-исторический и житейско-бытовой опыт народа как целого, многотысячного трудового коллектива. Если пословица гневается – это гнев народа, смеется – это смеется народ, казнит сарказмом и иронией – это его сарказм и ирония, сокрушается и печалится – это печаль народных масс, их душевная боль. Знание пословиц позволяет судить об отразившейся в них истории народа, о народном языке и о национальном характере»¹.

Фольклорно-художественная система северокавказских народов богата устойчивыми архетипическими мотивами, которые используются в момент, когда «история выходит из берегов». Таким экстремальным периодом для карачаевцев и балкарцев (как и для других репрессированных народов) стало многолетнее пребывание в статусе изгнанников в Казахстане и Средней Азии в середине прошлого века. В этой ситуации сработал, на наш взгляд, инстинкт не только физического, но и духовного самосохранения, получивший реализацию в этических максимах, которые выполняют ориентирующую, мобилизационную функцию в тяжелейших условиях.

Для решения указанной научной проблемы нами был исследован ряд фольклорных и авторских произведений (К. Мечиева, И. Семенова, К. Отарова, К. Кулиева, Т. Зумакуловой, М. Мокаева и др.), включенных в сборник «Кёчгюнчюле эсертмеси. Жырла бла назмула (1943–1957). (Словесные памятники выселения). Народные песни и стихи балкарских и карачаевских поэтов (1943–1957)»². Идентифицированные нами фольклорные формулы, тематически относящиеся к выселению народа, распадаются на четыре основных мотива: «вера в Аллаха», «надежда», «труд», «терпение». Судя по проведенному анализу, наибольшей частотностью отличаются теологические формулы, связанные с верой людей во Всевышнего. Недаром большинство архетипических формул этого разряда построено по типу молитвенного, заклинательного текста:

Аллахха бол сен аманат. С. 47.

Пусть Аллах станет твоим покровителем.

Аллах буйрукъ этсе, къайтырбыз. С. 54.

Если Аллах пожелает, то вернемся.

Терсни, тюзню Аллах кеси айырыр. С. 67.

Кто прав, кто виноват, Аллах сам рассудит.

Жаратхан Аллах, бизге кюн чыкъсын –
Туугъан журтлагъа къайтыргъа. С. 87.

Прародитель Аллах, пусть взойдет солнце,
Которое вернет нас в родные края.

Кавказ таулагъа Аллах къайтарсын
Ёлмейин кълган сауланы! С. 135.

Пусть в Кавказские горы Аллах вернет,
Не умерших, оставшихся в живых.

*(Подстрочные переводы
принадлежат автору статьи)*

Характерно, что теологические формулы в произведениях профессиональных поэтов-выселенцев обретают метафорические наслоения, имеют развернутый характер. В качестве примера можно привести строки из произведений И. Семенова и Т. Зумакуловой:

Эшит, Аллахым, тилек сёзюмю,
Къызгъанма бизден насып кезиуню!
Къайтыу насыпны бер къартха, жашха,
Тюк чыгъарча тёнгерен ташха! С. 234.

Услышь, Аллах, мои слова молитвы,
Одари нас эрой счастья!
Счастье возвращения дай старикам, молодежи,
Чтобы покотившийся камень оброс мхом!

(И. Семенов)

Тилейме, Аллах, жер бла, кёк бла,
Жарыкъ кюн бла, ма танг да атар,
Сыйлы фыйгъамбар кийген бёрк бла, –
Туугъан жериме мени къайытар! С. 360.

Прошу, Аллах, именем земли и неба,
С этим ярким солнцем наступит утро,
С шапкой, которую носил великий пророк, –
Верни меня на родную землю!

(Т. Зумакулова)

Надежда рассматривается как одна из основополагающих добродетелей наряду с верой и милосердием. По нашему наблюдению, многих мальчиков, родившихся в годы депортации, родители называли именем «Мурат», означающим в переводе «надежда». Не давая ход унынию и отчаянию, спецпереселенцы обращаются к существующим в языке «воодушевляющим» фольклорным формулам или по аналогии сами их создают:

Не кыйын болса да, ажаллы ёледи,
Как бы тяжело не было, смертный умирает,
Ажалсыз – кьутулур, сый алыр. С. 95.
Кто не умер – спасется, получит почет.

Инша Аллах, аллай кюн келир,
Ызыбызгъа сау къайтырбыз. С. 158.

Даст Аллах, наступит такой день,
Мы вернемся обратно живыми.

Аллахдан умут эте эдик,
Бир кюн чыгъар деп, ёлмесек. С. 186.

Мы верили в Аллаха,
Верили, что наступит день, если не умрем.

Келигиз, аланла, биз кёл этейик,
Аллахды бизге оноучу. С. 192.

Давайте, аланы, мы воодушевимся,
Аллах нами руководит.

Можно отметить интересный факт. Архетипические формулы, связанные с верой и надеждой репрессированного народа, в фольклорных текстах и произведениях профессиональных авторов нередко соединены с конкретикой исторического времени – «XX съезд», «Москва», «Никита Хрущев». Названные интертексты переводят категорию «надежда» из разряда абстрактной категории в осязаемую, овеществленную, персонифицированную.

Биз турабыз бек ашыгъып, ышарып,
Жыйырманчы партсъездге ышанып.
Умутлубуз журтубузгъа салыр деп,
Юсюбюзден кыйынлыкны алыр деп. С. 197.

Мы находимся в ожидании, с улыбками
Надеемся на 20-й партсъезд.
Надеемся, что он вернет нас на родину,
Что снимет с нас это горе.

Москвады бизге оноу этген,
Ары письмола иебиз.
Бу эркинликни Хрущев бергенди,
Биз аны иги билебиз. С. 188.

Москва нами руководит,
Мы туда отправляем письма.
Эту свободу нам дал Хрущев,
Мы это хорошо знаем.

Алай, ахшы умутсуз кьалсакъ, бизге
Къарыу табылмаз дуняда жашаргъа. С. 274.

Но, если мы останемся без доброй надежды,
Силы не будет жить на свете.
(К. Отаров)

Жол мени чыгъарды танг аллына.
Умутча, жарыйды кёкню этеги. С. 277.

Дорога меня вывела навстречу утру,
Как надежда, сверкает край неба.
(К. Отаров)

Къайытырбыз деп жерибизге,
Журтубузгъа, юйюбюзге,
Анга ийнанганлай турайыкъ! С. 304.

Мы вернемся на свою землю,
На свою родину, в свой дом,
Давайте будем в это верить!
(К. Кулиев)

Умут! Бизни тауда ёсген назыча,
Дайым да сен кём-кёклейин тураса,
Жап-жарыкъса Минги тауну жазыча,
Сау дуняны тирменлерин бураса!.. С. 330.

Надежда! Как ель, которая растёт в наших горах,
Ты всегда остаешься зеленой-зеленой,
Ты сверкаешь, как весна на Эльбрусе,
Ты крутишь мельницы всего мира!
(К. Кулиев)

Кюнден-кюннге кёп
Ахшы умутла –
Ёчюлмей, жүрек
Жылытхан отла. С. 369.

Изо дня в день становится больше –
Добрых надежд –
Они не гаснут,
Как огни, согревающие сердца.
(М. Мокаев)

В жизни любого этноса во все времена труд воспринимался и воспринимается как основа жизнеобеспечения и реализации творческого потенциала личности. В монографии молодой карачаево-балкарской исследовательницы З.М. Габоевой

«Концептуализация трудовой деятельности человека в разных лингвокультурах» отмечается интересное с лингвокультурологической точки зрения выражение «Танг ахшы болсун!» («Пусть рассвет будет добрым!», имеющее непосредственное отношение к труду. Автор справедливо связывает его с трудолюбием горцев, имеющих обыкновение «начать трудиться с утра, с рассвета»³. В устном художественном творчестве спецпереселенцев опозитизирован созидательный труд, рассматривающийся как путь к спасению своего Я, своего народа.

Эринмей ишлесек, харамлыкь билмесек,
Брысхыгъа борчлу – Аллахды. С. 96.

Если без лени будем трудиться, не зная зла,
Аллах нас обеспечит добром.

Энтда жаз башы келгенди, кызла,
Сиз кыртишлени оюгъуз. С. 142.

Опять пришла весна, девушки,
Давайте работать на пашне.

Танг атмай, ишге барабыз, кызла,
Ашхамда ишден кяйтабыз. С. 143.

До рассвета, идем на работу, девушки,
Поздно вечером возвращаемся с работы.

Ат чаришде сыналады,
Азап кёрмей ким кялады?
Хайт дегиз, айып алмагъыз,
Ишде артха да кялмагъыз. С. 223.

Скакуна испытывают на скачках,
Кто рожден не испытать мучений?
Не падайте духом, избегайте позора,
На работе не будьте последними.

(К. Мечиев)

Халкъымдан тилеп айтама,
Ишлегиз, ишни кюймагъыз.
Къоркъмагъыз, сиз къутулурсуз,
Къол жетдирип, бет жоймагъыз. С. 225.

Я с просьбой говорю своему народу,
Трудитесь, не прекращайте свой труд.
Не бойтесь, вы спасетесь,
Отчаявшись, не теряйте совести.

(К. Мечиев)

Слова «сабырлыкь», «тёзюм», «чыдамлыкь» (каждое из которых обозначает ту или иную смысловую грань «терпения»), многократно встречаются в песнях карачаево-балкарских сказителей-спецпереселенцев. Издревле в кавказской этике особое значение придается терпимости как нравственному феномену

и регулятивному принципу, гарантирующему социальную и межличностную стабильность. Недаром, на ножнах холодного оружия, по свидетельству старожиллов, мастера высекали совет «Без нужды не вынимай!». Терпение предполагает собранность ума и душевного состояния, воздержанность от уныния, гнева, агрессии, аффекта, необдуманной, поспешной реакции на негативный фактор бытия. Однако, это не пассивная форма соглашательства с несправедливым поворотом событий, а внутренняя работа по самоанализу и мобилизации духовных сил.

Терпение

Жюреклеге сабырлыкны салыгъыз. С. 67.

Пусть ваши сердца наполнятся терпением.

Сабырсызлык ахшы этмез халланы. С. 67.

Без терпения не будет доброго настроения.

Кюрешейик, талпынайык мадаргъа,
Боюн салып бизге келген къадаргъа. С. 67.

Будем трудиться, будем стремиться к новым возможностям,
Подчинившись судьбе, которая нас настигла.

Къыйынлык бары адамгъа чыкъгъанды,
Бюгюлмей, кётюре барайык. С. 95.

Горе настигнет всех людей,
Не сгибаясь, будем его нести.

Тёзюмсюзлюк – нёгер туююл. С. 223.

Нетерпеливость – нам не друг.
(К. Мечиев)

Аллах санга бирди сёзюм:
Халкъыма тилейме тёзюм. С. 223.

Аллах, к тебе одно слово мое:
Прошу терпения моему народу.
(К. Мечиев)

Аллахым, бер манга тёзюм! С. 233.

Мой Аллах, дай мне терпения.
(И. Семенов)

«Тёзген теш ашайды!» дейдиле тауда,
Барына тёзербиз, чыдам табыла. С. 274.

«Имеющему терпение, достается грудка курицы», – говорят в горах.
Мы выдержим все, находя терпение.

(К. Отаров)

Итак, проведенная нами работа показывает, что в этнокультуре каждого народа заранее «отлиты» основополагающие фольклорные, архетипические формулы, определяющие поведенческий тип человека, его мышление и способ восприятия реальности в драматические периоды исторического бытия. Выполненный нами системно-аксиологический анализ позволил выявить четыре ключевые фольклорные формулы, которые составляют витальный фундамент карачаево-балкарского этноса в период депортации: «вера в Аллаха», «надежда», «труд», «терпение». В этом отношении можно сказать, искусство, художественное слово сыграли выдающуюся роль в выживании репрессированных народов. Давая высокую оценку регулятивной функции родной поэзии, Ф. А. Урусбиева отметила: «Что касается поэзии, то она, как наиболее традиционное звено словесного искусства, в противовес техническим цивилизационным видам вербальной информации может явить миру, несоизмеримую с масштабом распространения языка и земли, значительную поэтическую антологию Слова о Слове. Впрочем, поэзия больших мастеров карачаево-балкарской поэзии – это развернутое и единое высказывание о родном языке. Даже, и особенно в годы испытаний, равных апокалипсису, т.е. потери земли и надежд. Об этом циклы и поэмы времен выселения балкарцев и карачаевцев»⁴.

Примечания

1. Аникин В.П. Мудрость народов // Пословицы и поговорки народов востока. М.: Изд-во «Восточной литературы», 1961. С. 7–20. 736 с.

2. Кёчгюнчюле эсгертмеси. Жырла бла назмула (1943–1957). (Словесные памятники выселения). Народные песни и стихи балкарских и карачаевских поэтов (1943–1957). Нальчик, 1997. 382 с.

3. Габоева З.М. Концептуализация трудовой деятельности человека в разных лингвокультурах (на материале карачаево-балкарского, русского и испанского языков). Нальчик, 2015. 130 с. С. 47.

4. Урусбиева Ф.А. Панязыковость как категория карачаево-балкарской этики // Проблемы развития государственных языков Кабардино-Балкарии. Материалы II республиканской научно-практической конференции по проблемам развития государственных языков КБР, посвященной 40-летию КБГУ. Нальчик: КБГУ, 1997. С. 274.

B.A. Berberov

MORAL CODE OF SPECIAL SETTLER (on the basis of Karachay-Balkar poetry of eviction)

The article deals with the system of archetypical folklore formulas that make up the ethical core of the Karachay-Balkar poetry of eviction. As a result of the analysis, four basic folklore formulas have been identified, related to faith in God, hope, work and patience.

Keywords: folklore formula, proverb, poetry of eviction, motive, moral code, faith, hope, work, patience.

М.Ф. Бухуров

РУССКО-АДЫГСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ФОЛЬКЛОРНЫХ ФОРМУЛАХ ЖЕНСКОЙ КРАСОТЫ

В работе используется обширный фактический материал, в ходе сравнительного анализа которого выявлены существенные особенности русских и адыгских фольклорных формул женской красоты, раскрыты конкретные отличия и сходжения, проведена классификация по формальным, семантическим и другим признакам. Особое внимание уделено определению семантики и функции основных элементов рассматриваемого явления.

Ключевые слова: женская красота, сравнение, формулы, невеста, дворец, золото, солнце, луна.

Среди стереотипных средств художественного выражения, характеризующих образ сказочных персонажей, к числу наиболее распространенных относятся формулы женской красоты. Предметный мир, привлекаемый в сравнительных оборотах, достаточно многообразен: красота девушки сравнивается с красотой различных зверей и птиц, с блеском небесных светил (солнце, луна, звезды), цветных металлов (золото, серебро) и т. п.

Во многих адыгских волшебных и богатых сказках нередко в повествование органично вплетается побудительный мотив поиска невесты, обладающей заранее заданными свойствами: «Къанжэм *и фӀыцӀэр* и щхьэцу, *и* хужьыр *и щӀыфӀэу*, *и* лым хуэдэр и нэкӀуу хьыджэбз...» – «Девушка, у которой черное у сороки – ее волосы, белое <у сороки> – ее тело, кровь <сороки> – ее румянец на щеках»¹. В этом выражении заключается одна из формул народного идеала красоты. Существует и другой вариант этой формулы. Так, в сказке «Фыз лыхьэу» (Поиски жены) можно встретить ее в таком виде: «<...> тхьэкүмэкӀыхьым *и* лым ходор и нэкӀо, *Ӏосым* ходо *и щӀыфо* фыз сымгыбот хьунокъэм» – «Мне надо найти жену с лицом, как кровь зайца и с телом, как снег»². По справедливому замечанию А.И. Алиевой, в адыгском фольклоре есть сказки, где описание женской красоты сравнивается с красотой голубя: «Ззы тхьэрыкъо гори къыблэбыбыкӀыгы, *и* щхьэр фыжьо, ибгэз щ(шӀу)ыцӀо, икӀэ фыжьо <...>. Мыфэдэ шьуз сэгъуотыфэ нэсыфкӀэ ськӀон» – «Один голубь прилетел, его голова белая, его грудь черная, его хвост белый <...>. Такой жены пока не найду, не женюсь»³.

Как видно, в первом случае красота героини сравнивается с красотой оперения сороки, во втором – красным цветом заячьей крови и белизной снега, в третьем – с красотой голубя, поэтому ряд ученых рассматривает их как разные, самостоятельные формулы. Однако основообразующим элементом в них является не только предмет сравнения, но и обозначение цвета предмета – качественное прилагательное. Другими словами, сказитель использует для сравнения различные предметы, но основное его внимание обращено на сочетание цветов. В приведенных примерах наиболее распространенными являются такие цвета, как белый, черный и красный, т. е. цвет волос и бровей девушки сравнивается с черными перьями, тело – с белыми перьями (в вариантах: с белизной снега), а румянец на щеках – с алой кровью сороки, зайца и т.п. В вариантах может отсутствовать одно из трех указанных слов, но наличие двух других всегда обязательно, при этом

каждое слово повторяется дважды, благодаря чему формулы приобретают ритм и образуют параллельные конструкции: Къанжэм и фЫщЛэр зи фЫщЛэ, и хужьыр зи хужь...

Подобные устойчивые формулы распространены и в русском фольклоре. Например, И.П. Черноусова в сказках и былинах отмечает следующие формулы:

«... *алый цвет* у ней по лицу рассыпается, белый пух по груди расстилается...»⁴.
«На лицо (красой) красовитая.

Очи (очушки, *глаза*) у ей (ней) ясн-а(-ых) сокол-а(-ов),

Брови (бровушки) у ей (ней) черн-а(-ых) собол-я(-ей),

Белое лицо как белый снег...»⁵.

Такая же формула встречается и в карачаево-балкарских сказках:

«Я слышал, будто есть в одном месте такая девушка, у которой волосы, глаза, брови черны, как черные <перья> этой птички, а лицо, тело <ее> белы, как белые <перья> птички»⁶.

В устном творчестве адыгов выделяется и другая разновидность формул женской красоты. Отличается она от формул первой группы тем, что в ней красота девушки сравнивается с блеском золота или серебра. Такова, например, сказочная формула: «<...> хьыджэбзым и щхьэц <щЛы>лъэныкъуэр дыщэхуу, *и* щхьэц <щЛы>лъэныкъуэр дыщэплъу <пщым *и* фызым къильхуаш>» – «<Жена князя родила> девочку, у которой с одной стороны волосы – белого золота, <с другой> стороны – червонного золота»⁷. Ср. в нартском эпосе: «Малычпхъум и щхьэ *щЛы*лъэныкъуэр дэпым хуэдэу плъыжъу, дыщэплъу, <адрей> лъэныкъуэр уэсым хуэдэу хужьу, дыщэхуу шытауэ *жеЛэ* хьыбарым» – «Половина головы Маличпхъу была, как <горящие> угли, красная, цвета червонного золота, а <другая> половина – как снег белая, цвета белого золота, – *говорится в сказании*»⁸. Ср. в русском фольклоре:

«По колено ноги в серебре,

По локоть (грудь) руки в золоте...»⁹.

По справедливому замечанию Н. Рошияну, «...золотые предметы сверкают, и это сверкание уподобляется огню, иногда, как в румынских сказках, – солнцу...»¹⁰. Это подтверждается и приведенными выше примерами. Так, золотые волосы Малечпхъу сверкают подобно раскаленным углям: «Малычпхъум *и* щхьэ *щЛы*лъэныкъуэр дэпым хуэдэу плъыжъу, дыщэплъу...» – «Половина головы Маличпхъу была, как <горящие> угли, красная, цвета червонного золота...», т.е. в формуле наличествует дополнительный элемент, усиливающий описание красоты героини. Такую же функцию в русском фольклоре выполняют элементы, в которых в качестве предмета сравнения выступают небесные светила (солнце, луна, звезды и т.д.):

«Во лбу красно солнышко,

На затылке светел месяц,

[По бокам (костицам) часты мелки звездочки]»¹¹

Не менее распространенной является формула типа «...на солнце можно было смотреть, но на нее (него) нельзя».

Во многих сказках и сказаниях героического эпоса выявляются и формулы, связанные с описанием места или расстояния, где находится невеста героя: «за тридевять земель, в тридесятом царстве (государстве)»; в адыгском фольклоре – «за семью горами, за семью морями там, где восходит солнце». Однако здесь следует обратить внимание и на такую деталь, как описание материала, из которого изготовлено ее жилище: «золотой (медный, серебряный, стеклянный) дворец», «сверкающая (блестящая) крепость (дом и т.п.), которые характеризуют красоту девушки, но косвенно. Как и другие предметы, блеск крепости (дворца) ассоциируется с солнцем, и по этой причине, на наш взгляд, крепость (дом, дворец и т.п.) самой красивой девушки всегда находится «там, где восходит солнце» –

«дыггэ кыкбэуэк/ып/эм деж» (в вариантах: «там, где заходит солнце» – «дыггэ кбухэп/эм деж»). Как отмечает Н. Рошияну, «солнце в качестве термина сравнения очень часто используется в румынской сказке, его блеск является воплощением красоты: женщина «красива, как солнце» или ее красота, «как солнца кусочек»; царский дворец поворачивается за солнцем»¹².

Данный мотив достаточно обстоятельно разработан в адыгской сказке «Три Магомета», и для наглядности, мы считаем необходимым привести большой отрывок, в котором отражена форма бытования подобных общих мест:

«Ауэрэ, <Пщым и кбэу Мыхэмэт> пщэдджыжьым кыщ/эк/ауэ плэщ <...> дыггэ кыщ/эк/ып/эмк/э дунейм лыду зыгуэр ильэгъуаш <...>.

– Уа, – жи/аш, *желэ*, а фызыжь *ц/ык/лум* щхьа, – мыбы кбэлыдыр сыт мо дыггэ кыщ/эк/ып/эмк/э? – жери.

– *А си ц/алэ*, – жи/аш, *желэ*, – абы кбэлындым ухуейкбым уэ, *абы и луоху зомыхуэ*, – жи/аш, *желэ*, – абы к/уар кбэк/уэжакбым, – жи/аш, *желэ*.

– *Сыт зи/ысыр*, кызыжелэ, – жи/аш, *желэ*.

– Иныжь унэщ, – жи/аш, *желэ*, – абы *а* плыаггур. Абдж защ/эм кыхэщ/ык/ауэ-щэ иныжь унэу <абы> зы иныжь щопсэу, – жи/аш, *желэ*, абы, иныжь лбэрыхь *лейуэ*, щхэ куэд *ф/эту*. Абы гбэру иубыдауэ зы хыджэбзи щопсэу, – жи/аш, *желэ*, – кбуанщ/эм и *ф/ыщ/эм* хуэдэр *и* щхэцу, *и* хужбым хуэдэр *и* *щ/ыфу*, *и* лбым хуэдэр и нэк/уу»¹³ – «Однажды <Магомет, сын князя> вышел утром <из дома> *и*, посмотрев в сторону восхода солнца, увидел <там> что-то блестящее.

– Уа, – сказал он, говорит, старушке, – что блестит там, где восходит солнце?

– О, мой сын, – сказала она, говорит, – тебе лучше не знать, что блестит там, забудь об этом, никто оттуда не возвращался <...>.

– Что это? Скажи мне, – сказал <Магомет, сын князя>.

– Это дом иныжа, – ответила <старушка>, – то, что ты видел. Дом иныжа весь из стекла, и там живет один иныж. Он держит в плену девушку, – сказала, говорит, – у которой волосы – как чернота у сороки, тело – как белизна <у сороки>, *румянец на щеках – как кровь сороки*».

Солнце как предмет сравнения встречается и в образе Адиюх, красота которой в сказаниях изображена так: «*Лэдииху жыхуа/эр зы ц/ыхубз гуэрщ – дахагк/э ц/эры/уэщ. Жэщым я нэхь мазэхэм и Лэдиит/ыр щхээгубжэм кыдишиик/амэ, дыггэм и нэхь гуаш/эм хуэдэу дунейр нэху кыищ/ырт. Абы щхэк/э езым Лэдиихук/э ф/эк/э, нэгъуэщ/к/э еджэхэртэкбым*»¹⁴ – «Та, которую зовут Адиюх, была девушка славная. Стоило ей в самую безлунную темную ночь протянуть из окна руки, и <блеск от ее рук> освещал все вокруг, как самое яркое солнце. Поэтому ее называли не иначе как Адиюх».

Те же признаки обнаруживаются и в образе невесты нартского богатыря Шауея Черноволосой красавицы, но в отличие от образа Адиюх, здесь предметом сравнения является месяц, т.е. у нее лицо сверкает как месяц:

«– Сэ фыз схуэхъун згбэуэтыркбым, – жи/аш Кбэрэшыуей.

– Умыгбэуэтми, щы/эщ, ауэ зы закбэуэщ щы/эр. Ари здэщы/эр дыггэ кыщ/эк/ып/эмк/эщ. *И ц/эри Щхэщыф/эщ. И нэк/лум нур кырихым мазэм хуэдэу жэщ к/ыф/ыр кбегбэнэхур. И щхэц ф/ыщ/эр и напэм кы/уипхбэуэм, махуэр жэщым хуэду к/ыф/э ещ/ыр...*»¹⁵ –

«– Не могу найти себе достойную жену, – сказал Карашууей.

– *Хоть ты и не смог найти, но все же есть одна такая. Она находится в стороне, где восходит Солнце.* Зовут ее Шхацифа (букв.: густоволосая). Сияние ее лица, словно месяц, озаряло темную ночь. Если она закрывает своими черными волосами лицо – день, словно ночь, становится темным...».

В адыгском фольклоре встречается и другая разновидность формул женской красоты, которая используется со значением «единственная в своем роде». Это выражается причастным оборотом «набдзэ зытелбым» – «у кого есть брови» (вариант: «нэрэ набдзэрэ зытелбым» – «у кого есть глаза и брови»): «Набдзэ

зытельным *я* нэхъ дахэу унэм щ/эст зы пщаци, къэтэджри сэлам къарихащ»¹⁶ – «В доме сидела девушка – прекраснейшая из тех, у кого есть брови, она поднялась и приветствовала их».

Данное устойчивое выражение своим семантическим значением близко следующим формулам русского фольклора:

(за тридцать земель, в тридесятом царстве / государстве)

есть такая красавица, что
ни в сказке сказать, ни пером описать /
ни вздумать, ни взгадать, (только в сказке сказать) /
в белом свете не видать, во всем царстве не сыскать /
лучшей нигде не сыщешь / вообразить лучшей нельзя /
такой красоты во всем свете нет¹⁷.

Очень часто в фольклоре адыгов встречается формула, где объектом для сравнения является вода:

«Абы шыпхъу дахэ гуэр и/эт, и джийм ежэх псыр уолягъу жыхуа/эм хуэдэу» – «У него была сестра – красавица, подобная той, о которой говорят, что через ее горло текущую воду можно было видеть»¹⁸.

Если в формулах первой группы белый цвет служит признаком красоты, то в данном случае нежная кожа героини сравнивается с прозрачностью воды. Здесь имеется в виду, что чистая, прозрачная вода сама по себе красива, но тело невесты прозрачнее (имеется в виду, что вода уступает в красоте героине), поэтому видна вода, которая течет по ее горлу. На наш взгляд, данная формула характеризует не только внешнюю красоту девушки, но она указывает и на ее «чистую душу».

А.И. Алиева отмечает, что такие формулы наличествуют и в фольклоре других народов Северного Кавказа.

Ср. в осетинской сказке:

«И была такая красивая девушка у алдара и его жены, что месяц и звезды видели в ней себя. Когда она пила воду, то видно было, как вода бежит в ее горле»¹⁹.

Ср. в чечено-ингушской сказке:

«У Баркум-Канта была красавица жена, с таким белым лицом, какого не было ни у одной женщины во всем свете. Когда эта красавица пила воду, то она видна была в горле красавицы – до того было чисто и прозрачно ее тело»²⁰.

Эти формулы основаны на общефольклорном мотиве «прозрачного тела», который имеет функцию определения женской красоты. В русском фольклоре устойчивые сочетания подобного типа имеют несколько иное определение: «Хочу, чтоб явилась передо мной Лебедь-птица, красная девица, сквозь перьев бы тело виднелось, сквозь тело бы кости казались, сквозь костей бы в примету было, как из косточки в косточку мозг переливается, словно жемчуг пересыпается»²¹.

Выделенные компоненты данной формулы также распространены в фольклоре северных карелов, чуваш, южных хантов, северных якутов, учурских эвенков и др. (см. приведенную ниже таблицу (при составлении таблицы были использованы примеры из каталога Ю.Е. Березкина и Е.Н. Дувакина²²)).

Как показывает исследованный материал, между формулами женской красоты в фольклоре русских и адыгов наблюдается множество сходств не только по формальному, позитивному, семантическому признакам. Так, общность выявляется, например, в следующих формулах, в которых:

- 1) объектом сравнения являются различные животные и птицы (в них, как правило, в качестве определения используются белый, черный и красный цвета);
- 2) объектом сравнения выступает блеск цветных металлов, а именно, золота, серебра, иногда – стекла;
- 3) в качестве термина сравнения используются небесные светила (солнце, луна (месяц), звезды);
- 4) в качестве термина сравнения используется вода (прозрачность воды);
- 5) наличествует элемент со значением «единственная в своем роде».

Выявленные формулы можно встретить и в фольклоре других народов. Так, в диссертационной работе Г.Р. Хусаиновой «Башкирские волшебные сказки: поэтика и текстология» проводится сравнительно-типологический анализ формул женской красоты в волшебных сказках тюрко-монгольских народов, восточных славян и др. По ее справедливому замечанию, в устном творчестве названных народов выявляются те же элементы, что и в устойчивых оборотах из русских сказок. К этому мы можем добавить и соответствующие сочетания из фольклора адыгов. Таковы, например, свечение тел (или частей тел), «золотоволосость», прозрачность тел и т.д. Как она отмечает, «повторяемость одних и тех же формул у разных народов объясняется общностью их мировоззрения, климатических условий, соседством и т.д., а разница в них подчеркивает черты уникальности эстетики каждого народа (или группы народов)²³».

В данном случае, учитывая культурно-территориальную общность народов Северного Кавказа, можно сказать, что они могли легко заимствовать друг у друга многие формулы без каких-либо изменений. Например, как уже было отмечено, формула «Абы шыпхъу дахэ гуэр илэт, и джийм ежэх псыр уолягъу жыхуа/эм хуэдэу» – «У него была сестра – красавица, подобная той, о которой говорят, что через ее горло текущую воду можно было видеть» распространена почти у всех народов обозначенного региона (адыгов, балкарцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей). Но, как показывает материал, собранный Ю.Е. Березкиным и Е.Н. Дувакиным, она получила широкую популярность и в фольклоре других народов мира (см. таблицу ниже).

Ареал распространения мотива «прозрачного тела» в формулах женской красоты:

Территория	Народы	Формулы
Северная Африка.	арабы Египта	«... и горло такое прозрачное, что когда она пьет воду, то насквозь видно, как вода течет...»
Малайзия Индонезия	малайцы	«Сквозь ее горло просвечивал алый сок бетеля, который она глотала»
	ибаны («морские даяки» Саравака)	«когда богиня красоты <i>Kumang</i> глотает сок бетелевого ореха, его можно видеть сквозь ее горло – настолько она прекрасна»
Балканы	сербы	«...когда она хладное вино пьет, винцо у нее сквозь горлышко видно...»
Средняя Европа	русские	«...Лебедь-птица, красная девица, сквозь перьев бы тело виднелось, сквозь тело бы кости казались, сквозь костей бы в примету было, как из косточки в косточку мозг переливается, словно жемчуг пересыпается»
Кавказ – Малая Азия	ногайцы	«Выпьет девушка глоток воды, и она в ее горле просвечивает и блестит, как серебро»
	адыги	«...через ее горло текущую воду можно было видеть»
	осетины	«...пьет она воду, и видно, как струится вода в ее прозрачно светящемся горле...»
	даргинцы	«...было даже видно, как в горле ее проходит вода...»
	ингуши	«Когда эта красавица пила воду, то она видна была в горле красавицы, – до того было чисто и прозрачно ее тело»
	аварцы	«Видна пища, проходящая через его горло»; курды: «Воду когда пьет, вода сквозь шею видна»
	курды	«Воду когда пьет, вода сквозь шею видна»

Иран – Средняя Азия	персы	«Коль вина она выпьет, прозрачна, нежна, / Ты увидишь сквозь горло окраску вина»
	пуштуны	«Воду пьет – видно, как вода течет по горлышку»
	узбеки	«Когда она пьет воду – видно в горле, а когда морковь ест – сбоку видно»
	туркмены	«Кожа ее была так прозрачна, что выпитая ею вода виднелась сквозь ее горло, как сквозь хрусталь, и съеденная ею морковь виднелась сквозь бок»
Балтоскандия	северные карелы	«Сквозь кожу у девушки мясо просвечивало, сквозь мясо – кости, сквозь кости мозг виднелся – такая была красивая».
Волга – Пермь	чувашы	«И впрямь двенадцать сарафанов на ней и через все двенадцать тело видно, через тело кости видны, а сквозь кости мозг просвечивает».
Туркестан	казахи	«Сквозь шею видно, как ты глотаешь пищу»
	каракалпаки	«...кожа свежа – и так тонка, что проглоченная еда, / кажется, сквозь горло у ней видна»
	киргизы	«Когда глотала кумыс, / Просвечивал он сквозь горло ее»
Западная Сибирь	южные ханты	«...у ее сына сквозь кость видна кость и сквозь мозг костей виден мозг»
Восточная Сибирь.	якуты	«Горло было и вовсе прозрачным: темное проглотит – словно соболев пробежит, светлое – белая бабочка забьется»
	северные якуты	«Сквозь платье у них видна кожа; сквозь кожу видно тело; сквозь тело видны кости; сквозь кости виден мозг»
	учурские эвенки	«Кровь ее чиста и прозрачна, сквозь мышцы видны прямые кости, а сквозь кости виден чистый костный мозг»
	западные эвены	«(такая) прозрачная, что съеденную почку можно было видеть почкой, съеденную печень – печенью»
	эвены	«...съеденный жир был виден насквозь, съеденное мясо было видно насквозь»
Амур – Сахалин	негидальцы	«...очень красивая женщина: ею белое съеденное белеет, черное съеденное чернеет, красное съеденное краснеет – очень красивая женщина (прозрачная как стекло)»
	нанайцы	«...красавица, светлая, совсем прозрачная, такая, что видно, как съеденная ею горошина зеленеет, а проглоченные ягоды алым цветом отливают...»
СВ Азия	юагиры	«Вот зашли {братья} – сидят девушки прямо-таки с прозрачными телами [букв.: «видно съеденное ими»]»
Арктика	азиатские эскимосы (наукан)	«Чистая вся да прозрачная. Через светлую кожу весь скелет и внутренности видно».

Как можно предположить, наличие одних и тех же элементов в формулах разных народов объясняется тем, что у большинства из них некогда существовали одинаковые обычаи, обряды, верования и представления. Например, по мнению

многих ученых, на Руси было поверье, согласно которому беременной женщине полагалось есть клюкву или бруснику, чтобы девочка родилась красивой и румяной²⁴. Как пишет Л.А. Гутова, у адыгов, «если период беременности выпадал на осеннее время, то женщине, ожидавшей ребенка, советовали больше смотреть на наливные красные яблоки, чтобы, если родится девочка, ее щеки были румяными. В том случае, когда беременность выпадала на зиму, то рекомендовалось больше смотреть на снег, чтобы опять же, если вдруг будет девочка, кожа ее была белоснежной»²⁵. Подобные представления, связанные с ассоциативной магией, существовали и у других народов, и нет сомнения в том, что они стали основой для создания универсальных для фольклора многих народов формул женской красоты.

Примечания

1. Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 1037.
2. Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX века. Нальчик: Эльбрус, 1979. С. 304.
3. *Алиева А.И.* Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. С. 136.
4. *Черноусова И.П.* Формула красоты в русских волшебных сказках и былинах // Русская речь. М., 2012. № 1. С. 95.
5. Там же.
6. *Алиева А.И.* Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. С. 136.
7. Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Папка № 6-з. Пасп. № 6.
8. Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 663-ф/6.
9. *Черноусова И.П.* Формула красоты в русских волшебных сказках и былинах // Русская речь. М., 2012. № 1. С. 95.
10. *Рошияну Н.* Традиционные формулы сказки. М.: Наука, 1974. С. 100.
11. *Черноусова И.П.* Формула красоты в русских волшебных сказках и былинах // Русская речь. М., 2012. № 1. С. 95.
12. *Рошияну Н.* Традиционные формулы сказки. М.: Наука, 1974. С. 99.
13. Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 1037.
14. Нарт хыбархэр. Нальчик: Къэбгосиздат, 1945. Н. 60.
15. Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Папка № 32-н. Пасп. № 9.
16. Адыгэ IуэрыIуатгэхэр. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапIэ, 1963. Н. 235.
17. *Черноусова И.П.* Формула красоты в русских волшебных сказках и былинах // Русская речь. М., 2012. № 1. С. 93.
18. *Алиева А.И.* Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. С. 135.
19. Там же.
20. Там же.
21. *Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог [Электронный ресурс] // <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (дата обращения: 02.10.2017).
22. Там же.
23. *Хусаинова Г.Р.* Башкирские волшебные сказки: поэтика и текстология: автореф. диссерт. на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2017. С. 34–35.
24. *Погонцева Д.В.* Женская красота в русском фольклоре // GESJ: Musicology and Cultural Science, 2011. № 1(7). С. 4.
25. *Гутова Л.А.* Путь женщины в свете адыгского этикета. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. С. 88.

M.F. Bukhurov

**RUSSIAN-ADIGHE PARALLELS
IN THE FOLKLORE FORMULAS OF FEMALE BEAUTY**

The work uses extensive factual material, in the course of its comparative analysis, significant features of Russian and Adyghe folklore formulas of female beauty are revealed, specific differences and convergence are revealed, classification is made according to formal, semantic and other criteria. Particular attention is paid to the definition of semantics and function, the main elements of the phenomenon under consideration.

Keywords: female beauty, comparison, formulas, bride, palace, gold, sun, moon.

Л.А. Гутова

ФОЛЬКЛОР В КОНТЕКСТЕ ИГРЫ

Статья посвящена детским играм, бытовавшим в традиционном адыгском обществе. Сюда входят словесные и подвижные игры обучающего, развивающего и развлекательного характера. Работа выполнена с опорой на материалы детского фольклора, хранящиеся в рукописном архиве ИГИ КБНЦ РАН, на ранее опубликованные фольклорные тексты и научные труды по исследуемой теме. Раскрываются значение и роль игр и поэтического слова в развитии детей.

Ключевые слова: детское творчество, Хурома, Ера-ера-еру, считалки-кебжечи, подвижные игры.

Адыги делали многое, чтобы ребенок вырос разносторонне развитым человеком. Для этого особое внимание уделялось тем областям деятельности, которые признавались наиболее важными для его развития. Так, одной из значимых областей было признано языковое воспитание – привитие с малых лет умелого владения родным языком. Сюда входила выработка хорошей дикции, умение точно и предельно ясно выражать свои мысли, основы художественного образного мышления. Изначально существовало представление, что хорошо поставленная дикция, свободная речь и безусловно ясно построенные фразы сами по себе развивают интеллект, способствуют увеличению словарного запаса, расширяют правильное представление о действительности. Уже к пяти – семилетнему возрасту, дети могли не только воспроизводить сообщаемую им информацию и свободно интерпретировать ее. Они сами без участия взрослых пытались импровизировать в играх, сопровождавшихся устойчивыми речевыми оборотами, вольно пересказывать и интерпретировать услышанное, самостоятельно оценивать ситуацию, привносить элементы экспромта при исполнении считалок, потешек, песенок. К сожалению, специфика детского фольклора не получила достойного освещения в трудах исследователей адыгского народного творчества. Автор одной из немногих обобщающих работ, Инал Пшибиев при систематизации адыгского фольклора выделяет в отдельную группу произведения под названием «Детское творчество¹». Он утверждает, что в детских стихах, песенках, считалках, воспроизводимых детьми без участия взрослых, дается относительная свобода для импровизации как творческого процесса. Одной из распространенных игр с элементами импровизации является *Хъуромэ – Хурома*.

Это игра, пришедшая в детскую среду из древнего обряда. Судя по рассказам информантов из числа моздокских кабардинцев-христиан, истоком этой игры была поэзия, сопровождающая один из обрядов во времена до принятия адыгами ислама. Согласно их сведениям, «Хъуромэ» была колядовой и исполнялась на праздник рождества, что выпадало на седьмое января². Это подтверждается и публикацией в издании «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов»³. Иной точки зрения придерживается С.Х. Мафедзев, который пишет, что Хъуромэ – это обрядовый ранневесенний языческий праздник и конкретной даты его проведения не установлено⁴. Такое расхождение в мнениях обусловлено тем, что С.Х. Мафедзев записывал материалы среди адыгов-мусульман, где первоначальная приуроченность частично забылась, и песня всецело перешла в детскую

срѣду. Тем не менее, сохранилось то, что когда-то она была обрядовой. Песня *Хъуромэ* открывала празднество и ее пѣла в основном молодежь. Гораздо позже эта игра утратила свою обрядовую приуроченность, утратила сакральные функции и стала носить развлекательный характер. Поэтому в нее могли играть в любое время. Это и предопределило ее переход в детскую среду. Согласно архивным материалам песню пѣли только мальчишки, вероятно потому, что акцент делается на эмоциональной окраске произнесения, а исходя из правил адыгского этикета, в девочках воспитывалась скромность и выдержка. Дети делились на две группы. Одна группа начинала игру, а другая продолжала, отвечая разными репликами. Текст не несет в себе большой смысловой нагрузки. Акцент делается на аллитерацию звуков. Вот одна из записей:

Уэ хъуромэ хъуромэ!
 – Го-го!
Уэ хъуромэ токъу!
 – Го-го!
Токъумахъыр зи Іэцэ!
 – Го-го!
Зи Іэцэжъыр лы укІ!
 – Го-го!
Лы укІырилэ,
Чыблэри къэзыгъэш!
 – Го-го!
Чишхэри зи уанэ!
 – Го-го!
Зи уанэжъыр лъэгубгъуэ!
 – Го-го!
Тхэм и губгъуэм дыкыхъэц!
 – Го-го!
Ды бий дэджэгущ!
 – Го-го!
Девгъэдджэгужъэ!
 – Го-го!
Девгъэжъэжапэ!
 – Го-го⁵! –
Уо рождество, рождество!
 – Го-го!
Рождественский тока!*
 – Го-го!
*Палица** – оружие твое!*
Чье оружие мужей убивает!
 – Го-го!
Часто мужей убивающее!
 – Го-го!
<Тот>, кто силен, перед ним склоняется!
 – Го-го!
Хворост-конь его седло!
 – Го-го!
Чье старое седло широкое!
 – Го-го!
В поле Бога вступаем!
 – Го-го!
Мы с врагом играем!
 – Го-го!
Давайте ка играть <на самом деле>!

* токъу – не поддается переводу.

** палица – древнее тяжелое оружие с плотным наконечником.

– Го-го!
Давайте ка отправимся <на самом деле>!
– Го-го!

Хоровое произнесение слов забавляло детей, слова приобретали эмоциональную окраску, что прибавляло больше задора и азарта, спланивало всех поющих воедино.

В рукописном архиве ИГИ представлено несколько вариантов текстов Хъуромэ, записанных в разных местностях. Причем зачин словесной игры схож во всех отмеченных населенных пунктах, где проживают адыги:

Уэ хъуромэ, хъуромэ!
– Го-го!
Уэ хъуромэ токъу!
– Го-го⁶! –
Уо рожество, рожество!
– Го-го!
Уо рожество тока*!

Несколько иной зачин текста зафиксирован на хуторе Соколов Курского района Ставропольского края под Моздоком:

Уэ хъуромэ, хъуромэ!
– Го-го!
Уэ хъуромэ машэ!
– Го-го⁷! –
Уо рожество, рожество!
– Го-го!
Уо рожество приводящее!
– Го-го!

Текст этой же игры представлен и под другим названием: «Еру». Предполагаем, что это продолжение вышеприведенного текста в измененном виде в целях разнообразия. Здесь слова «хъуромэ» и «го-го» заменены на «ерэ-ерэ, еру»:

Ерэ-ерэ, еру!
Бабыцэ еру!
Шыр зи ацтэ, еру!
Гэнэурэ лъэкъуицэ,
Уэц гуэрэ пхэкъутэ,
Пхэ зыкътэр, еру!
Уэц джыдэ, еру!
Щхэм фIальхэр, еру!
Чы пыIэц, еру!
Зи пкъ иныр, еру!
Уэ махъиэц, еру!
Зи пцэ дахэр, еру!
Тхэрыкъуэц, еру⁸! –
Ера-ера, еру^{**}!
Уточка, еру!
<Та>, у кого <чы> уята, еру!
Стол треножка, еру!
Колун, дрoва колет, еру!
На голову надевают, еру!

* токъу – не поддается адекватному переводу.

** ера-ера, еру – не поддается переводу, т.к. значение слова утрачено.

*Шапку из прутьев, еру!
У кого тело большое, еру!
Уо – это верблюд, еру!
У кого шея красивая, еру!
У голубя, еру!*

Отдельного внимания в адыгском детском фольклоре достойны игры-пересчеты, иными словами считалки-кебжечи. Зачастую они выполняли функцию зачинов игры, или просто исполнялись для развлечения. Такие пересчеты не несут в себе большого смысла, а больше подвержены особой звуковой организации. Отдельные отрывки стихотворных стоп содержат в себе высокие звуки, поэтому легко воспринимаются на слух и запоминаются. Многие из стихов-пересчетов носят юмористический характер. Важно отметить, что числительные в кебжечах употреблялись в переносном значении, что, скорее всего, связано было с древнейшими языческими верованиями, с числовой магией. Так, не назывались имена животных, не подвергались пересчету и люди (верили, что если вести счет людей, то самый младший из присутствующих умрет). Этого правила адыги придерживались длительное время, и отклики языческих верований отпечатались в народном сознании и по сегодняшний день. По всей вероятности, исходя из изложенных обстоятельств, иносказательный пересчет лиц и был предусмотрен. Дети усаживались в круг, произносящий стихотворение начинал счет с себя, и далее, касаясь присутствующих, по кругу предоставлял каждому возможность сказать отрывок из стиха-пересчета. Тот, на кого выпадали последние слова считалки, выходил из игры. Так считали до тех пор, пока в кругу не останется один человек, который и был проигравшим. Он получал своего рода наказание: либо его осмеивали словесно, либо он должен был оказать присутствующим какую-либо услугу. Приведем текст одной из популярных считалок, хранящихся в архиве ИГИ:

*Инэ-инэ,
Инэ мыкъуэ,
Мыкъуэ хьэл,
Щхьэл къутэ,
Къутэре /къутэрыуэ!/
Що-мышьу /цауэ мыхьу!/
Що-хьурзэ,
Хьурзэ натІэ,
Хьэ напищ,
Лищ зыукІ,
ЗызыкІыж,
Аньргъагъ,
Лъэрыгъыис,
Хьэнтхъупсафэ,
Псафэ егъу,
Гьурей некІуэ,
НекІуэ тІыс,
ТІыс, Аслъэн[°]! –
Ина-ина*,
Ина муко**,
Муко привычка,
Поломицик мельницы
Разрушающий, Негодник-парень,
Выпуклолицый!
С вытирающимся лбом!*

* ина-ина – не поддается переводу.

** муко – значение слова утрачено.

*С тремя собачьими лицами!
Кто губит трех мужей,
Кто себя губит,
Кто мать плакать заставляет,
Кто любитель на поминках суп выпивать,
Приносящий засуху
Пойдем, садись!
Садись, Аслан!*

Стоит отметить, что многие считалки употреблялись и в ходе подвижных игр, выполняя роль зачина игры. Так, перед тем как начать игру, дети произносили считалку, чтобы определить того, кто начнет игру, и кто из участников будет иметь определенный статус.

Детских игр, как устных, так и подвижных, без участия взрослых множество. Это говорит о том, что ребенок как индивид внедряется в общественную среду, может совершать самостоятельные действия, обладать индивидуальным мышлением, сознанием, так как в ходе игры многие речевые клише дети сочиняли сами.

Через эти игры ребенок контактирует со сверстниками, не только используя вербальный компонент, но и при помощи разного рода действий. Так подвижные игры способствуют становлению характера, проявлению лидерских, организаторских способностей, ловкости, сноровки и т.д.

Здесь необходимо отметить, что относительно сложности игры, детские подвижные игры подразделяются на две группы: первая группа не перегружена сложными действиями и скорее предназначалась для детей в возрасте до 5–7 лет (эти игры могли предназначаться как для мальчиков, так и для девочек). Вторая же группа игр насыщена различными действиями, направленными в русло профессионального роста. Так, к подростковому периоду детские подвижные игры делились на игры для мальчиков и для девочек. Игры для мальчиков имели отношение к военному искусству, земледелию, сложным видам мужской работы, а игры для девочек направлены на развитие рукоделия, ведению домашнего хозяйства и т.д.

Приведем примеры игр детей младшего возраста (примерно 4–7 лет), в них участвовали как мальчики, так и девочки. Такой была игра «Бажэ» – «Лиса». Выбирали «лису». Она («лиса») становилась в сторонку. Остальные («гуси»), держались либо за руки, либо за пояс паровозиком, во главе с ведущим ходили по кругу. Ведущий приговаривал:

*– Къаз-къаз!
– Хъуаклуэ доклуэ,
– Къаз-къаз!
– Дыкъоклуэж! –
– Гуси-гуси!
– Идем на охоту, – говорят другие.
– Гуси-гуси!
– Возвращаемся!*

Когда «гуси» возвращались, «лиса» подкрадывалась к ним и хватала самого последнего «гуся». Игра продолжалась, пока «лиса» не переловит всех «гусей», пока не останется один из них и ведущий. Затем, ведущий становился «лисой», и игра возобновлялась¹⁰.

Другая игра «Жъынду цыклу» – «Совенок» тоже предназначалась для младшей аудитории. Дети становятся в круг, а один остается посреди круга. Это «совенок». Остальные, кто «бабочка», кто «птичка», кто «жучок». Когда ведущий говорит: «Наступило утро!», – дети имитируют этих животных, а «совенок» спит. Когда ведущий говорит: «Наступает ночь!» – все засыпают, «совенок» просыпается и всматривается во всех. Кто из детей зашевелится или засмеется, попадает в плен к

«совенку» и становятся в круг вместе с ним. Игра продолжалась, пока «совенок» не поймает всех, стоящих по кругу¹¹. Помимо развлекательного характера такие игры позволяли, детям проявить себя, свой характер, какие-либо качества присущие ему как индивиду, а также умению обходиться со сверстниками.

С.Х. Мафедзев, классифицирует детские игры адыгов на несколько групп: «...игры воспитывающие трудолюбие (трудовые игры), игры, вырабатывающие сноровку, ловкость, быстроту (военно-прикладные игры), игры, развивающие умственные способности и нравственные качества, иначе говоря, морально-дидактические¹²». Также игры подразделялись на игры для мальчиков и для девочек. Он же, в своем труде представляет серию подвижных игр для детей подросткового возраста. Ученый делит их на две группы: игры со снарядом (игры с мячом, с деревянным шаром, игры с веревкой, т.е. те игры, которые требуют подручные инструменты) и игры без снаряда (символические игры и игры-соревнования). Приведем пример игры с деревянным шаром «*Топ зэрыж*» – «*Метание мяча*», носящей соревновательный характер. В ней присутствуют и подручные инструменты. Для этого брали палку длиной 70–90 см. и диаметром 2–3 см. При выборе палки для игры ее обхватывали за конец и с каждым и с каждым обхватом (то одной, то другой рукой) произносили считалку, таким образом, определялась удачная длина палки. Вот текст:

*Дей, дей,
Дей, баш,
Баш мыгъуэ,
Мыгъуэнци,
Фамьцици,
Дыци уанэ¹³ –
Орешник, орешник,
Из орешника палка,
Ты несчастная,
Ты счастливая,
Сто угольков,
Золотое седло.*

Таким образом, по мнению С.Х. Мафедзева, определялась не только удачная длина палки, этими словами просили палку быть благосклонной и милостливой, о чем говорят слова «*фамьцици – сто углей*», «*дыци уанэ – золотое седло*». Уголь у адыгов обладал магическими свойствами и символизировал очаг. А слова «*дыци уанэ – золотое седло*», по всей вероятности являлись символом достатка, роскоши, добра, благополучия и счастья¹⁴. В играх с деревянным шаром сам шар не всегда мог быть правильной формы, это также мог быть и деревянный обрубок, или же мяч из овчины, войлока или шерсти. Такие мячи называли просто «*топ – мяч*», а приспособление из дерева «*пхэ топ – деревянный мяч*».

Прежде чем начать игру участники делились на две группы, выстраиваясь в два ряда. Расстояние между рядами было 6–8 метров, а между игроками 15–20 метров. Так, игроки противоположных команд стояли друг напротив друга – попарно. Причем выстраивались так, что младшие, как слабые, стояли первыми – они и начинали игру. Старшие же, как сильные и опытные, находились дальше и играли в финише. Те, кто стояли ближе к финишу или вообще не принимали участия в игре, объявляли о начале игры с криком: «*Топ зэрыж! – Метание мяча!*» Первая пара мальчиков быстро бросала на землю шары (или обрубки дерева) и подгоняла – каждый к следующему из своей команды. Так шар передавался от одного игрока к другому. Нельзя было подбрасывать шар мимо очередного игрока, для этого проводили линию или делали отметку, кладя камень. Если шар все же был брошен мимо очередного игрока, допустивший ошибку, должен был пригнать его (шар) при помощи палки к очередному напарнику. Принимающие шар, могли

отступить от шара на три-четыре метра, остановить его на лету, если такое удавалось. Последняя пара мальчиков, оставшихся на финише, могла пробить по шарам сильными ударами, но обязательно следовало добежать до финиша (дерево, плетень, стена и т.д.). Партия, закончившая игру первой, и считалась победительницей. Затем победители садились на спины побежденных, а те (проигравшие) в свою очередь несли их к месту старта игры¹⁵. Эта игра-соревнование не только вырабатывала физические способности ребенка, но также и приобщала к чувству коллективизма, чувству долга и выполнению определенных ответственных действий, от которых зависел общий результат. Также важной практической целью игры, было воспитание быстроты, силы и меткости, что в прошлом имело большое значение для жизни.

Игры для девочек, как уже оговаривалось, имели отношение к женскому труду, а именно занятиям по дому, приготовлению пищи, рукоделию и т.д. Таковой была игра «*Къих – Стежок*» (букв.: *Вытяжка*). Для этого одна из девочек брала нить длиной 80 сантиметров, завязывала концы нитей и надевала на кисти рук так, чтобы ладони были друг напротив друга. Другая же девочка, вытягивала нить поочередно, пальцами то левой, то правой руки, таким образом, создавая геометрические фигуры.

Подобные игры развивали у девочек способности к рукоделию. Это было не только развлечением, а имело важное значение, так как одним из основных женских занятий было рукоделие и шитье. В то же время, создавая различные геометрические фигуры, развивалось творческое мышление, понятия об эстетике, красоте создаваемого предмета – все это пригождалось девочкам во взрослой жизни¹⁶.

Нельзя не сказать, что наиболее популярной игрой девочек, была игра в кукольный домик – «*гуацэ унэ*». Эта игра не только развивала физические способности ребенка, но мышление, речь и ум. Помимо всего, игра «*гуацэ унэ – игрушечный домик*» носила поучительный характер, так как в ней девочки учились правильному обхождению с гостями во взрослой жизни. Помощниками в этой игре являлись бабушки и дедушки девочек. Дедушки мастерили для внушек домики из лозы, покрывали ее соломой и камышом. Такой домик напоминал большой адыгский дом, но был в соответственно уменьшенных размерах. Бабушка же, была главной советчицей малышке в том, что должно было находиться в этом домике. Обычно туда ставили кроватку из сплетенных прутьев, столик-треножку, стульчики, посуду – словом, все то, что должно стоять в комнате для гостей. Кроме всего прочего, бабушка изготавливала куклу для внучки. Куклу мастерили из лоскутков: глаза, нос губы и брови куклы вышивали нитями, шили одежду для нее, волосы куклы были либо из нитей, либо из волоса кукурузного початка, ноги обычно делались из пустой катушки из-под ниток. Позже девочек самих учили шить наряды для своих кукол, таким образом, учили их рукоделию. Обычно играли две или три девочки, имитируя, что одна идет в гости к другой, вместо кукол говорили они сами. Вот здесь вырабатывались коммуникативные способности детей, вежливое обращение друг с другом, а в данной ситуации с гостями. Внедрялись в сознание речевые стандарты изысканного общения. Прививались вербальные формулы и правила обхождения с гостями, а именно, такие установки, как то, что гостю должно достаться лучшее почетное место в доме, что его следует потчевать лучшими яствами, надо развлекать его приятной беседой и т.п. Здесь же девочки вырабатывали тактику приветствий и прощаний с гостями. При помощи игры ребенок приспосабливался к социуму, той или иной жизненной ситуации. Также эта игра способствовала формированию в девочках доброго нрава и манер, требуемых в рамках адыгского этикета.

Примечания

1. *Пицбий Инал*. Адыгэ ІуэрыІуатэ. Налшык: Эльбрус, 1998. Н. 177.
2. Архив ИГИ КБНЦ РАН. Папка 31 а. Паспорт № 35.
3. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. I / под ред. Е.В. Гиппиуса. М.: Всесоюзное изд-во «Советский композитор», 1980. С. 14.
4. *Мафедзев С.Х.* Адыги. Обычаи и традиции. Изд-во: Эль-Фа, 2001. С. 322.
5. Архив ИГИ КБНЦ РАН. Папка 31 а. Паспорт № 32.
6. Архив ИГИ КБНЦ РАН. Папка 31 а. Паспорт № 32, 33, 34.
7. Архив ИГИ КБНЦ РАН. Папка 31 а. Паспорт № 35.
8. Там же.
9. Архив ИГИ КБНЦ РАН. Папка 31 а. Паспорт № 59.
10. *Жылау Нурбий*. Щэнгъасэ. Налшык: Эльбрус, 1995. Н. 154.
11. Там же. Н. 157–158.
12. *Мафедзев С.Х.* Очерки трудового воспитания адыгов. Нальчик, 1984. С. 73.
13. Архив ИГИ КБНЦ РАН. Папка 31 а. Паспорт № 7.
14. *Мафедзев С.Х.* Адыгские подвижные игры для детей // Вопросы этнографии и этносоциологии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981. С. 93.
15. Там же. С. 92–93.
16. *Мафедзев С.Х.* Очерки трудового воспитания адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 85.

L.A. Gutova

FOLKLORE IN THE CONTEXT OF GAME

The article is devoted to children's games, which existed in the traditional Adyghe society. This includes verbal and mobile games of training, developing and entertaining nature. The work was supported by materials of children's folklore, stored in the manuscript archive of the IHR of KBSC RAS, on previously published texts and scientific papers on the topic under study. There is also disclosed the significance and role of games and poetic expression in the development of children.

Keywords: children's creativity, Huroma, Era-era-eru, rhymes-kebzhechi, outdoor games.

Л.С. Хагожеева

**ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕРОЯ
ЧЕРЕЗ ОПИСАНИЕ ВОИНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ
(на материале адыгских историко-героических песен)**

Статья отображает способ характеристики героя через описание воинского снаряжения – оружия и коня. Историко-героические песни указывают на их значимость для адыгского воина. В связи с этим, для исследования и анализа привлекается материал адыгских историко-героических песен.

Ключевые слова: Историко-героические песни, адыгэ хабзэ (адыгский этикет), воинско-аристократические сословия, оружие, конь.

С незапамятных времен войны, во всех ее проявлениях, занимали большое место в жизни адыгов. Весь уклад жизни адыгов был пронизан военным бытом. Исторические условия, в которых развивалось и существовало адыгское общество, постоянная угроза нападения со стороны внешних врагов, внутрифеодальные конфликты привели к возникновению особых форм общественной структуры, организации адыгского общества, выделению прослойки профессиональных воинов-уорков, возглавляемых владельческими князьями. Князья и владельцы, составлявшие феодальную правящую элиту адыгского общества, выработали особые воинский по своей сути, и, одновременно, светский кодекс правил поведения, взаимного обращения, опирающийся на целую систему нравственно-этических и философских ценностей. Князья обязаны были быть хранителями традиции и гарантами незыблемости общества. Они были абсолютным примером поведения, воинской доблести и мастерства, а так же несли полную ответственность за безопасность своих подданных и их имущества, отвечая в случае чего своим имуществом даже перед простыми землевладельцами, если не смогли их защитить. Так как адыгские воинско-аристократические сословия были профессиональными воинами, которые посвящали всю свою жизнь сражениям, защите интересов своего народа, своего дома, они не могли заниматься никакими другими видами деятельности – торговлей, земледелием и пр. В историко-героических песнях и плачах по погибшим героям довольно часто отмечается тот факт, что герой всю свою жизнь проводит верхом на коне, в сражениях и набегах. Например, в песне-плаче «Къанокъуэ Етэч и гыбзэ» – «Плач о Канокове Етече»:

Ар и ныбжькIэ джатэ гъэхуахуэт,
Ар езыри хуарэ цыпашхъуи
А езыри хэтхэмэ яшыщ?
Ар Къанокъуэм и къуэкIи Айтэчт. –

Он всю жизнь свою мечом играл...
на хуаре* серой сидел.
Он сам рода какого?
Это Каноко сын Айтэч¹.

* хуаре – порода лошадей.

В условиях постоянной необходимости отражения нападения внешних врагов, вовлеченности в междоусобные конфликты особую значимость приобретало не только обладание военными навыками, но и лучшим боевым оружием, походным снаряжением и лошадьми. В военно-аристократической среде обладание хорошим снаряжением – оружием и конем были не только необходимостью, но предметом гордости. Оружие для профессиональных воинских сословий было не только необходимым элементом воинского снаряжения, но и единственным предметом богатства, и даже роскоши. Как отмечали многие исследователи, в среде адыгских князей и дворян-урков не принято было носить богатые одежды. «Заметим, что слишком пышно одеваться почитается у них не очень приличным, – пишет Хан-Гирей, – почему стараются более щеголять вкусом, нежели блеском; чистоту же и опрятность предпочитают пышности»².

Внешний облик воинов-урков был аскетичен, принадлежность уоркскому или княжескому сословию подчеркивалось порой только цветом одежды (например, черкеска и бурка белого цвета были исключительной привилегией княжеских сословий), обуви, оперения стрел, а также богато отделанным, изысканным оружием, изготовленным лучшими мастерами оружейниками. «Адыг, – отмечает Т. Лапинский, – любит свое оружие больше всего на свете и кладет на его сохранение больше забот, чем на свою собственную персону. Его оружие всегда находится в таком блестящем состоянии, что самый лучший европейский солдат может взять с него пример»³.

У аристократических адыгских племен в конце XVIII века обладание военным снаряжением и оружием – кольчугой, луком, стрелами было привилегией дворян-урков и князей. «Крестьяне, – отмечает Ян Потоцкий, – совершенно не имеют право носить кольчугу, колчан и стрелы; на войну они отправляются в повозках и сражаются пешком»⁴.

Общеизвестно, что многие из элементов вооружения адыгов были переняты казаками и регулярными войсками русской армии. «Всем были известны, писал В.А. Потто, – превосходные боевые качества этой природной и, без сомнения, лучшей конницы в мире. ...Глядя на них можно было без колебаний сказать, что никакая кавалерия в свете не устоит против их сокрушительного удара в шашки»⁵.

Первоклассное для того времени вооружение, великолепная военная выучка всадников, выносливость и подготовка боевых коней позволили адыгской коннице считаться одной из лучших в мире. «Черкесы, отмечал Хан-Гирей, – в день сражения одеваются в самые лучшие свои одежды, которые вместе с блестящими их шлемами, кольчугами, стрелами и богатыми конскими сбруями представляют прекрасный, разнообразный и величественный вид, которым отборное их войско отличается»⁶.

В связи с вышеизложенным, в историко-героических песнях и плачах, описание героя – его доблести, воинского мужества – подчеркиваются посредством описания его вооружения и снаряжения – ружья, меча, сабли, шлема, кольчуги и т.д. Например:

КІэракІэу шыгыры пшъэпІэху ...
Зыщымыхъужьырэм ти кьалэ –

Чарача* на нем широкая ...
Когда нам трудно, [он] наша крепость⁷.

У молодых княжичей эрежибовские ружья трещат,
наследные тонкие кольчуги сверкают,
Из всего войска выделяются они
сверкающими шлемами⁸.

* чарача (кІэракІэ) – вид наиболее прочных кольчуг.

Поэтической формулой, встречающейся во многих адыгских песнях и характеризующей качество оружия и достоинства его обладателя, является сравнение ствола его ружья со скорлупой ласточкиного яйца, например, в «Песне о ночном нападении кабардинцев» (бжедугская версия):

ПцIашхьо и джэдэджапэр и шхонч,
КЫракIэ гушэуи и ашхьо пэгъури ашIэды! –

Как скорлупа ласточкиного яйца, тонок его ружья ствол,
Нарядный его кольчуги перед – блестит⁹.
[Дуло] ружья его тонкое, как скорлупа ласточкина яйца.
Прицел [ружья] его – вытянутая золотая нить,
Не прицеливаясь, он стреляет¹⁰.

О значимости оружия для адыгского воина писал К. Гейне, приведший свидетельство процесса насильственного выселения абадзехов со своих земель. К. Гейне отмечал, что абадзехи, в ожидании турецких кораблей, будучи в крайней нужде, продавали все, в том числе и оружие. Но абадзехские старики не расставались с оружием до конца. «Очень многими было, однако, замечено, – пишет К. Гейне, – что старики, даже в крайности, не продавали оружия, и подобной торговлей занимались преимущественно молодые люди. Один старик, опоздав, догнал верхом уже отчалившую лодку, соскочил в нее, сорвал с лошади уздечку и бросил в море, а лошадь пустил на волю; потом выстрелил из винтовки и с эффектом бросил ее в воду; то же сделал он с пистолетом, за которым, в свою очередь, последовал и кинжал. Казалось, что, покидая родину, старик вырвал сердце над своим оружием, которое в его руках не остановило сильного завоевателя»¹¹.

Гибель героя в песнях представляется с помощью символического образа навсегда повешенного на стену оружия, или образом коновязи заросшей крапивой; например:

Свирепой чуме подобное ружье черное, грозное
Ты нам навеки висеть на стене оставил¹².
Свирепой чуме подобное ружье черное, грозное
от стрельбы накаляется¹³.
У дубовых столбов, у привязи конской
Вошла – о горе! – крапива. (Гыбза об Увжуко)¹⁴.

Воинский образ жизни, готовность к немедленному отпору или нападению, образ жизни, при котором воинские качества оттачивались в набегах, привело к необходимости выведения особой, кабардинской породы лошадей в различных ее разновидностях (хуарэ, шолох и т.д.).

В песнях, наряду с описанием военного снаряжения – шлема, ружья, кольчуги, меча, сабли, которые выступают признаком воинской доблести его обладателя, описываются также боевые кони воинов-наездников. Для воина-наездника конь – чрезвычайно важная, неотъемлемая часть его жизни, его соратник, боевой товарищ, от которого во многом зависел и успех, и сама жизнь. Н. Дьячков-Тарасов приводит свидетельство, характеризующее отношение адыгского воина к своему коню и оружию: «Рассказывают следующий случай, характеризующий любовь горца к родине, к коню и оружию: один из абадзехских воинов, прекрасно вооруженный и «доброконный», в течение нескольких дней искал покупателя для своей лошади и оружия; наконец, встречая везде низкую оценку, обратился к русскому офицеру: тот предложил все свое серебро – около 20 рублей. Сосчитав деньги, абадзех горько улыбнулся, возвратил их офицеру; затем, вскочивши на коня, бросился в море. Долго плыл он на глазах всего рынка, борясь с волнами, пока не скрылся под водой»¹⁵.

Конь в адыгских историко-героических песнях и плачах своего рода «alter ego» его хозяина. В «Песне о Каракашкатауской битве» конца XVI – начала XVII века кони героев мифологизируются, вызывая ассоциации со сказочными альпами, пасущимися с оленями:

Яш гушэри бланэмэ ныхдохъри,
Езы гушэхэр лыхъущхэм ироджэгури –

Их кони с оленями пасутся
Сами они головами витязей играют¹⁶.

В песне-плаче «Гыбза об Увжуко», сложенной в честь погибшего героя, изображение гибели павших передано с помощью образов могучих боевых коней – шолох, потерявших своих наездников, грызущих и гремящих удилами:

Слушаем в балке осенней и слышим пушечный гром.
Кругом, прислушавшись шепчут:
– Лучшего уорка сыны полегли!
Шолохи старые [могучие] – горе! – грызут удила:
Тот с кем играет уж райская хур,
Это Куденетов, сын Магомета
Шолохи старые [могучие] гремят удилами,
К мертвому мчат черноглазую деву:
Вот уж певучие речи читапа звучат:
Старую саблю рубить заставлял
Плешивого сын, Зекарей
Ох, шолох старый [могучий] – встает на дыбы,
С клинка стального струится кровь
Сесика сына, Жамбота¹⁷.

(Ра) твой гнедой конь славный пляшет...
Тепло как станет – ты их предводителем будешь!¹⁸.

(А-рай) балатоко чалый (гуца, ра), балатоко чалый
Это конь чалый с коленями черными¹⁹.
В песне «Жэштеуэ» – «Ночное нападение»:
На коне лоовской породы, что глядит из под челки,
муж, едущий верхом, плетью в левой руке
<коня> погоняет, а встречных, словно
весенняя молния поражает ...
Русское войско разгоняет <надвое> подобно
<отаре > испуганных овец. ...
В памяти у кабардинцев оставшись, спешил
Ажджария сын Ислам!²⁰.

«Жэштеуэ» – «Ночное нападение»:
В день этот белого коня чистокровного наряжает
Наносит удар и в середину круга выпускает.
Посмотреть на него – <это> муж смуглый,
невзрачный, но умелый во владении оружием.
Когда надо возвращаться – разворачивается как вольный наездник.
(Алтуд Жаноко)²¹.

Таким образом, в адыгских историко-героических песнях и плачах нашли отражение и подтверждение основные установки, принципы и нормы, организующие специфические особенности образа жизни адыгского общества и, в частности, воинской феодальной ее прослойки. Так в историко-героических песнях

и плачах, описание героя – его доблести, воинского мужества – подчеркиваются посредством описания его вооружения и снаряжения – ружья, меча, сабли, шлема, кольчуги, коня и т.д.

Примечания

1. Адыгские песни времен Кавказской войны. [Текст] / общ. ред., сост. вступ. ст. В.Х. Кажарова / сост. вступ. ст. А.М. Гутов. Нальчик: Эль-Фа, 2005. С. 245, 251.
2. *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. 333 с. С. 227.
3. *Латинский Т. (Тэффик-бей)*. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик: Эль-Фа, 1995. С. 141.
4. *Потоцкий Я.* Путешествие в Астраханские и Кавказские степи // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / сост., ред. перевод, введение, вступ. статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 225–234. С. 227.
5. *Потто В.А.* Кавказская война. В 5-и т. / ред. Н.М. Васильева. Ставрополь: Кавказский край, 1994. Т. 1–5.
6. *Хан-Гирей*. Указ. соч. С. 308.
7. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. 3. Ч. 1: Героические величальные и плачевые песни. Антология / сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев / под ред. Е.В. Гиппиуса. М.: Сов. композитор, 1986. 264 с. С. 248, 249.
8. Адыгские песни времен Кавказской войны. Указ. сборник. С. 90, 92.
9. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Указ. сборник. С. 238, 240.
10. Адыгские песни времен Кавказской войны. Указ. сборник. С. 90, 92.
11. *Гейне К.* Пшехский отряд с октября 1862 по ноябрь 1864 года // Военный сборник, 1866 г. № 4. 234 с. С. 234.
12. Адыгские песни времен Кавказской войны. Указ. сборник. С. 294.
13. Там же. С. 295.
14. Там же. С. 156.
15. *Дьячков-Тарасов А.Н.* Абадзехи. (Историко-этнографический очерк) // Записки Кавказского отдела Русского географического общества, Кн. 22. Вып. 4. 1902 / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Djachkov_Tarasov_N/text4.htm.
16. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Указ. сборник. С. 197.
17. Адыгские песни времен Кавказской войны. Указ. сборник. С. 155.
18. Там же. С. 290.
19. Там же. С. 294.
20. Там же. С. 92.
21. Там же. С. 93.

L.S. Hagozheeva

CHARACTERISTICS OF THE HERO THROUGH A DESCRIPTION OF MILITARY EQUIPMENT (on the material Adyghe historical and heroic songs)

The article shows a way to characterize the hero through a description of military equipment – weapons and horse. Historical and heroic songs indicate their importance for the Adyghe warrior. In this regard, the material Adyghe historical and heroic songs is used for research and analysis.

Keywords: historical and heroic songs, adyghe habze (adighesky etiquette), military-aristocratic classes, weapons, horse.

И.В. Мамиева

ДРАМА КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Рецензия на монографию д.ф.н. А.М. Сарбашевой «Поэтика балкарской драматургии». – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 148 с.

В литературоведении, в особенности региональном, наименее изученной среди литературных родов остается, пожалуй, драматургия. Что касается вопросов поэтики, то до недавнего времени они либо игнорировались, либо, в лучшем случае, отодвигались на периферию исследовательских интересов. Рецензируемая монография Алены Мустафаевны Сарбашевой отчасти восполняет этот пробел.

Итогом устойчивого внимания автора к эстетике драмы несколькими годами ранее явилось издание фундаментального труда, в котором поднимались вопросы фольклорно-обрядовых истоков и динамики драматургических жанров в балкарской литературе¹. Написанию рецензируемой работы также предшествовал ряд серьезных статей, посвященных различным аспектам становления и развития драмы в системе национальной художественной словесности², своеобразию жанровых компонентов³, речевой структуры⁴, эстетики воплощения трагического⁵ и комического⁶, функциональности символических обобщений⁷.

В «Поэтике балкарской драматургии» А.М. Сарбашевой в едином историко-теоретическом ключе продолжено исследование истории балкарской сценической литературы, – но уже с обостренным интересом к «специфике индивидуально-жанровых явлений»⁸, рассмотренных автором «в единстве с системой средств художественного воплощения»⁹. Нацеленность на теоретико-аналитический подход в изучении произведений различной жанровой формы (трагедии, драмы, комедии) определила архитектонику книги. Композиционно материал организован таким образом, чтобы последовательно и в логической соподчиненности разделов и глав проанализирован ряд важных проблем. Это типы трагического как высшего проявления героического, как следствия противоречивого сознания, трагической участи; эстетическая природа и формы смеха (комизм характеров и ситуаций, лексические средства выражения комического); типы драматизма (драматизм отношений, обстоятельство, неопределенности, заблуждения и т.п.).

Выбор темы рецензируемого исследования А.М. Сарбашева мотивирован необходимостью осмысления с новых литературоведческих позиций «эстетически значимого литературного материала» в эволюционной динамике: от истоков зарождения драматургической традиции в культуре народа до художественно зрелых ее форм в современном бытовании. Внимание автора, в частности, сконцентрировано на значимости и непреходящей остроте проблемы взаимодействия двух эстетических систем – фольклора и литературы. Изучение отдельных звеньев этого взаимодействия, во-первых, подводит А.М. Сарбашеву к принципиально важным выводам, среди которых положение о том, что «этнокультурная составляющая в художественной структуре современной балкарской драмы оказала влияние на образную систему, художественно-эстетические особенности, процесс эволюции литературы в целом»; во-вторых, значительно увеличивает диапазон полученных ею в процессе анализа результатов, поскольку, как справедливо отмечает сам

автор, функция фольклорно-этнографического компонента как яркого жанрового качества национального драматического искусства не исчерпывается маркировкой самобытности характера и психологии народа. Она также «способствует формированию этнокультурного пласта как действенного средства духовно-нравственного воспитания общества»¹⁰.

Безусловная ценность монографии А.М. Сарбашевой выражается в том, что впервые в балкарской науке о литературе сквозь призму поэтики жанра предпринята попытка комплексного изучения национальной драматургии в аспекте ее генезиса и эволюции. В исследовании продуцируются методологические подходы, которые существенно обогатят применяемый в северокавказском литературоведении инструментарий изучения национальной драматургии сквозь призму концептуального видения круга проблем, поднимаемых в монографии. Наряду с использованием традиционных методов академического литературоведения (сравнительно-исторического, историко-генетического, типологического, проблемно-тематического и др.), перспективным представляется оценка А.М. Сарбашевой литературных фактов и явлений с позиций междисциплинарного подхода (этнокультуроведческий, фольклорно-мифологический, историко-социальный аспекты).

Современный методологический аппарат исследования позволяет автору органично соотнести внутренне имманентные законы литературного развития с обстоятельствами политико-идеологического и социокультурного плана, сформулировать и обосновать своеобразный «закон взаимодействия» творческой личности и национального художественного мировидения.

Бесспорными достоинствами работы А.М. Сарбашевой являются тщательная и объемная разработка избранной проблематики, ориентированность на изучение процессов интенсивного обновления прерванных традиций, на глубину осмысления балкарской драматургией в постдепортационный период этнокультурной составляющей, на вдумчивый анализ языковых художественных средств, условных форм образности, не нашедших еще должного отражения в филологической науке региона.

Изучение закономерностей формирования и функционирования национальной драматургии в этноментальном контексте и в сопряжении с другими видами словесного художественного творчества осуществляется в едином пространстве регионального и общероссийского литературного развития. Это позволяет, как верно подмечено самим автором, существенно расширить «представление о жанровых возможностях национальной литературы», о ее уровне и эстетической значимости в системе художественного осмысления общечеловеческих ценностей¹¹.

Результаты исследования, как представляется, будут активно востребованы при изучении жанра драмы в национальных литературах региона, при создании учебников и учебно-методических пособий, при разработке для студентов филологических специальностей лекционных курсов по истории балкарской литературы и литератур народов Северного Кавказа. Нет сомнения в том, что издание будет полезным и для всех специалистов-гуманитариев, интересующихся словесно-художественным своеобразием сценической литературы.

Монография А.М. Сарбашевой «Поэтика балкарской драматургии» вносит весомый вклад в развитие жанровой парадигмы национальной драматургии, имеет несомненную ценность для северокавказского литературоведения в целом.

Примечания

1. *Сарбашева А.М.* Балкарская драматургия: этнофольклорная традиция и эволюция жанра. Нальчик: Издательство КБИГИ, 2009. 240 с.

2. *Сарбашева А.М.* Балкарская драматургия (Основные этапы становления и развития) // Известия КБНЦ РАН. Нальчик, 2012. № 6. С. 167–171.

3. *Сарбашева А.М.* Художественное своеобразие жанровых компонентов современной балкарской трагедии // Известия КБНЦ РАН. Нальчик, 2013. № 4. С. 203–209.
4. *Сарбашева А.М.* Особенности речевой структуры современной балкарской драмы // Известия КБНЦ РАН. Нальчик, 2012. № 2. С. 169–174.
5. *Сарбашева А.М.* Трагическое как эстетическая категория в национальной литературе // Известия КБНЦ РАН. Нальчик, 2013. № 6. С. 244–249.
6. *Сарбашева А.М.* Проблематика и поэтика национальной комедии (на материале творчества балкарских драматургов) // Известия КБНЦ РАН. Нальчик, 2014. № 4. С. 208–213; *Она же.* Художественные средства отображения комического в балкарской драматургии (На примере творчества Жагафара Токумаева) // Вестник КИГИ РАН. Элиста, 2014. № 3. С. 163–168.
7. *Сарбашева А.М., Болатова А.Д.* О специфике символических обобщений в национальной балкарской литературе // Вестник КИГИ РАН. Элиста, 2014. № 1. С. 54–58.
8. *Сарбашева А. М.* Поэтика балкарской драматургии. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. С. 6.
9. Там же. С. 12.
10. Там же. С. 134.
11. Там же. С. 13.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Муратова Елена Георгиевна, д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории России Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
Тел. +7-928-703-90-79
E-mail: lena_gm@mail.ru

Озова Фатима Анатольевна, к.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории и археологии народов КЧР Карачаево-Черкесского ордена «Знак почета» института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР
369000, г. Черкесск, ул. Горького, 1 «А»
Тел. +7-915-125-09-09
E-mail: fo7799@rambler.ru

Кармов Амерби Хазретович, к.и.н., старший научный сотрудник сектора новейшей истории ИГИ КБНЦ РАН
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. +7-928-078-68-98
E-mail: kdigi@mail.ru

Жанситов Осман Асланович, к.и.н., старший научный сотрудник сектора новейшей истории ИГИ КБНЦ РАН
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. +7-928-694-93-70
E-mail: kbigi@mail.ru

Тхамокова Ирина Хасановна, к.и.н., старший научный сотрудник сектора этнологии и этнографии ИГИ КБНЦ РАН
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-46-97
E-mail: kbigi@mail.ru

Кожев Заурбек Анзорович, к.и.н., зав. сектором средневековой и новой истории ИГИ КБНЦ РАН
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. +7-903-497-11-69
E-mail: kbigi@mail.ru

Тетуев Алим Инзрелович, д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории ИГИ КБНЦ РАН
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. +7-928-083-16-66
E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Ошроев Рубен Германович, к.и.н., доцент, руководитель Группы по изучению проблем современного развития общества ИГИ КБНЦ РАН
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. +7-909-490-39-99
E-mail: ruben.kbr@mail.ru

Такова Александра Николаевна, к.и.н., старший научный сотрудник проблемной группы по изучению современного развития общества ИГИ КБНЦ РАН
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. +7-928-706-45-34
E-mail: kbigi@mail.ru

Аппоев Алим Каншаевич, к.ф.н., доцент, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка ИГИ КБНЦ РАН
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. +7-928-719-15-97
E-mail: appoev74@mail.ru

Кучмезова Лариса Борисовна, к.ф.н., научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка ИГИ КБНЦ РАН
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. +7-928-084-11-84
E-mail: Larisakuchmezova@mail.ru

Тимижев Хамиша Тарканович, д.ф.н., зав. сектором кабардино-черкесской литературы ИГИ КБНЦ РАН
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. +7-928-709-69-39
E-mail: kbigi@mail.ru

Керимова Раузат Абдуллаховна, к.ф.н., научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы ИГИ КБНЦ РАН
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. +7-928-692-81-38
E-mail: K.roza07@mail.ru

Хавжокова Людмила Борисовна, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы ИГИ КБНЦ РАН
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. +7-909-487-65-86
E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Берберов Бурхан Абуясуфович, д.ф.н., зав. сектором карачаево-балкарского фольклора ИГИ КБНЦ РАН
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. +7-928-082-41-95
E-mail: burhan_berberov@mail

Бухуров Мухамед Фуадович, к.ф.н., зав. сектором адыгского фольклора ИГИ КБНЦ РАН
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. +7-909-488-99-04
E-mail: mbf72@mail.ru

Гутова Ляна Адамовна, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора ИГИ КБНЦ РАН
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. +7-928-701-57-31
E-mail: adm.gut@mail.ru

Хагожеева Лиана Славовна, младший научный сотрудник сектора адыгского фольклора ИГИ КБНЦ РАН
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. +7-963-393-26-15
E-mail: liana1771@mail.ru

Мамиева Изета Владимировна, к.ф.н., доцент, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиала Федерального государственного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (СОИГСИ ВНЦ РАН)

362015, г. Владикавказ, ул. Калоева, 20

Тел. +7-918-838-71-62

E-mail: dzirasga@mail.ru

THE AUTHORS OF THIS ISSUE

Muratova Elena Georgievna, Doctor of History, professor, Head of the Department of Russian History of the Kabardian-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov

173 Chernyshevsky Street
Nalchik 360004
Ph. +7-928-703-90-79
E-mail: lena_gm@mail.ru

Ozova Fatima Anatolyevna, Candidate of History, Associate Professor, Chief researcher of the Department of History and Archeology of the Karachay-Cherkessia peoples of the Karachai-Cherkess Institute of Humanitarian Studies of the Government of KCR

1 «А» Gorky Street
Cherkessk 369000
Ph. +7-915-125-09-09
E-mail: fo77992@rambler.ru

Karmov Amerbi Khazretovich, Candidate of History, Senior Researcher of the Modern History Sector of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-928-078-68-98
E-mail: kbigi@mail.ru

Zhansitov Osman Aslanovich, Candidate of History, Senior Researcher of the Latest History Sector of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-928-694-93-70
E-mail: kbigi@mail.ru

Tkhamokova Irina Hasanovna, Candidate of History, Senior Researcher of the Ethnology and Ethnography Sector of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-46-97
E-mail: kbigi@mail.ru

Kozhev Zaurbek Anzorovich, Candidate of History, Head of the Sector of Medieval and New History of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-903-497-11-69
E-mail: kbigi@mail.ru

Tetuev Alim Inzrelovich, Doctor of History, Associate Professor, Leading Researcher of the Sector of the Latest History of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-928-083-16-66
E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Oshroev Ruben Germanovich, Candidate of History, Associate professor, Head of the Group for the Study of the Problems of Modern Development of Society of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-909-490-39-99
E-mail: ruben.kbr@mail.ru

Takova Alexandra Nikolaevna, Candidate of History, Senior Researcher of the Group for the Study of the Modern Development of the Society of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-928-706-45-34
E-mail: kbigi@mail.ru

Appoev Alim Kanshauovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher of the Karachay-Balkar Language Sector of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-928-719-15-97
E-mail: appoev74@mail.ru

Kuchmezova Larisa Borisovna, Candidate of Philology, Researcher of the Karachay-Balkar Language Sector of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-928-084-11-84
E-mail: Larisakuchmezova@mail.ru

Timizhev Khamisha Tarkanovich, Doctor of Philology, the Head of the Sector of the Kabardian-Circassian Literature of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-928-709-69-39
E-mail: kbigi@mail.ru

Kerimova Rauzat Abdullakhovna, Candidate of Philology, Researcher of the Sector of Karachai-Balkar Literature of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-928-692-81-38
E-mail: K.roza07@mail.ru

Havzhokova Lyudmila Borisovna, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Kabardian-Circassian Literature Sector of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-909-487-65-86
E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Berberov Burkhan Abuyusufovich, Doctor of Philology, the Head of the Sector Karachay-Balkar Folklore of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-928-082-41-95
E-mail: burhan_berberov@mail.ru

Bukhurov Muhamed Fuadovich, Candidate of Philology, Acting Head of the Sector
Adyghe Folklore of the IGI KBSC RAS
18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-909-488-99-04
E-mail: mbf72@mail.ru

Gutova Lyana Adamovna, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Adyghe
Folklore Sector of the IHR KBSC RAS
18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-928-701-57-31
E-mail: adam.gut@mail.ru

Hagozheeva Liana Slavovna, Researcher of the Adyghe Folklore Sector of the IHR
KBSC RAS
18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-963-393-26-15
E-mail: liana1771@mail.ru

Mamieva Izeta Vladimirovna, Candidate of Philology, Associated Professor, Senior
Researcher V.I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies of
the Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences and Republic of
North Ossetia-Alania
20 Kaloyev Street
Vladikavkaz 362015
Ph. +7-918-838-71-62
E-mail: dzirasga@mail.ru

Информация для авторов журнала «ВЕСТНИК КБИГИ»

Журнал принимает к рассмотрению работы, которые не публиковались прежде и не находятся в процессе подготовки к публикации в других изданиях.

1. Редакция журнала принимает для публикации статьи по следующим направлениям:

- история;
- филология;
- проблемы развития современного общества;
- культурология.

2. Объем материалов. Рекомендуемый объем для статьи – до 15 с. (с учетом требований п.п. 4 и 5), включая текст, таблицы, примечания, иллюстрации.

3. Статьи должны иметь:

- 3.1. Направление организации, в которой работает автор;
- 3.2. Акт экспертизы;
- 3.3. Справку из отдела аспирантуры (для аспирантов и соискателей);
- 3.4. УДК (индекс статьи по универсальной десятичной классификации);
- 3.5. Фамилию и инициалы автора на русском языке;
- 3.6. Название статьи на русском языке;
- 3.7. Аннотации (не более 7–10 строк) и ключевые слова на русском языке;
- 3.8. Сведения об авторе на русском языке (место работы и должность, ученая степень и звание, контактный телефон, почтовый и электронный адреса);
- 3.9. В конце текста статьи после примечаний приводятся данные (пп. 3.5.–3.8.) на английском языке, в том числе Ф.И.О. автора (авторов) полностью;
- 3.10. Первая страница статьи подписывается автором.

4. Авторы представляют в журнал один распечатанный экземпляр работы и файл (MS Word, формат DOC или RTF). Текст работы должен быть набран в формате бумаги А4 шрифтом Times New Roman 14 через полуторный интервал; страницы должны быть автоматически пронумерованы. При использовании в статье аббревиатур и сокращенных названий необходимо давать их расшифровку в конце статьи после списка примечаний. Иллюстрации должны быть хорошего качества и представлены дополнительно в виде графических файлов (в формате TIFF или JPEG).

5. Примечания помещаются в конце статьи (затекстовая ссылка) и вносятся автоматически; нумерация сквозная, например:

- 1) Фотометрия и радиометрия оптического излучения. М.: Наука, 2002. Кн. 5. С. 24.
- 2) Археология: история и перспективы: сб. ст. I межрегиональной конференции. Ярославль, 2003. С. 156.

Нумерация в основном тексте должна полностью соответствовать нумерации и тексту ссылки.

В выходных данных книг следует указывать фамилию и инициалы автора, полное название книги, место издания, издательство, год издания, том или выпуск, общее количество страниц. А в выходных данных статьи – фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, том, номер, первую и последнюю страницы статьи.

Внимание: Вся информация на электронном носителе должна полностью соответствовать бумажному и представлять собой окончательный вариант научного труда.

Рукописи и электронные носители авторам не возвращаются.

Решение о публикации или отклонении статей принимается редакционной коллегией.

Усл. печ. л. 12,8

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 197

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Отпечатано в Издательском отделе ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. издательским отделом *К.М. Шамахова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*